

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

ПРОЦЕССЫ КОНСОЛИДАЦИИ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ФАКТОРЫ ИНТЕГРАЦИИ И ДЕЗИНТЕГРАЦИИ

Е.М. Арутюнова, И.М. Кузнецов

Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва
981504@mail.ru, ingvar31@yandex.ru

*Статья подготовлена в рамках государственного задания по реализации Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.)
(руководитель – академик РАН В.А. Тишков)*

Аннотация. Статья посвящена анализу применения многомерного подхода к исследованию динамики изменения различных аспектов российской гражданской идентичности, отражающих как внутренние конфликтные зоны, так и точки согласованности, формирующиеся на разных этапах консолидации российского сообщества в условиях внешнего военного, политического и экономического давления. В 2024 году у 64% респондентов зафиксирован высокий уровень сформированности всех компонентов российской идентичности, что свидетельствует о значительной степени социально-политической консолидации. Анализ динамики на региональном примере показывает, что если первый год начала СВО стал периодом общественно-политической турбулентности, то в 2023 г. доминантой стал процесс консолидации российского сообщества, о чем свидетельствует рост показателей всех измерений российской идентичности до значений выше среднего.

Ключевые слова: консолидация, профиль российской идентичности, удовлетворенность принадлежностью к россиянам, Саха (Якутия)

Рассматривая консолидационные процессы в больших сообществах, мы не можем обойти тему социально-культурных идентичностей. Их сложность и иерархичность требуют многомерного подхода. Такой подход к измерению российской идентичности осуществлен с использованием для эмпирического анализа социально-психологической методики, сконструированной К. Личем и его коллегами [Leach, van Zomeren, 2008]. В нашем варианте методика измерения российской идентичности представляет собой блок из 10 суждений, фиксирующих меру сформированности пяти

компонентов российской идентичности. Первый компонент – мера сплочённости, т.е. психологической связи респондента с другими членами российского сообщества, что, в свою очередь, определяет степень приверженности определённым ценностям и целям этого сообщества. Второй компонент – уровень удовлетворённости принадлежностью к сообществу, отражающий меру позитивных эмоций по отношению как к сообществу в целом, так и к факту своей принадлежности к этому сообществу. Третий компонент – степень рельефности – даёт возможность оценить место принадлежности к данной общности в структуре Я-концепции индивида. Четвёртый компонент – самостереотипизация, т.е. мера убеждённости в том, что индивид, причисляющий себя к сообществу, в чем-то похож на других членов данного сообщества. Пятый компонент – гомогенность, т.е. мера убеждённости в том, что члены данного сообщества отличаются от членов других таких же сообществ по бытовой культуре, ценностям, образу жизни и т.п. Средние значения (от 0 до 4 баллов) по каждому из пяти компонентов образуют профиль российской идентичности. Эмпирической базой для анализа по указанной методике послужили результаты общероссийского опроса по репрезентивной выборке 2024 г.¹, а также опросов в Республике Саха (Якутия) в 2021-2023 гг.² для анализа региональной динамики.

Данные о профиле российской идентичности, полученные в 2024 г. характеризуют состояние этой идентичности в особой ситуации военного конфликта и беспрецедентного *внешнего* экономического, политического и военного давления на РФ, т.е. фиксируют профиль российской идентичности, отражающий особенности социально-политической «мобилизации» российского сообщества. А сходства и различия в показателях сформированности тех или иных параметров идентичности могут отражать и

¹ Эмпирическую базу исследования составили данные массового опроса населения РФ, проведённого Институтом социологии ФНИСЦ РАН в ходе реализации первого этапа Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности (2023–2025 гг.). Опрос был проведён в феврале – марте 2024 г. по репрезентативной общероссийской районированной квотной выборке в 22 субъектах РФ. Объём выборочной совокупности – 2000 респондентов, репрезентирующих взрослое (18 лет и старше) население России по параметрам возраста, пола, социально-профессионального статуса, образования и типа населённого пункта проживания.

² Материалы получены в ходе совместного проекта Центра исследования межнациональных отношений Института социологии ФНИСЦ РАН и ГБУ РС(Я) Национальное агентство «Информационный центр при Главе Республики Саха (Якутия)». По идентичному дизайну выборки в 2021, 2022, 2023 гг. было опрошено по 1500 респондентов в 13 муниципальных районах Республики Саха (Якутия), выборка многоступенчатая типологическая квотная. Опрос проводился методом личного формализованного интервью по месту жительства респондентов.

меру консолидированности россиян в этот период.

Меру социально-политической консолидированности россиян можно оценить, сопоставив профили российской идентичности разных социально-демографических групп. Прежде всего это касается меры консолидации граждан России разного возраста (рис. 1).

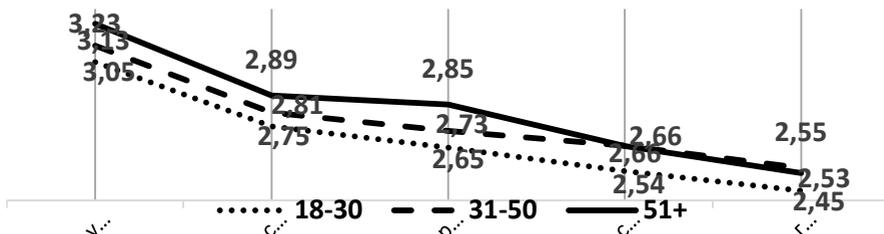

Рисунок 1. Профили российской идентичности представителей разных возрастных групп, 2024

Как следует из результатов сравнительного дисперсионного анализа, статистически значимые различия наблюдаются только между группами самых молодых (18–30 лет) и самых возрастных (51+) респондентов по показателю сформированности рельефности. У респондентов старше 51 года важность принадлежности к россиянам в их личностном самосознании существенно выше, чем у молодёжи до 30 лет. При этом различия по показателям этого параметра в группах молодёжи и респондентов среднего возраста (31–50 лет), а также в группе среднего возраста и самой старшей группе не являются статистически значимыми.

В целом, сопоставление профилей российской идентичности, характерных для разных возрастных групп, позволяет сделать вывод о том, что в 2024 г. можно говорить о высокой степени межпоколенной консолидации россиян. Однако, опираясь на данные о существенных возрастных различиях в профилях российской идентичности в относительно спокойном, 2021 г. (выборка РС(Я)), можно ожидать, что по мере нормализации ситуации в стране и ослаблении внешнего давления возрастные различия в профиле идентичности станут более отчётливыми.

Были обнаружены определённые взаимосвязи показателей отдельных параметров российской идентичности с **объективным** уровнем материальной обеспеченности (рис. 2).

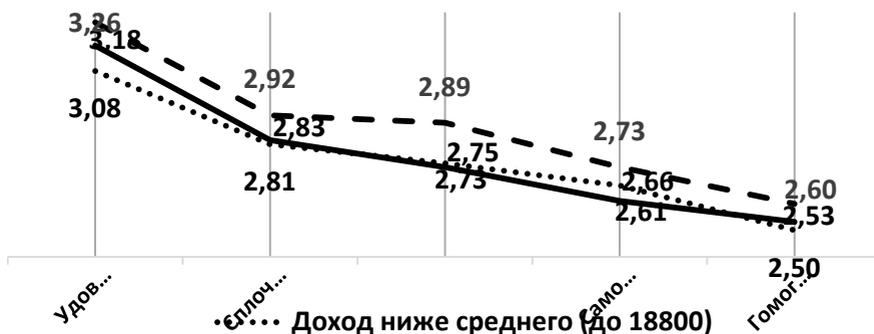

Рисунок 2. Профили российской идентичности в разных группах ежемесячного среднедушевого дохода, 2024

Дисперсионном анализе показателей российской идентичности в группах с разным уровнем объективных доходов обнаруживаются значимые различия показателей удовлетворённости и рельефности. У респондентов с доходом выше среднего указанные показатели значимо выше, чем в группе с доходами ниже среднего. По всем остальным параметрам различия не выявлены.

Можно сделать вывод о том, что для ситуации 2024 г. характерен высокий уровень социально-политической консолидации россиян, принадлежащих к разным доходным стратам. Это касается, как минимум, 64% опрошенных, т.е. тех, у кого зафиксирован высокий уровень сформированности всех параметров российской идентичности.

Риски дезинтеграции обнаруживаются при анализе взаимосвязи уровня дохода и показателей сформированности профиля российской идентичности обнаруживаются при сравнении профилей идентичности у групп респондентов с разной **субъективной оценкой** своего материального положения³ (рис. 3)

³ Ответ на закрытый вопрос: «Как Вы оцениваете следующие стороны своей жизни: материальное обеспечение» варианты ответа: «хорошо», «удовлетворительно», «плохо».

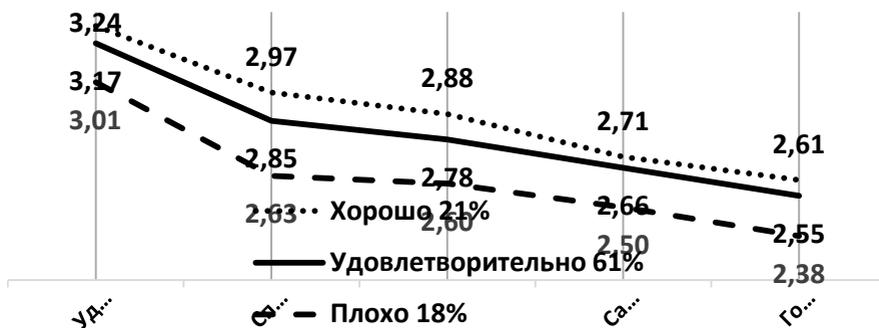

Рисунок 3. Профили российской идентичности в разных группах субъективной оценки материального положения

Результаты дисперсионного анализа показывают, что по всем параметрам российской идентичности показатели респондентов, оценивающих своё материальное обеспечение как «плохое», значительно отличаются своей меньшей сформированностью от таких же показателей у респондентов, оценивших своё материальное обеспечение как «удовлетворительное» и «хорошее».

В итоге, если мы можем с определённой долей вероятности говорить о консолидации объективно «бедных» и объективно «богатых» в ситуации внешнего военного, политического и экономического давления на Россию, то делать вывод о консолидации в этой ситуации россиян, чувствующих себя «бедными» и, как минимум, «состоятельными» (или «богатыми») оснований пока нет. Можно также предположить, что субъективная оценка материального положения, в отличие от объективных показателей материального статуса, по своим последствиям является скорее социально-политической, нежели социально-демографической переменной.

В целом в 2024 году у 64% респондентов зафиксирован высокий уровень сформированности всех компонентов российской идентичности, что свидетельствует о значительной степени социально-политической консолидации. Однако у 36% опрошенных наблюдается низкий уровень идентичности, который можно охарактеризовать как «отрицательная российская идентичность», поскольку по всем суждениям блока идентичности у них преобладают оценки «не согласен» или «скорее не согласен».

Один из фокусов внимания при рассмотрении проблем интеграции общества – межэтнический, и в целом нынешние оценки межнациональной ситуации соответствуют тенденции, установленной общероссийскими исследованиями 2020 г.: доля граждан, положительно оценивающих состояние межнациональных отношений, остаётся высокой и в 2024 г.

составляет 78 %. Оценки межнациональных отношений в стране сохраняют стабильную позитивную динамику, несмотря на вызовы последних лет.

Однако при анализе этнической проблематики интересно обратиться к региональному кейсу. Исследование динамики изменения профиля российской гражданской идентичности на материалах 2021–2023 гг. в РС(Я) позволило выявить следующие тенденции, предположительно характерные для изменения профиля идентичности россиян в целом в контексте СВО.

Первый год после начала СВО (2022 г.) можно обозначить как период общественно-политической турбулентности, переосмысления значимости как самого факта принадлежности к российскому сообществу, так и восприятия этого сообщества как некоей целостности. В этот период фиксировалось ослабление (по сравнению с относительно бескризисным 2021 г.) показателей солидарности с сообществом россиян, отражающее поляризацию самооценок приверженности ценностям российского сообщества, сопричастности его историческим судьбам. В то же время наблюдался существенный рост значимости идентификации с россиянами в структуре личностного самосознания, что, напротив, предполагает рост всех вышеперечисленных чувств по отношению к сообществу. В указанный период наиболее драматичными для всех поколений жителей республики были дискуссии и конфликты, связанные с сюжетами, касающимися сопричастности, преданности, как минимум – лояльности сообществу россиян, ценностям и нормам этого сообщества, его историческому пути.

В 2023–2024 гг. доминантой стал **процесс консолидации** республиканского сообщества по всем параметрам российской идентичности. Об этом свидетельствует рост показателей всех измерений российской идентичности до значений выше среднего. Наиболее активно шёл прирост групп с высокими самооценками параметров идентичности, которые отражают индивидуальные усилия по осмыслению и формированию личного отношения к сообществу россиян как целостности. А по параметрам, скорее отражающим сформированность генерализованного образа россиянина и образ российского сообщества как единого целого в республиканской и общероссийской информационной среде, прирост групп с высоким уровнем показателей был более скромным. Можно предположить, что особенностью процесса общественной консолидации 2023–2024 гг. стал активный пересмотр жителями республики своего личного отношения к стране и российскому сообществу на фоне разнонаправленных трактовок этих сюжетов в информационной среде.

Литература

Leach C.W., van Zomeren M. et al. (2008) Group-level Self-definition and Self-investment: A Hierarchical (Multicomponent) Model of Ingroup Identification. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 95. No. 1: 144–

165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144.

**«МОНГОЛЬСКИЙ КОРИДОР» КОНЦЕПЦИИ
«ОДИН ПОЯС, ОДИН ПУТЬ»
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЫ**

Б.В. Базаров

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН,
г. Улан-Удэ

А.Б. Базаров

Институт экономики и организации промышленного производства
СО РАН, г. Новосибирск

Работа выполнена в рамках гранта РНФ № 24-48-03025 «От Чайного пути к Монгольскому коридору “Нового Шёлкового пути”: исторические проекции и современные взаимодействия России, Монголии и Китая»

«Монгольский коридор» (Китай–Монголия–Россия) – один из шести опорных наземных коридоров инициативы «Один пояс, один путь», формально закреплённый в 2016 г. в «Программе (или Руководящих принципах) по созданию китайско-монгольско-российского экономического коридора», одобренной главами государств и зафиксированной в официальных сообщениях МИД КНР и агентства «Синьхуа» [MFA PRC, 2016; Xinhua, 2016]. Эта рамка институционализовала взаимодействие государств по транспортной связанности, модернизации пунктов пропуска, согласованию стандартов и запуску флагманских проектов – от модернизации железнодорожных и автомобильных трасс до логистических и энергетических инициатив [Zoi, 2020; UN ESCAP, 2004]. В настоящей работе мы рассматриваем «Монгольский коридор» в длинной исторической перспективе: от сетей караванной торговли (Чайного пути) и кяхтинского пограничного режима к железнодорожной эпохе и, далее, к современным наднациональным транспортным сетям ESCAP и энергетическим маршрутам. Такой ракурс позволяет увидеть преемственность экономико-географических структур и институтов, задействованных в обеспечении евразийского трафика.

Формирование северо-западно-восточной евразийской оси после Нерчинского договора 1689 г. и особенно после Кяхтинского трактата 1727 г. задало стабильную рамку государственного контролируемого обмена между империями Цин и Романовых [Сладковский, 1974; Vinkovetsky, 2024]. Кяхта–Маймачен выступали ключевым пограничным узлом и регулятором потоков чая, мехов, тканей и металлоизделий; этот режим сочетал «правила меновой торговли», конвоирование караванов и институциональную специализацию пограничных сообществ [Силин, 1947; Попова, 2013]. Историография

последнего полувека, начиная от классики М.И. Сладковского до современных обобщений (Oxford Research Encyclopedia), демонстрирует, что «северная» ветвь Чайного пути не была периферийной аномалией, а формировала устойчивую матрицу спроса / предложения, повлиявшую на производственные ниши и потребительские вкусы в обеих экономиках [Сладковский, 1974; Vinkovetsky, 2024; Мишакова, 2011].

Переход от караванной логистики к железнодорожной эпохе в XX в. (включая Трансмонгольскую магистраль) преобразил «носители» той же географии связности: степные коридоры были «перешиты» в колею и шоссе, но сохранили узловую структуру (Кяхта/Алтанбулаг – Улан-Батор – Замын-Ууд/Эрлян и далее к столичному району КНР). Современные нормативные «каркасы» – Азиатское шоссе (АИЗ) и Трансазиатская железнодорожная сеть (ТАР) под эгидой UN ESCAP – институционально упорядочили магистральную связанность и стандартизировали «стыки» (переходы, колея, пунктовый режим) [UN ESCAP, 2004; UN ESCAP, TAR]. Эти сетевые соглашения, будучи наднациональными, не только агрегировали исторические трассы, но и придали им формальный статус коридоров международного значения, что стало естественной основой для ЭКМП как «надстройки» над уже сложившимися потоками.

Исторические торговые сети сопровождалась развитием финансовых институтов северных территорий Китая. Семейные банки-переводчики (*piaohao*) шаньсийских купцов обеспечивали межрегиональные переводы, кредит, гарантии и страхование рисков длинных караванных цепочек, в том числе в направлениях к Монголии и России. Новые эмпирические исследования корпоративного устройства и производительности *piaohao* (на основе первичных источников) уточняют, как организационные правила, дисциплинарные механизмы и система стимулов давали возможность поддерживать низкий уровень дефолтов и работать в условиях слабой формальной регуляции [Wu, 2024]. Для нашего сюжета это означает, что «коридор» – это не только дорога и склад, но и финансовая «проводимость», без которой исторические потоки были бы невозможны [Wang, 2024].

Руководящие документы ЭКМП 2016 г. зафиксировали приоритеты: модернизацию портов пропуска, выравнивание процедур, развитие логистики и промышленной кооперации. Визуальные синтез-обзоры Zoï Environment Network (при поддержке Швейцарии) показали, как «монгольский узел» сопрягается с китайскими и российскими маршрутами, и обозначили «узкие места» (в т. ч. стык колеи, пропускная способность, экологические риски) [Zoï, 2020]. Для количественной оценки эффекта коридоров полезна методология Всемирного банка: «экономика коридоров» имеет ощутимые выгоды для торговли и доходов, но эти выгоды материализуются при условии прозрачности, конкуренции, открытых процедур и долговой устойчивости [World Bank, 2019]. Перенос этой логики на ЭКМП позволяет строить

сценарии «с сеть-эффектами»: выигрыш от сокращения времени-в-пути на ключевых плечах (например, Улан-Батор–Пекин/Тяньцзинь) мультиплицируется через снижение логистических издержек и рост предсказуемости поставок.

В 2024–2025 гг. энергетическая «нитка» через Монголию (проектируемый PoS-2 / «Союз-Восток») стала ключевым сюжетом «коридора». По оценкам профильных центров (CGEP, CSIS), проект имеет большой политический символизм и потенциальную пропускную способность до 50 млрд м³/год, но остаётся предметом ценовых, финансовых и сроков переговоров, где у Пекина значительная переговорная сила; потому «экономика» и темп реализации зависят от траектории газового спроса КНР и конкурентности СПГ [CGEP, 2025; CSIS, 2025]. Для Монголии это – окно для инфраструктурных инвестиций и транзитной ренты, но одновременно источники технологических, экологических и макрофинансовых рисков. В исторической ретроспективе энергетическая «труба» выступает функциональным эквивалентом прежних товарных потоков: она вновь использует ту же евразийскую географию, но «перенастраивает» специализацию и взаимозависимость.

Исторический опыт Чайного пути и кяхтинского режима позволяет концептуализировать «коридор» как связку четырёх блоков:

Физическая связанность: трассы, узлы, стыки (исторически – караванные стоянки и пограничные меновые двory; сегодня – мультимодальные хабы АНЗ/ТАР и сухие порты).

Институциональная обвязка: правила, режимы, межведомственная координация (раньше – трактаты и регламенты меновой торговли; сегодня – межправительственные соглашения, стандарты процедур, «единое окно» и «зелёные коридоры»).

Финансовая проводимость: механизмы расчётов, гарантии и распределение рисков (исторически – *piaohao* и паевые схемы; сегодня – банки развития, ГЧП, экспортное финансирование, страхование экспортных кредитов).

Сетевые эффекты и внешние издержки: транспортное время и надёжность → интеграция в цепочки добавленной стоимости; при этом – экологические и долговые риски, требующие компенсирующей политики [World Bank, 2019; Zoi, 2020].

Такое представление позволяет выстроить «длинные ряды» сравнения: исторические торговые пульсации (сезонность, конфликты, тарифные режимы) имеют современные аналоги (окна пропускной способности, регулирование на границе, «узкие места» инфраструктуры). Более того, ретроспектива показывает: любые прорывы в связности сопровождались не только ростом товаропотоков, но и институциональным

обновлением – от реформы пунктов пропуска до внедрения новых финансовых технологий.

Историческая ретроспектива «Монгольского коридора» демонстрирует устойчивость геоэкономической логики степной оси. Кяхтинский режим и Чайный путь сформировали пространство, где физическая география и институциональные инновации (правила торговли, финансовые сети *piaohao*) вместе обеспечивали длительную «проводимость» Евразии [Силин, 1947; Сладковский, 1974; Wu, 2024]. Современный ЭКМР реплицирует эту логику на новом технологическом уровне: нормативные сети ESCAP (АНЗ/ТАР) и проектные рамки BRI задают контур, в котором ключевыми становятся не только километры дорог и рельс, но и качество институтов, конкуренции и экологического управления [UN ESCAP, 2004; World Bank, 2019]. Энергетическая компонента (PoS-2) усиливает «коридорный» статус Монголии, но также обостряет вопросы цены, долговой устойчивости и экологии, требуя прагматичной политики на основе многосторонних стандартов [CGEP, 2025; CSIS, 2025]. С методической точки зрения сравнение исторических и современных эпох полезно для построения комплексных индикаторов эффективности коридоров, учитывающих как прямые (время-в-пути, стоимость), так и косвенные эффекты (надёжность, предсказуемость, экстерналии).

Литература

Сладковский, М.И. (1974). *История торгово-экономических отношений народов России с Китаем: до 1917 г.* М.: Наука. 439 с.

Сладковский, М.И. (1977). *История торгово-экономических отношений народов России с Китаем. Т. 2.* М.: Наука. 367 с.

Силин, Е.П. (1947). *Кяхта в XVIII веке: из истории русско-китайской торговли.* Иркутск: Иркутское обл. изд-во. 204 с.

Мишакова, О.Э. (2011). Кяхта: от караванной торговли до порто-франко. Из истории торговых отношений России и Китая в XVIII – первой половине XIX вв. *Вестник Бурятского государственного университета. История.* № 7. С. 46–51.

Ророва, I.F. (2013). Торговля России и Китая через Кяхту и Маймайчен. *Mongolica-XI.* СПб. С. 28–36.

Vinkovetsky, I. (2024). The China–Russia Trade through Nerchinsk and Kiakhta. *Oxford Research Encyclopedia of Asian History.* — oxfordre.com

Wu M. Governance structure, organizational form, and business performance: A study of the Shanxi *piaohao* (banks), 1820s–1930s // *Business History.* — 2024. [Tandfonline+1](https://www.tandfonline.com)

Wang L. Family Banking Firms (*Shanxi piaohao*) and the North Chinese Interior, 1820–1930 // *Journal of Chinese History.* — 2024. [Cambridge University Press & Assessment](https://www.cambridge.org/core)

World Bank. *Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors*. — Washington, DC: World Bank, 2019. [World Bank](#)[Мировой Банк](#)

Zoï Environment Network. *Greening the China–Mongolia–Russia Economic Corridor: A Visual Synthesis*. — Geneva, 2020. [Zoï Environment Network](#)[genevaenvironmentnetwork.org](#)

UN ESCAP. Intergovernmental Agreement on the Asian Highway Network. — New York: United Nations, 2004. (и официальные карты АНЗ). [treaties.un.org](#)[ЮНКТАД](#)

UN ESCAP. Intergovernmental Agreement on the Trans-Asian Railway Network (и материалы по сети ТАР). — Bangkok: UN ESCAP, 2006 – ... (актуальные карты). [ЮНКТАД+1](#)

Ministry of Foreign Affairs of the PRC. Xi Jinping Chairs the Third Meeting of Heads of State of China, Russia and Mongolia. — 23 June 2016. [fmprc.gov.cn](#)

Xinhua News Agency. China, Russia and Mongolia endorse development plan on building economic corridor. — 24 June 2016. [news.xinhuanet.com](#)

CSIS. How the Power of Siberia-2 Deal Could Reshape Global Energy. — 2025. [ЦСИС](#)

Columbia University, Center on Global Energy Policy (CGEP). Power of Siberia-2: Russia’s Pivot, China’s Leverage, and Global Gas Implications. — 2025. [Центр глобальной энергетической политики](#)

РОССИЯ В СИСТЕМЕ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ КОРИДОРОВ ЕВРАЗИИ

А.В. Иванов

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул
Ivanov_a_v_58@mail.ru

Аннотация. В тезисах определяется понятие цивилизационного коридора. Фиксируется сеть широтных и меридиональных транспортно-цивилизационных коридоров между Востоком и Западом, Севером и Югом Евразии, которые обусловили становление России как великой евразийской и мировой державы. Основное внимание уделяется четырем меридиональным цивилизационным коридорам: Днепровско-Черноморскому и Волжско-Каспийскому, лежащим в европейской части России, а также двум зауральским сухопутным коридорам – Бурятия-Монголия-Тибет и Алтай-Гималаи. Обосновывается особое значение древнейшего цивилизационного коридора Алтай-Гималаи, потенциально связывающего Индийский и Северный Ледовитый океан и способного в нынешних геополитических условиях стать важнейшей интегрирующей осью всей Евразии.

Ключевые слова: цивилизационный коридор, евразийское сотрудничество, Россия, Сибирь, Алтай, Гималаи.

Понятие цивилизационного коридора и его функции

Активное развитие международного сотрудничества в рамках так называемой Большой Евразии, и особенно продвигаемый Китаем с 2013 года проект «Один пояс – Один путь» породили многочисленные варианты прокладки международных транспортных и энергетических коридоров, дополняющих, или существенно корректирующих китайский проект.

При этом стало понятно значение не только широтных, связывающих Восток и Запад, но и меридиональных транспортных коридоров, интегрирующих Север и Юг Евразии. Более того, выяснилось, что транспортные коридоры являются отнюдь не только факторами экономики и политики, но обеспечивают формирование и взаимодействие различных цивилизационных общностей. Это привело к необходимости введения понятия «цивилизационный коридор».

Понятие цивилизационного коридора эксплицировано в нашей совместной с Ю.В. Попковым статье [Иванов, Попков, 2024], а также в коллективной монографии [Россия в средокрестии..., 2025].

Цивилизационные коридоры – это устойчивые каналы обмена материальными и духовными ценностями, а также государственно-правовыми, экономическими, научно-техническими и культурными

достижениями между различными этнокультурными, религиозными и государственными цивилизационными общностями. Цивилизационные коридоры, в которых соединяются природные и рукотворные компоненты, зарождаются в разное время и под действием различных исторических факторов. Они могут временно прерываться, а потом вновь восстанавливаться; входить в различные государственные образования; быть как дорогами мира, так и вражды, но даже во времена войн и смут они никогда полностью не утрачивают своих созидательных цивилизационных функций.

Цивилизационные коридоры чаще всего складываются в истории стихийно, но могут использоваться сознательно, становясь важной частью государственной политики, особенно пространственно больших и многонациональных держав. От разумного использования цивилизационных коридоров зависит, как внутреннее развитие страны, так и ее положение на международной арене.

Основные меридиональные и широтные коридоры Большой Евразии

Можно выделить 4 главных **широтных** цивилизационных коридора Евразии, сыгравших важную роль и в истории России:

- самый южный широтный коридор, известный как Великий шелковый путь;
- Великая степь, с которой совпадает северная ветка Великого шелкового пути;
- Транссибирская железнодорожная магистраль, окончательно завершенная к 1916 году и соединившая Тихий океан с Атлантическим;
- самый северный, только формирующийся, Арктический цивилизационный коридор, постепенно из статуса регионального трансформирующийся в глобальный.

Мы не будем здесь касаться широтных транспортных коридоров. Отсылаем заинтересованного читателя к указанной выше коллективной монографии [Россия в средокрестии..., 2025], а также к статье, где широтные коридоры анализируются подробно [Иванов, Попков, 2025]. Основное внимание мы уделим 4 главным **меридиональным** цивилизационным коридорам, связывающим Север и Юг Евразии:

- Днепровско-Черноморский, известный как «путь из варяг в греки»;
- Волжско-Каспийский, связывающий Северную и Южную части Евразии;
- Алтай-Гималаи, самый древний из всех цивилизационных коридоров;
- Бурятия-Монголия-Тибет, имеющий преимущественно культурно-религиозный характер.

Мы вкратце коснемся трех первых меридиональных цивилизационных коридоров, а сосредоточимся на наименее изученном, но приобретающем сегодня особое значение коридоре Алтай-Гималаи.

Днепровско-Черноморский и Волжско-Каспийский цивилизационные коридоры

Днепр – становая «цивилизационная жила» становления древнерусского государства. Различные цивилизационные влияния на Древнюю Русь символизированы в древних летописях двумя персонажами, связанными с Днепром. Первый – легендарный Олег, приколачивающий щит к вратам Царьграда. Он воплощает государствообразующее светское начало Руси, принесенное с варяжского Севера. Приплывший с Юга апостол Андрей воплощает духовное – православно-византийское – цивилизационное влияние. Важнейшей цивилизационной миссией Днепровско-Черноморского меридионального коридора является то, что Днепр, протекая через Россию, Белоруссию и Украину, в течение многих столетий служил важной пространственной скрепой восточнославянских народов. В результате трагического распада СССР он во многом утратил эти функции, а после начала СВО фактически превратился в коридор цивилизационного размежевания и конфронтации. Из ныне кровавого и с разрушенными плотинами Днепр должен вновь стать коридором мира, работая на процветание всех населяющих его берега народов.

Волга с древнейших времен наиболее тесно связывает Север и Юг европейской части Евразии, славянский и тюркский миры с Ираном и Индией. Этот древнейший коридор то успешно работает, то прерывается, сначала в связи с вторжением кочевых племен с Востока, а потом в связи с распадом Золотой орды. Полностью этот торговый коридор будет восстановлен только в XVI веке через завоевание московскими войсками сначала Казанского, а потом и Астраханского ханства в 1556 году. Впоследствии Волжско-Каспийский цивилизационный коридор между Северной и Южной Евразией будет работать достаточно эффективно, особенно после освобождения Индии от колониальной зависимости. В современной ситуации обострения отношений России с Западом меридиональный геополитический, энергетический, торговый и культурный цивилизационный коридор Волга – Каспийское море – Иран – Персидский залив – порты Индии приобретает особое значение. Проект этого торгово-транспортного коридора и его отдельных фрагментов ныне активно обсуждается на уровне политических и деловых кругов в четырехстороннем государственном формате: Россия – Азербайджан – Иран – Индия. Это говорит о том, что цивилизационные коридоры могут обретать как бы «второе дыхание» в новых исторических условиях и заново проявлять свой созидательный потенциал.

Торгово-паломнический коридор Бурятия-Монголия-Тибет

Это самый восточный и поздно возникший сухопутный цивилизационный коридор. Он формируется с XIII века, когда буддийские идеи впервые проникают в Монголию, а с XVI века он начинает действовать на постоянной основе. С севера на юг идут к святыням Тибета многочисленные монгольские паломники-буддисты. Их караваны везут с собой дары для буддийских монастырей. С юга на север из Тибета во Внутреннюю и Внешнюю Монголию транспортируют многочисленную буддийскую религиозную и медицинскую литературу, предметы религиозного искусства и культа. Начиная с XVIII века в состав караванов, идущих из Монголии в Тибет, во все возрастающем количестве начинают входить паломники из Бурятии. Через этот цивилизационный коридор Россия устанавливает контакты с буддийским миром, Тибетом и опосредованно – с Индией. Наличие знатоков тибетского и монгольского языков среди бурят, а также привезенные непосредственно из Тибета буддийские религиозные, медицинские и искусствоведческие тексты позволили поднять на новый качественный уровень востоковедческие исследования в России, создать впоследствии мощные буддологические научные центры в Улан-Удэ и во Владивостоке. Ныне монгольские и бурятские ламы обучаются в тибетских школах и монастырях. В свою очередь, многие тибетские религиозные подвижники и знатоки восточной медицины осуществляют сегодня религиозную и врачебную практику в возродившихся монгольских и бурятских буддийских монастырях, а также в научных центрах Монголии и Бурятии.

Великий меридиональный цивилизационный мост Алтай-Гималаи

Этот меридиональный цивилизационный коридор является самым древним и самым малоизученным, связывающим воедино Северную и Южную Евразию, Россию и Индию, славянские, тюркские, монгольские, ханьские и тибетские этнокультурные общности. Впервые о его существовании высказался наш выдающийся художник, путешественник и мыслитель Н.К. Рерих: «Истинно “Алтай-Гималаи” – два магнита, два равновесия, два устоя. Радостно видеть жизненность в связях индо-русских» [Рерих, с. 268-269]. Можно выделить три исторических этапа функционирования этого цивилизационного коридора:

1) До X века до н.э. он контролируется *древним индоевропейским населением* Центральной Азии, которое китайцы называют «динлины», а индийские исследователи «кхашами». «Кхашаи происходят от арийских племен Центральной Азии, которые проникли в западные Гималаи с северо-

запада еще задолго до того, как были созданы гимны Ригведы. Они расселились по предгорьям Гималаев от Кашмира до Непала. Позднее, они были вынуждены уйти вглубь гор под давлением волн иммигрантов с юга» [Singh, p. 34.].

2) *Скифо-сарматский* – период истории Центральной Азии, относящийся к I тысячелетию до нашей эры. О наличие древнейших торговых и культурных связей между Алтаем и Гималаями в этот период свидетельствуют находки индийских бронзовых зеркал и раковин каури в скифских могилах на Алтае, а в могиле знаменитой «принцессы Укока» найдена рубашка из шелка дикого гималайского шелкопряда.

3) Этот период связан с широким распространением буддизма в Центральной Азии и взаимодействием этого меридионального пути с тремя ветками Великого шелкового пути, две из которых огибают с юга и севера мертвую пустыню Такла-Макан и сходятся в г. Кашгар; а третья – самая северная – начинается с Турфанского оазиса (важнейшего межцивилизационного средокрестия Евразии), огибает с севера величественный горный массив Богдо-Ола и выходит к г. Урумчи, откуда древняя караванная тропа уходит через степи и пустыни Джунгарии на север к Алтайским горам. Этим меридиональным коридором из Индии в Россию впервые прошел Н.К. Рерих во время своей знаменитой Центрально-азиатской экспедиции 1925-1928 годов.

В последние годы на разных уровнях обсуждается возможность прокладки транспортно-энергетического коридора с Алтая в Индию через территории Восточного Казахстана и/или Западной Монголии и Западного Китая. Помимо взаимовыгодного торгового обмена между Севером и Югом Евразии (газ, пресная вода, зерно и мука – с Севера; фрукты, туристические услуги, рабочая сила – с Юга), наличие высокоскоростных железнодорожных магистралей, качественной связи и придорожной инфраструктуры могло бы обеспечить создание вдоль этого меридионального коридора сети интернациональных научно-производственных высокотехнологических кластеров, а также заповедных природных территорий и опытных экологических площадок по совместному восстановлению почв, лесов, борьбы с нарастающими процессами обезлесивания и опустынивания, затронувших огромные пространства Центральной и Южной Евразии. Одновременно это позволило бы резко интенсифицировать межнациональный и межрелигиозный диалог между евразийскими народами.

Если учесть, что с Алтайских гор стекает важнейший приток Оби – Катунь, а Обь впадает в Северный ледовитый океан, то можно говорить о потенциальном **сквозном меридиональном цивилизационном евразийском коридоре Индийский океан – Арктика**, который пересекает все широтные коридоры Евразии и мог бы служить **важнейшей цивилизационной осью ее нового геополитического собирания**. Это

открывает новые горизонты и перед **Новосибирском**, который лежит на пересечении этого сквозного меридионального евразийского коридора и важнейшего широтного транспортно-цивилизационного коридора в лице Транссиба.

Выводы

Цивилизационные коридоры Евразии были и остаются важнейшими каналами обмена материальными и духовными ценностями между ее народами. Они имеют не только экономическое и политическое, но также экологическое, научное и культурное измерения. В нынешних условиях нарастающей мировой конфронтации важно актуализировать их созидательный цивилизационный потенциал. Они должны вновь стать дорогами мира и сотрудничества между странами и цивилизациями. Источником же исторического оптимизма служит закон периодического возрождения евразийских цивилизационных коридоров, причем в новых и, зачастую, совершенно неожиданных для нас формах. Это, надеемся, обеспечит глобализацию нового типа с приоритетами культуры, науки и экологии, выгодную для всех народов и государств единой земной цивилизации.

Литература

Иванов, А.В., Попков, Ю.В. (2024). Меридиональные цивилизационные коридоры Евразии: ретроспективы и перспективы. *Евразийский ежегодник*. № 2. С. 52-74.

Иванов, А.В., Попков, Ю.В. (2025). Северный цивилизационный коридор в евразийском социокультурном пространстве: постановка проблемы. *Арктика и Север*. № 59. С. 100-115.

Иванов, А.В. (2025). *Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода)*. Барнаул: Новый формат.

Рерих, Н.К. (1974). *Из литературного наследия*. М.: Изд-во «Изобразительное искусство».

Singh, M.G. (2010). *Himachal Pradesh: History, Culture & Economy*. Shimla: Minerva Publishers & Distributers.

Секция 1.

ПРИНЦИПЫ И МЕХАНИЗМЫ ВНУТРИ- И МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ЕВРАЗИЙСКОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

ПРОЕКТ «73-Й МЕРИДИАН» КАК ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЕ ДОПОЛНЕНИЕ МЕРИДИОНАЛЬНОГО МОСТА «АЛТАЙ – ГИМАЛАИ»

П.Д. Абрамов

Омский государственный университет путей сообщения,
Омский государственный медицинский университет, г. Омск,
rab87@yandex.ru

Аннотация. Потенциал внутри и межцивилизационной интеграции в евразийском пространстве значителен. «73-й Меридиан» – это проект евразийского транспортно-логистического коридора, проходящий по данному меридиану. В статье сопоставляются великий меридиональный мост «Алтай – Гималаи» и «73-й Меридиан». Делается вывод, что «73-й Меридиан» мог бы быть существенно усилен и дополнен по линии культурного, научного и природоохранного сотрудничества в евразийском пространстве. В свою очередь в транспортно-экономическом плане «73-й Меридиан» имеет ряд преимуществ перед «Алтай-Гималаи». Это взаимодополняющие проекты.

Ключевые слова: меридиональные коридоры, межкультурная интеграция, «73-й Меридиан», транспорт, культура, путешествия.

О меридиональных цивилизационных коридорах. Существуют широтные, а также меридиональные транспортно-цивилизационные коридоры, самый известный из широтных коридоров – шелковый путь. Примечательно, что у него не только историческое значение. В XXI веке Китай продвигает проект новый шелковый путь или евразийский сухопутный мост. Он объединяет Россию и Китай, или в другой своей вариации – Китай, Казахстан, Азербайджан, Грузию, Турцию и страны Европы. В последнем случае маршрут проходит через Каспийское море. Не каждый транспортный коридор может претендовать на звание цивилизационного. Понятие цивилизационного коридора предполагает не только торговлю, но и взаимообогащающий обмен знаниями, культурный обмен, паломнические связи. А.В. Иванов и Ю.В. Попков в статье «Меридиональные цивилизационные коридоры Евразии: ретроспективы и перспективы» [Иванов, Попков, 2024] дают обстоятельный анализ прошлого, настоящего и будущего меридиональных цивилизационных коридоров, связывающих

Россию и другие страны континента Евразия. Большое историческое значение имел Днепр и путь «из варяг в греки». Он является наглядным примером транспортно-цивилизационного коридора. Россия не только торговала с Византией и с Скандинавией, но и перенимала, в первую очередь из Византии, культуру, религию, ряд научных знаний и др. Огромное историческое значение для буддийских регионов России имел торговопаломнический коридор Бурятия – Монголия – Тибет. Сейчас многие транспортные маршруты проходят из России транзитом через Монголию в Китай, так курсирует поезд из Москвы через Монголию в Пекин. Третий меридиональный цивилизационный коридор, о котором пишут А.В. Иванов и Ю.В. Попков – это Волга как цивилизационный коридор связи России с исламским миром, Ираном и Индией. Насчет связи с исламским миром необходимо отметить, что водные транспортные пути по Волге проходят через Казань, столицу Татарстана – крупнейшего исламского региона России. Исламская культура и традиции составляют важную часть России как государства-цивилизации. Современный транспортный коридор «Север – Юг», чье значение все больше увеличивается, проходит из Астрахани или портов Дагестана по Каспийскому морю, далее через Иран и затем по морю из Ирана в Индию. Важнейшее цивилизационное значение, согласно А.В. Иванову и Ю.В. Попкову, имеет *великий меридиональный мост «Алтай – Гималаи»*. Ими приводятся факты, подтверждающие переселение и культурные связи народов по данному коридору в прошлом, начиная с глубокой древности. Цель данной статьи состоит в том, чтобы показать, что проект «73-й Меридиан» дополняет в первую очередь в транспортно-экономическом ключе меридиональный мост Алтай – Гималаи.

О проекте «73-й Меридиан». Проект «73-й Меридиан» был предложен в 2011 году группой энтузиастов под руководством И.М. Глушкова, тогда директора омского аэропорта, а впоследствии помощника Президента Экспертного совета высокого уровня (ЭСВУ) БРИКС, председателя общественно-делового клуба «ОМ73» (Омский меридиан 73). Необходимо сразу дополнить, что клуб «ОМ73» был создан в 2025 году, в его работе принимают участие экономисты, предприниматели, специалисты в области государственного управления, причем не только из Омска, но и из Москвы. Относительно широкий интерес к работе данного клуба позволяет надеяться на его дальнейшую успешную работу. Какие страны находятся на 73 меридиане? «Меридиан 73-го градуса восточной долготы проходит по территории Евразии, пересекая Российскую Федерацию (2110 км в Западной Сибири), Казахстан (1279 км), Кыргызстан (344 км), Узбекистан (8 км), Таджикистан (229 км), Афганистан (49 км), Пакистан (855 км), Индию (1487 км). Также со всеми этими странами, кроме Узбекистана, граничит к востоку от меридиана Синьцзян-Уйгурский Автономный Район – крупнейший по площади регион Китая» [Глушков, 2024]. Примечательно, что 73-й меридиан не проходит по территории Китая, но при этом Китай является ключевым экономическим партнером не только

России, но и Казахстана и других упомянутых стран Центральной Азии. Каковы цели проекта «73-й Меридиан»? Это активизация экономического сотрудничества стран 73 меридиана. На 73-м меридиане *восточной долготы располагается Омск*, поэтому в данном проекте есть мощная региональная составляющая, он направлен на интенсификацию развития Омска как крупнейшего российского города на 73-м меридиане. Омск также выступает как транспортный хаб для сопредельных с ним восточного и западного субъектов федерации, Новосибирской и Тюменской области, и более северных регионов, таких как Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. Важнейший вид транспорта, который сейчас связывает регионы и страны 73-го меридиана – авиационный, поскольку строительство автомобильных и железных дорог является сложным и дорогостоящим в горных регионах и на севере в условиях вечной мерзлоты. Однако пусть и не по всему 73-му меридиану, но на ряде его участков ключевыми являются другие виды транспорта: железнодорожный, автомобильный, водный. Обсуждается активизация перевозки грузов по Иртышу по направлению из Китая и из Казахстана по территории России в Обь и далее в Северный Ледовитый океан, который становится все более судоходным в связи с глобальным потеплением и таянием льдов. Уместно дополнить, что Омск в силу своего географического положения, развитой промышленности, а также культурно-исторических предпосылок является крупнейшим региональным центром по сотрудничеству России и Казахстана. Причем это не только экономическое сотрудничество. В 2025 году в Омске был открыт филиал Казахского национального университета имени Аль-Фараби, расположенного в Алма-Ате. Это единственный его филиал в России.

Культурно-исторические предпосылки обоих меридиональных коридоров. Относительно культурно-исторических предпосылок сотрудничества Омска и Казахстана необходимо отметить, что в Омске в Сибирском кадетском корпусе учился Ч. Валиханов – казахский географ, просветитель и востоковед. В Омске в центре города в его честь названа улица. Значимый вклад в востоковедение внесло путешествие 22-летнего Ч. Валиханова в Кашгарию в 1858-1859 гг., описанное им впоследствии в работе [Валиханов, 1984], высоко оценённой именитыми географами и этнографами. Почти 70 лет спустя по тем же местам, что посещал в Кашгаре Ч. Валиханов, прошла масштабная Центрально-Азиатская экспедиция Н.К. Рериха. Н.К. Рерих – не только художник, но и путешественник, археолог, писатель, востоковед и организатор науки. Экспедиция Н.К. Рериха прошла из индийского Леха в китайский Хотан и далее в Кашгар, Карашар, Урумчи. Она пересекла китайско-советскую границу в районе озера Зайсан и далее по Иртышу доплыла до Омска. Н.К. Рерих посетил Москву, заем проездом через Омск отправился на Алтай, далее в Монголию, в Тибет и в итоге вернулся в Индию. Таким образом первый, «западный» *этап движения этой экспедиции прошел с юга на север и символически объединил в своем маршруте Индию, Китай, Казахстан, Россию*. Примечательны следующие

мысли Н.К. Рериха о регионе Кашгара, высказанные в 1926 году, он критикует социально-экономическое состояние того времени, но и отмечает: «стоит лишь применить минимум трудолюбия и находчивости, и край делается неузнаваем. Здесь летом очень много вод, стоит лишь собрать их в хранилище <...> Если бы только китайцы не боялись всего нового и, если бы их чиновники назначались по достоинству» [Рерих, 1992]. Спустя 100 лет регион действительно изменился до неузнаваемости в экономическом плане в лучшую сторону. Конечно, в этом регионе есть и проблемы, в частности, в сфере религиозных свобод, но они – не тема данной статьи. В свете транспортно-логистического коридора «73-й Меридиан» возникает следующий вопрос. Н.К. Рерих прошел из Индии в Китай, но сейчас, в 2025 году, сухопутная граница Индии и Китая закрыта. Точнее нет официально утвержденной обеими странами границы и нет пограничных переходов, но есть лишь линия фактического контроля. В 2025 году активизировались усилия обеих стран по урегулированию пограничного вопроса, также планируется открытие прямого авиасообщения между ними. Тем не менее открытие границы Индии и Китая для тех же туристических переходов является вероятным, но не неизбежным. Геополитическое соперничество Индии и Китая сохранится, слишком велики притязания обеих стран на глобальное лидерство, но при этом такое соперничество может происходить и при открытых границах, ведь и сейчас объем торговли обеих стран значителен.

Выводы. В качестве вывода можно отметить, что потенциал внутри- и межцивилизационной интеграции в евразийском пространстве значителен. Проект «73-й Меридиан» имеет несколько иную чем «Алтай-Гималаи» региональную внутрироссийскую ориентацию. Его центром является Омск, а не Алтай и Алтайский край. Несомненно, в транспортно-логистическом плане наиболее выгодной является перевозка объемных грузов из западного Китая в Россию, точнее в Омскую и Новосибирскую область, не по автодорогам на Алтай, а по Иртышу или через железные дороги Казахстана. При этом в меридиональном мосте «Алтай-Гималаи» есть как культурная, так и экономическая составляющая. «73-й Меридиан», который изначально позиционировался как транспортно-логистический проект, мог бы быть существенно дополнен научно-культурной составляющей.

Литература

Валиханов, Ч.Ч. О состоянии Алтышара, или шести восточных городов Китайской провинции Нан Лу (Малой Бухарии) (1858—1859). *Собрание сочинений в пяти томах. 2-е изд. доп. и переработанное. Т. 3.* Алматы: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 97-218.

Глушков, И.М. (2024). *Проект Евразийского Транспортно-логистического коридора стран БРИКС «73-й Меридиан» (М73). Предложения к Саммиту БРИКС-2024 в Казани.* [Электронный ресурс] URL:

<https://brics-expert.info/documents/predlozheniya-k-sammitu-briks-v-kazani/proekt-evraziyskogo-transportno-logisticheskogo-koridora-stran-briks-73-y-meridian-m73/> (дата обращения: 04.09.2025).

Иванов, А.В., Попков, Ю.В. (2024). Меридиональные цивилизационные коридоры Евразии: ретроспективы и перспективы. *Евразийский ежегодник*. № 2. С. 52-73.

Рерих, Н.К. (1992). *Алтай – Гималаи: Путевой дневник*. Рига: Виеда. 336 с.

ПОДЛИННАЯ ОТКРЫТОСТЬ МИРУ КАК ПРИНЦИП МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: СИБИРСКАЯ СПЕЦИФИКА

Т.А. Аргамонова

Алтайский государственный аграрный университет,
г. Барнаул

Art-katun@mail.ru

Аннотация. Длительное межэтническое общение и совместное мирное проживание народов на территории Северной Евразии, в частности в Сибири, стало возможно благодаря определенным принципам межцивилизационного взаимодействия. Особо следует выделить открытость миру, которая сопряжена с определенными ценностными установками, среди которых ключевую роль играет отсутствие национальной гордыни и проявление братских чувств к другим народам. Подлинная открытость миру – это лучший способ обеспечения безопасности на евразийском пространстве, который в данный исторический момент необходимо всеми силами укоренять в сознании подрастающего поколения.

Ключевые слова: открытость миру, межцивилизационное взаимодействие, Сибирь, Северная Евразия, цивилизационный подход.

Исторический опыт построения российского государства свидетельствует о том, что движение русских на Восток сопровождалось межцивилизационным взаимодействием. Что же позволило русским, осваивая огромные пространства Северной Евразии, устанавливать тесные взаимосвязи с коренными народами, с цивилизацией кочевников? Л.Н. Гумилев выделял комплиментарность, как психологическую совместимость и симпатию по отношению к другим народам. Комплиментарность в реальном историческом процессе в межэтнических контактах имеет различные вариации от взаимного мирного сосуществования, при котором этносы не смешиваются, до полного слияния или ассимиляции одного этноса другим. Примером отрицательной комплиментарности служит шовинизм, когда проявляется ненависть к другим этносам, ко всему чужому [Гумилев, 2023].

Вслед за Гумилевым, ряд современных исследователей рассматривают комплиментарность как способ преодоления социальных рисков и гармонизации межэтнических отношений. «Совокупность симпатичных друг другу людей вступает в исторический процесс, будучи объединенных целесообразностью и исторической судьбой. Принцип комплиментарности с позиции истории можно рассматривать как патриотизм, который для внутриэтнических отношений выступает мощной защитной силой» [Ильинова, 2009].

Комплиментарность, как любое психологическое проявление, должно иметь определенный базис, включающий мировоззренческие, аксиологические, праксиологические, в их организационно-трудовом аспекте, составляющие. Следует особо отметить, что именно общие ценностные установки сыграли ключевую роль в установлении межцивилизационного диалога между народами Сибири. Это подтверждается и современными исследованиями. Даже в условиях глобализации и цивилизационной экспансии Запада «... у народов Внутренней Евразии сохраняется сложившаяся в результате многовековых связей и совместной жизнедеятельности сходство базисных ценностей, составляющей основу данной цивилизационной общности» [Попков, 2009].

В соответствии с синтетическим цивилизационным подходом, мегацивилизация Северной Евразии или срединная евразийская мегацивилизация, включает в себя такие цивилизационные образования, как Россия, Украина, Белоруссия, Средняя Азия, Кавказ, Монголия [Россия в средокрестии ..., с. 13]. Мегацивилизация имеет свои атрибуты, среди которых авторы этого подхода выделяют ландшафтно-климатические условия; историческую устойчивость в пространстве и во времени; наличие внутренних транспортно-торговых коридоров; схожесть духовно-нравственных, хозяйственных, поведенческих установок; и, конечно же, наличие мегацивилизационной сверхзадачи [Там же, с. 15]. Среди базовых ценностей, характерных для срединной евразийской мегацивилизации, остановимся на открытости миру.

Подлинная открытость миру – понятие многоаспектное. Его следует отличать от мнимой открытости, пропагандируемой в рамках отдельной идеологии или геополитической доктрины. Так, попперовское понимание открытости миру – это отказ от национальных интересов и распаивание собственных границ. «Открытое общество» Карла Поппера является инструментом манипуляции и разрушения национальной идентичности, инструментом взламывания национальной безопасности под призывом к глобализации. В этом контексте можно рассматривать и некоторые формулировки, например, в исследованиях Левада-Центра¹, зарегистрированного в РФ как Иноагент, где открытость миру трактуется как желание респондентов жить за границей.

Другой крайностью является использование призыва к «открытости» как инструмента культурной ассимиляции. Ставшее популярным заявление А. Дугина о том, что Русский мир всегда открыт для братских народов, порой воспринимается как скрытое превосходство России над соседними странами, как проявление «мягкой силы» [Григорова, 2020]. Недаром президент Белоруссии Александр Лукашенко в своих выступлениях не раз подчеркивал, что белорусы являются русскими людьми, но не являются представителями

¹ На территории РФ организация признана выполняющей функции иностранного агента.

«Русского Мира» [Гронский, 2017]. В свое время очень глубоко это осознал один из классиков евразийства Н.С. Трубецкой: «Чрезмерное повышение русского национального самолюбия способно восстановить против русского народа все прочие народы в государстве, т.е. обособить русский народ от других» [Трубецкой, 2002, с. 372].

Подлинную открытость как одну из основных черт русского характера мы рассматриваем в трактовке Ф.М. Достоевского, как всемирную отзывчивость. Это антитеза как национальной гордыни и чувству цивилизационного превосходства, так и национальному самоуничтожению. История русского народа наполнена такими примерами. Со времен Александра Невского это готовность к братанию. Это и установление родственных и брачных отношений, как у русских князей, так и у крестьян-первопроходцев в Сибири, начиная с С.И. Дежнева. Позже это распределения военных должностей и государственных постов в Российской империи, хотя уже с XI века среди *высших* лиц древнерусского государства представлены скандинавы, представители различных тюркских и финно-угорских племен. Одним из приближенных *Дмитрия Донского* был царевич-чингизид Серкиз; его сын Андрей Серкизов командовал одним из шести русских полков, пришедших на *Куликово поле* [Кожин, 2006, с. 187-189]. Это и многовековой опыт соседского проживания на территории Северной Евразии, в частности в Сибири, когда «... “братство народов” выражается в том, что здесь нет противоположения “высших” и “низших” рас, что взаимные притяжения здесь сильнее, чем отталкивания, что здесь легко просыпается “воля к общему делу”» [Савицкий, 1997]. *Сыновья потомка Чингисхана покоренного хана Кучума* пользовались почетом среди русских людей и сохранили титулы Царевичей Сибирских, участвуя в государственном строительстве России.

Подлинная открытость проявляется и в таком функциональном аспекте как заимствование механизмов и навыков хозяйствования. Так русские крестьяне-староверы, которые наиболее тесно были вовлечены во взаимодействие с коренными народами Сибири, активно перенимали промысловые обычаи инородцев, а также новые способы и средства передвижения. Они научились изготавливать лыжи, подбитые шкурой с ног лошади, косули или марала для передвижения по заснеженной горной местности. Освоили они и новый способ седлания лошадей и дойки коров, заимствованный у кочевых народов. Местное население, в свою очередь, училось у русских крестьян пчеловодству, мараловодству, селекционному коневодству, огородничеству.

Классики евразийского учения считали, что именно открытость евразийского ландшафта формирует психологическую склонность к взаимопониманию, взаимодействию, мирному урегулированию проблем. Так, П.Н. Савицкий в своей работе «Географические и геополитические основы евразийства» рассматривал это как отсутствие условий для разного рода «сепаратизмов»: политических, культурных или экономических. Бесконечные

равнины, по его мнению, способствуют постоянному изменению геополитических комбинаций государств, а для отдельного человека это возможность находиться в постоянной миграции, менять свое местообитания, вследствие чего этнические и культурные элементы интенсивно взаимодействуют и перемешиваются [Савицкий, 1997].

Готовность к тесному межнациональному общению, формирование братских чувств – это лучший способ обеспечения безопасности и сохранения мира на евразийском пространстве. Об этом убедительно писал еще один из классиков евразийства Н.С. Трубецкой. Он достаточно точно и глубоко подметил, что одних подсознательных чувств для укрепления братства народов не достаточно, необходимо сознательное отношение к этому факту: «Нужно, чтобы каждый из народов Евразии, сознавая самого себя, сознавал себя именно прежде всего как члена этого братства, занимающего в этом братстве определенное место» [Трубецкой, 2002].

Отношения с Монголией и Китаем в советское время подтверждают это. Именно культивирование братских отношений, государственная поддержка на всех уровнях, использование разных форм народной дипломатии способствуют укреплению межэтнических отношений. Все эти подходы должны еще более эффективно и продумано применяться руководством страны в современной геополитической ситуации. Это необходимо воспитывать у подрастающего поколения, особенно у сибирской молодежи.

Литература

Григорова, Д. (2020). «Русский мир»: русская идентичность как «мягкая сила» на Балканах. *Славяне и Россия*. № 1. С. 456-472.

Гронский, А.Д. (2017). Русский Мир в поисках содержания: опыт славянских государств постсоветского пространства. *Россия в глобальной политике*. Т. 15. № 4. С. 186-201.

Гумилев, Л.Н. (2023). *Этногенез и биосфера Земли*. М.: АСТ.

Ильинова, Н.А. (2015). Осмысление комплиментарности Л.Н. Гумилева как фактора исследования межэтнического взаимодействия. *Социально-гуманитарные знания*. № 9. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-komplimentarnosti-l-n-gumileva-kak-faktora-issledovaniya-mezhetnicheskogo-vzaimodeystviya> (дата обращения: 3.09.2025).

Кожин, В. (2006). *Грех и святость русской истории*. М.: Яуза, Эксмо.

Попков, Ю.В. (2009). Базисные ценности народов евразийской цивилизации в условиях глобализации. *Новые исследования Тувы*. № 1-2. [Электронный ресурс] URL: <https://www.tuva.asia/journal/issue-1-2/95-basic-values.html> (дата обращения: 3.09.2025).

Россия в средокрестии пространств и времен (опыт синтетического цивилизационного подхода). (2025). А.В. Иванов, И.В. Фотиева (ред.). Барнаул: Новый формат.

Савицкий, П.Н. (1997). *Континент Евразия*. Аграф.

Трубецкой, Н.С. (2002). *Общевразийский национализм. Русская идея: Сборник произведений русских мыслителей*. Сост. Е. А. Васильев. М.: Айрис-пресс.

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ПРОЦЕССОВ ВНУТРИЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ИНТЕГРАЦИИ НА ЛОКАЛЬНОМ УРОВНЕ (НА ПРИМЕРЕ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ)

М.Р. Зазулина

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
zamashka@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности развития процессов внутрицивилизационной интеграции на локальном уровне. Показано, что важную роль в этих процессах играет создание и поддержка государством различных форм участия населения в осуществлении местного самоуправления и, в частности, института территориального общественного самоуправления (далее – ТОС). Сделан вывод о том, что результатом создания ТОСов становится структурирование локальных сообществ различных населенных пунктов, а также выделение в них сублокальных сообществ со своими лидерами и инициативными группами. Описаны особенности этого процесса на современном этапе. Создание ТОСов сопровождается повышением доверия населения к власти, ростом патриотических настроений, а также способствует выработке общих доминант развития российского общества вне зависимости от региональной и этнической специфики.

Ключевые слова: локальные сообщества, территориальное общественное самоуправление, формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, общественно-государственное партнерство

Внутрицивилизационная интеграция представляет собой сложный процесс, проявления которого могут различаться в зависимости от социальных, экономических и политических условий и отражают исторический этап развития общества с присущими ему вызовами и ответами. На локальном уровне такая интеграция проявляется в виде совокупности процессов, в результате которых происходит структурирование общества, сопровождающееся выработкой общих доминант развития. Анализ таких процессов, механизмов, лежащих в их основе, и эффектов, их сопровождающих, является важным для понимания современного этапа развития российского общества.

В последние годы все более важную роль в жизни местных сообществ играют различные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления. Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» выделяет шесть таких форм: опрос; публичные слушания, общественные обсуждения; собрание граждан; инициативные проекты; территориальное общественное самоуправление; староста сельского

населенного пункта². Именно эти институты оказываются в центре процессов, структурирующих российское общество на локальном уровне и репрезентирующих всю специфику происходящих процессов.

Среди них именно территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС) является институтом, которому уделяется приоритетное внимание государства и в котором наиболее ярко воплощаются принципы развития современного российского общества. Анализ развития института ТОС в последние два десятилетия позволяет выделить следующие характерные черты происходящего процесса.

Прежде всего обращает на себя внимание формальный характер становящихся институтов. ТОСы, как прочие формы участия населения в местном самоуправлении, закреплены на формальном уровне, с помощью законов. Каждый из законов и местном самоуправлении, принятых в Российской Федерации, содержал перечень данных институтов и основной их список оставался неизменным [Зазулина, 2022].

При этом, упомянутые институты играют вспомогательную роль по отношению к органам местного самоуправления и по сути дела призваны упростить и в некоторых моментах заменить работу местных органов власти по благоустройству территорий и решению прочих проблем местного значения. С такой точки зрения, численное сокращение органов местного самоуправления в результате проведения муниципальной реформы, прогнозируемо должно привести к увеличению количества вспомогательных институтов, обеспечивающих участие населения в процессе решения местных проблем и увеличению роли этих институтов в жизни местных сообществ. С такой точки зрения пристальное внимание государства, которое уделяется развитию ТОСов с 2018 г. необходимо рассматривать как часть подготовительного этапа к грядущей реформе местного самоуправления (завершившегося принятием в марте 2025 г. нового закона о местном самоуправлении).

Формальный характер институтов тесно связан с ведущей ролью государства в их формировании и развитии. Несмотря на то, что речь идёт об общественно-государственном партнерстве, то есть двухсторонних отношениях, именно государство выступает инициатором и куратором этих отношений. Государство устанавливает рамки для приемлемых сфер деятельности ТОСов, регламентирует эту деятельность.

² Федеральный закон от 20.03.2025 г. № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», Гл. 5. (2025). [Электронный ресурс]. *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=608457015> (дата обращения: 05.09.2025).

Основным механизмом, стимулирующим создание ТОСов и поддерживающим их существование в активной фазе, выступает финансовая поддержка в виде грантов на реализацию тех или иных проектов. Несмотря на то, что потенциально возможности финансирования ТОСов достаточно широки (ТОСы имеют право получать финансовую помощь от негосударственных фондов, благотворительных организаций, политических партий, местного бизнеса), именно получение государственных грантов является основным источником, позволяющим решать ТОСам проблемы благоустройства местных территорий.

Характерной чертой современной ситуации являются ограничения, действующие на политику государства в отношении ТОСов и шире – любых вспомогательных форм осуществления населением местного самоуправления. Поддержка ТОСов не имеет всеобъемлющего характера. Гранты получают только самые активные ТОСы и таких явное меньшинство. Лишь треть ТОСов принимает участие в грантовых конкурсах, при этом, процент поддержанных заявок может составлять от 10 до 90% от поданных. То есть существующая система может поддерживать лишь самых активных участников процесса. Суммы, выделяемые на финансирование проектов, не позволяют реализовать сколь либо значимые начинания, вынуждая ТОСы либо отказываться от реализации своих планов, либо совместно с местной администрацией изобретать новые формы взаимодействия. К факторам, ограничивающим развитие процессов на локальном уровне, относятся низкая социальная и политическая активность основной массы населения, а также неготовность местных властей к новым формам взаимодействия и часто – их недостаточная компетентность в постоянно изменяющихся условиях.

Со стороны местного сообщества создание ТОСа невозможно без наличия лидера, готового взять на себя ответственность за артикуляцию интересов населения в сфере решения проблем благоустройства территории. Вокруг лидера формируется активная группа, между которыми распределяются отдельные обязанности по организации деятельности ТОСа.

Со всей описанной спецификой связаны и эффекты, которые мы наблюдаем от создания институтов ТОС в различных муниципалитетах и населенных пунктах. Прежде всего происходит структурирование локальных сообществ путем выделения в них ТОСов, включающих объединение населения по месту проживания с целью решения проблем, связанных с благоустройством территории. Кроме этого происходит структурирование сублокальных сообществ (районов, дворов, домов) путем выделения в них активных групп граждан и отдельных лидеров [Зазулина 2025]. Также имеет место укрепление связей между населением и местной властью вследствие постоянных взаимодействий. Эти процессы сопровождаются повышением доверия населения к власти [Шагалов, 2019], повышением политической активности и ростом патриотических настроений.

Поскольку ТОСы и любые другие формы участия населения в осуществлении местного самоуправления имеют в силу своей формальности

имеют общегражданский характер, то они распространены на всех территориях и во всех регионах независимо от этнической специфики, а значит - способствуют выработке общих доминант существования в рамках внутрицивилизационных процессов.

Описанные процессы являются частью общего процесса построения внутрицивилизационного единства и отражают его специфику его развития на уровне локальных сообществ на современном этапе.

Литература

Зазулина, М.Р. (2022). Формы осуществления местного самоуправления и динамика их развития на разных этапах муниципальной реформы. *Сибирский философский журнал*. Т. 20. № 3. С. 73-88. DOI: 10.25205/2541-7517-2022-20-3-73-88.

Зазулина, М.Р. (2025). Институт ТОС в практиках самоорганизации локальных и сублокальных сообществ (кейс г. Бердска Новосибирской области). *Respublica Literaria*. Т. 6. № 1. С. 41-61. DOI: 10.47850/RL.2025.6.1.41-61.

Шагалов, И.Л. (2019). Эффекты сопроизводства социальной инфраструктуры местными сообществами в России. *ЭКО*. № 4 (538). С. 153-172. DOI: 10.30680/ЕСО0131-7652-2019-4-153-172.

СОХРАНЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ПРИОРИТЕТ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Е.И. Заседателева

Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Новосибирск
e.zasedatel@mail.ru

Аннотация. Выбор стратегии интеграции в евразийское социокультурное пространство является крайне актуальным. Важно не просто войти в это пространство, но и сохранить свою социокультурную идентичность, не допустить ситуаций, которые повредят национальному самосознанию Российской Федерации, сделать сотрудничество действительно взаимовыгодным. Для этого процесса лучшего всего подойдет интеграция в социокультурное пространство азиатско-тихоокеанского региона.

Ключевые слова: социокультурная идентичность, национальная безопасность, приоритеты.

В настоящее время наша страна стоит перед очередным выбором, который связан с выбором стратегии интеграции в евразийское социокультурное пространство. Формирование нового полицентричного мироустройства предполагает формирование новых центров, возможно, отход на задний план старых. И особенно актуальным является выбор именно той стратегии, которая поможет Российской Федерации укрепить ведущие позиции на мировой арене.

Во время выбора стратегии интеграции основной задачей является не просто обеспечение национальной безопасности, но и, в идеале, нивелирование и предупреждение потенциальных вызовов и угроз, особенно, внешних. Разумеется, не стоит сбрасывать со счетов и внутренние угрозы национальной безопасности, однако, говоря о международном сотрудничестве, наиболее актуальными будут являться именно внешние угрозы.

Выбирая стратегию интеграции в евразийское социокультурное пространство, важно помнить, что основной задачей является не потеря национальной идентичности, как уже произошло в ряде стран Европы и особенно ярко видно в Великобритании, не попытка стереть свои национальные приоритеты в процессе встраивания в какой-либо процесс, а взаимовыгодное сотрудничество с европейскими государствами, которое принесет пользу и странам Европы, и России. Но так как мы рассуждаем с позиции граждан Российской Федерации и нацелены на сохранение и укрепление благополучия страны, наиболее актуальным является достижение

такого сотрудничества со странами Европы, которое принесет, в первую очередь, пользу Российской Федерации.

Согласно указу Президента РФ от 07.05.2024 г. № 309, национальные цели развития России до 2030 года и на перспективу до 2036 года включают:

- Сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи.

- Реализацию потенциала каждого человека, развитие его талантов, воспитание патриотичной и социально ответственной личности.

- Комфортную и безопасную среду для жизни.

- Экологическое благополучие.

- Устойчивую и динамичную экономику.

- Технологическое лидерство.

- Цифровую трансформацию государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы [Указ Президента РФ № 309].

Интеграция России в евразийское пространство может помочь в развитии и укреплении устойчивой и динамичной экономики. Однако важно помнить, что в этом вопросе Российская Федерация ограничена рядом санкций, большинство из которых введены как раз странами Европы. И поэтому многое в европейском сотрудничестве зависит именно от них, а не от Российской Федерации. Российская Федерация максимально открыта для взаимовыгодного сотрудничества [Путин: РФ максимально открыта для делового сотрудничества], что подтверждают слова президента Российской Федерации В.В. Путина, поэтому первый шаг должны делать те, кто ввел санкции против Российской Федерации.

Конечно, в настоящее время наиболее взаимовыгодным является сотрудничество со странами азиатско-тихоокеанского региона, однако расширение направлений делового сотрудничества и стран для экспорта и импорта, в том числе, и из европейского региона, пойдет Российской Федерации только на пользу.

Таким образом стоит сделать вывод, что в попытках найти стратегию интеграции в евразийское социокультурное пространство, нельзя забывать о стратегических приоритетах России и важности сохранения социокультурной идентичности нашей страны. Именно поэтому сотрудничество со странами азиатско-тихоокеанского региона на данный момент будет куда более перспективным и безопасным для национальной безопасности Российской Федерации, нежели намерения расширить деловые связи на Запад.

Источники

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309
О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

Путин: РФ максимально открыта для делового сотрудничества
[Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru/article/4184718> (дата
обращения: 03.09.2025).

ДВЕ СТРАТЕГИИ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ

О.В. Зиневич

Новосибирский государственный технический университет,
г. Новосибирск
ozinevich@gmail.com

Аннотация. В докладе рассматриваются продвижение целей устойчивого развития как стратегии лидерства стран Запада (концепция ООН) и глобального Юга (стратегия Китая). Альтернативным вектором устойчивого развития является взаимодействие без доминирования отдельных стран с сохранением цивилизационного многообразия мира – концепция «многополярного мира», которая находит свое обоснование в различных направлениях русской мысли, в том числе в философии космизма о специфике «национальных космосов».

Ключевые слова: стратегии устойчивого развития, Китай, Россия, «национальный космос».

Ускоренное глобальное технологическое развитие и рост крупных экономик способствовали усилению хищнического использования природных ресурсов и неравномерности в распределении богатств. Необходимость организации глобального управления экологическими процессами, тесно связанными с экономическими и социальными аспектами развития стран, стало предметом заботы международного сообщества в последней трети XX столетия. Международное сообщество в лице ООН вырабатывает стратегию «устойчивого развития», которая позволила бы развивать экономику без ущерба для природной среды и для будущих поколений.

В России переход к устойчивому развитию регулируется целым рядом правительственных актов, нацеленных, главным образом, на контроль за природопользованием, в том числе на «зеленое» развитие территорий. Долгосрочные программы развития российского высшего образования также содержат в качестве глобальных ориентиров вклад университетов в устойчивое развитие. В международной повестке Российской Федерации устойчивое развитие остается стратегическим приоритетом для сотрудничества государств. На пленарном заседании XVI саммита БРИКС в Казани главой российского государства было отмечено, что «Россия, как и все государства БРИКС, открыта к совместной работе со странами Глобального Юга и Востока по продвижению инклюзивного и устойчивого развития в целях построения лучшего мира» [ТАСС (Российское государственное информационное агентство)].

Вопросы устойчивого развития активно обсуждаются российскими учеными. В условиях кризиса глобализма и нарастающей мировой турбулентности концепция устойчивого развития подвергается критике. Поддерживаемая ООН концепция устойчивого развития основана на

лидерстве стран Запада в глобальном управлении и ценностях западной цивилизации, казалось бы, общечеловеческих, но с глубинными смыслами, соответствующими западному менталитету. В соответствии с установкой на модернизацию (вестернизацию) эти ценности по умолчанию трактуются как единственно верные, истинные и универсальные, подлежащие усвоению всеми народами мира для того, чтобы стать частью цивилизации, построенной по западному образцу. [Sustainable Development Values: What Do We Know From Developing Country Perspective?].

Сегодня и руководство Китая предлагает свой вариант движения по пути устойчивого развития как своей стране, так и в глобальном масштабе. В 2017 г. на XIX съезде коммунистической партии Китая главной внешнеполитической темой стало построение «сообщества единой судьбы человечества». Согласно китайской концепции, достижение цели «сообщества единой судьбы» должно происходить в пяти направлениях – политике, безопасности, экономике, культуре, экологии. Китайские политики предложили «план Китая» и «китайскую мудрость» для того, чтобы разрешить множество проблем и вызовов, с которыми в настоящее время сталкивается международное сообщество» [Чрезвычайный и полномочный посол КНР в РФ Ли Хуэй, 2019, с. 5].

Устойчивое развитие в этом контексте видится как разработка и реализация концепции взаимодействия без доминирования, с сохранением разнообразия на основе выстраивания «многополярного мира». В этой связи особо актуальна, на наш взгляд, идея русского космизма о национальных и культурных мирах. Каждый народ заключает в себе особое понимание соотношения рационального и нерационального в выборе целей и средств деятельности, понимании справедливости, равенства, солидарности, ценности жизни перед лицом смерти, материального благополучия и развития духовности.

Альтернативная концепция устойчивого развития, основанная на декларируемой идее цивилизационного многообразия и выраженная в политическом дискурсе многополярного мира, имеет свои особенности и зависит от того, в каком историческом, национальном, социокультурном контексте концепция сформирована и какие неочевидные смыслы транслируются. Особенно чувствительна к социокультурной специфике идея *справедливого* устройства общества. К примеру, мало общего в понимании справедливости в западной и русской ментальности. Западный человек опирается преимущественно на *истины разума* – рационально аргументированного знания; русская ментальность ориентирована прежде всего на «правильное» (отвечающего «*правде жизни*») видение мира [Зиневич, 2019]. Расхождение не в деталях, а в различии аксиологических оснований «цивилизационного проекта» Запада и России. «Собственный проект цивилизационного развития, иной, нежели европейский – будь то для России или для какой-либо другой «большой культуры», – возможен только в том случае, если будет показана возможность *иного разума* (курсив мой –

О.З.), нежели тот, что лежит в основании европейской культуры и европейского цивилизационного проекта» [Смирнов, 2021, с. 202]. Обращение к философии русского космизма, в частности, к идеям о «национальных космосах» Г. П. Гачева [Гачев, 1999], может служить основой для изучения особенностей российской ментальности (не только русской, но и других народов, населяющих Россию) с целью сравнительного анализа специфики ценностного тезауруса «национальных космосов» в глобальном и региональном международном пространстве.

Источники

TASS (Российское государственное информационное агентство) [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/22212895> (дата обращения: 11.09.2025).

Sustainable Development Values: What Do We Know From Developing Country Perspective? *IGI Global* [Электронный ресурс]. URL: <https://www.igi-global.com/chapter/sustainable-development-values/191870#:~:text=Expert%203%20Sustainable%20development%20value,nature%2C%20shared%20responsibility%20and%20integrity> (дата обращения: 11.09.2025).

Литература

Гачев, Г.Д. (1999). *Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца*. М.: Институт ДИ–ДИК. 368 с.

Зиневич, О.В. (2019). О.Д. Маслобоева (ред.). Русский космизм, глобализация и проблема единения человечества. *Космизм и органицизм: эволюция и актуальность*. Сб. науч. трудов Международной научной конференции. Санкт–Петербург. С. 160–166.

Смирнов, А.В. (2021). Текущие задачи русской философии. *Проблемы цивилизационного развития*. 2021. Т. 3. № 1. С. 188–210.

Чрезвычайный и полномочный посол КНР в РФ Ли Хуэй (2019). Пусть идея человеческого сообщества с единой судьбой осветит весь мир. *Проблемы Дальнего Востока*. 2019. №1. С.4–12.

РОЛЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ОБЩЕСТВЕННОСТИ И УНИВЕРСИТЕТОВ В ПРЕОДОЛЕНИИ ПЛАНЕТАРНОГО КРИЗИСА. ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ВЫБОР РОССИИ

В.В. Лизунов

Омский научный центр Сибирского отделения
Российской Академии наук,
Омское региональное отделение
Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), г. Омск
vladvasil@yandex.ru

Мир творится Разнообразием
движется Противоречиями и
обретает Единство в Культуре.

Эпиграф автора

Аннотация. В статье представлена роль инновационных процессов и профессиональной общественности в условиях развития планетарного кризиса и усиления процессов глобализации, отмечена необходимость развития общественного сознания, нравственных ценностей, отказа от примитивных и эгоистических *императивов неограниченного потребления*, формировании целостного мировоззрения и инновационных институтов общества. Профессиональная общественность, как гуманитарный регулятор, интеллектуальная и духовная часть социума, может эффективно влиять на исполнительные и законодательные органы власти в форме *Четвертого контура управления*; совместно с университетами, выполняющими новые – Третью и Четвертую миссии, быть ключевым субъектом развития общественного сознания, формирования целостной картины Мира. Подчеркнуто, что современный цивилизационный выбор России, её «нравственный путь», изложенный в рамках БРИКСа, а также в указе и выступлении Президента России на Валдайском форуме, связан с надеждой большинства населения страны и планеты в сохранении духовных и нравственных ценностей, основан на географическом положении страны и уникальном историческом опыте, а также классических идеях русских космистов, использующих традиции древнего эмпирического и философско-культурного знания Востока и Запада, являющихся планетарным феноменом философии и культуры.

Ключевые слова: системный кризис, глобализация, профессиональная общественность, Четвертый контур управления, общественное сознание, современная Картина Мира, Третья и Четвертая миссии университетов, нравственный путь России, русский космизм, Экспертный совет высокого уровня БРИКСа.

1. Планетарный кризис, Четвертый контур управления.

В условиях развития мирового системного кризиса и усиления процессов глобализации (формируются и развиваются глобальные информационные, финансовые, транспортные, энергетические, космические, и др. системы), человечество сталкивается с целым рядом критических угроз, порожденных внутренними противоречиями мировых экономической и политической систем, различных стран и блоков, а также – влиянием демографических, идеологических и социальных кризисов, пандемий, климатических изменений, новых технологий и общественных движений.

Они не только приводят к радикальным изменениям в исторической картине Мира, усилению глобальных противоречий, неравномерностям в развитии, конфликтам и социальному расслоению, появлению ряда негативных процессов, но и создают возможности для перспективных инновационных преобразований регионов, эффективной реализации новых инструментов и технологий в управлении, экономике и социальной сфере, развитии технологических укладов, создании перспективных, в том числе – уникальных, российских продуктов.

В этих условиях решающую роль для укрепления государственности, обеспечения национальной безопасности России, конкурентоспособности и перспективного динамичного развития страны и её регионов играет усиление *инновационной факторов*, которые формируются на федеральном, отраслевых и региональном уровнях. Поскольку, по экспертным оценкам, отставание России от развитых стран по целому ряду направлений не сокращается, а растет, учитывая санкционное давление, необходимо обеспечить в регионах развитие инновационной, кооперационной и инвестиционной активности, активизацию *субъектов стратегического развития*, включая разработку привлекательных инновационных проектов, в том числе – комплексных, на основе сочетания отраслевого и территориального подходов, установления партнерских отношений, выявления имеющихся и привлечения необходимых дополнительных ресурсов [Лизунов, 2020а; Лизунов, 2021].

Особую – креативную роль в преодолении стратегической безсубъектности, формировании инновационных институтов российского общества и нового мировоззрения традиционно играет *профессиональная общественность* (в виде деловых или философских клубов, школ или групп методологов, «советов мудрецов», «фабрик мысли» и др.), которая, влияя на творческих специалистов в исполнительных и законодательных органах власти, вузах, предприятиях и организациях, предпринимательском сообществе, общественных институтах, эффективно способствует отработке различных форм консолидации общества, кооперации и социального партнерства, поэтапной реализации эффективных проектов и программ, перспективному стратегическому развитию общества [Лизунов, 2012; Лизунов, 2015а; Лизунов 2015б].

Для наглядности автором статьи эта функция и системные связи представляются в виде упрощенной кибернетической 4-контурной модели с обратной связью, где профессиональная общественность на уровне «Четвертого контура», являясь интеллектуальным носителем развивающегося общественного сознания, характеризует пространство Гражданского общества и может формироваться различными структурами и институтами: научными организациями и учебными заведениями; общественными советами; культурологическими философскими, деловыми и методологическими клубами (семинарами, кружками); научными общественными академиями, научно-техническими обществами; профессиональными объединениями; экспертно-аналитическими, проектными группами и лабораториями; «фабриками мысли», «круглыми столами», семинарами и др. (рис. 1) [Лизунов, 2019; Лизунов, 2020b].

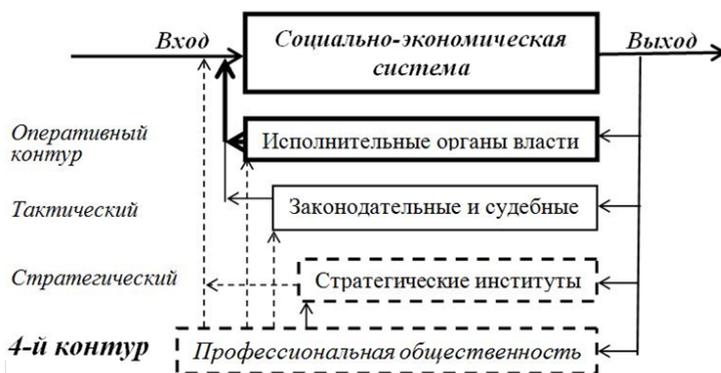

Рисунок 1. Упрощенная кибернетическая 4-контурная модель с обратной связью

«Роль профессиональной общественности в развитии общества (в том числе – формировании инновационных институтов и нового мировоззрения)»

2. Особенности современного общественного сознания

Есть такая невеселая и тревожная шутка о том, что многие люди всю свою жизнь проживают, так и не приходя в сознание. Аналогичные выводы приходится делать в результате философской рефлексии многих этапов развития человеческого общества, оценке состояния его сознания, особенно, в периоды самоистребления в войнах, рукотворных катастрофах. При этом всегда существовали конструктивные носители общественного сознания (интеллектуальные и духовные), они анализировали существующую и предлагали формировать определенную Картину мира, которые отражалась в мифах, учениях философов и предсказаниях. Она менялась в ходе сильных

потрясений, особенно в периоды войн, эпидемий, социальных катастроф, и в ней всегда присутствовало кризисное мироощущение, вплоть до ожидания апокалипсиса.

XX и XXI века благодаря явлениям глобализации, вероятно, являются одними из самых драматических и кризисных за все время существования человечества: две кровопролитные мировые войны, тоталитарные режимы, геноцид, кризис идей прогресса и гуманизма (основы европейской культуры), бурный рост промышленности и экологические катастрофы, развитие новых технологий и видов оружия (в том числе – биологического и психологического), глобальные экономические и финансовые катаклизмы...

Эти явления являются проявлением системного кризиса человечества, и именно они порождают устойчивое и широко распространенное в мире кризисное сознание. При этом кризисное мироощущение характерно не только для сознания простых людей, оно также находит многообразное выражение в искусстве, литературе, работах учёных и философов [Сидорина Т.Ю., 2003]. Сидорина, Т.Ю. (2003). Философия кризиса. М.: Флинта: Наука. С.7-8.

Для преодоления системного кризиса и выхода из «подросткового» возраста человечества необходима смена парадигм социальных и гуманитарных наук, застрявших в *механистической* физической Картине Мира (при открытии уже квантовополевого уровня бытия), разработка новой Модели Мира и формирование более развитого общественного сознания.

Известно, что человек постигает мир с помощью различных форм общественного сознания: Науки, Искусства, Религии, Морали, Права. В них традиционно используются различные методы: научный, художественный, духовная практика, нравственные императивы, нормы, что приводит к появлению различных типов знаний. При этом слабая связь между различными проекциями Мира, соответствующими этим методам, отсутствие эффективных результатов их синтеза, приводит к расколотости и противоречивости, и можно сказать, трагической шизофреничности массового и общественного сознания.

Человек в условиях потери смысла жизни, экономических проблем, хаоса общественных коммуникаций и отношений часто теряет ориентировку, вступает в конфликт с другими людьми, самим собой, обществом. Новое целостное мировоззрение должно преодолеть очевидную «расколотость» существующего общественного сознания, за счет комплексного подхода к изучению человека, его сознания и деятельности, философской рефлексии, осознания космопланетарной и биосоциальной природы человека, его ответственности за деструктивную или созидательную деятельность, формирования целостного («ноосферного») мировоззрения, трансляции позитивных культурных образцов, преодоления эгоизма различного уровня (личностного, группового, корпоративного, сословного, национального, расового, государственного, конфессионального и др.), организации и развития различных форм социального партнерства.

Объективная необходимость междисциплинарного синтеза общенаучной Картины Мира, а также - философского синтеза различных форм общественного сознания основывается на единстве Мира и естественной целостности духовной культуры человечества, что в настоящее время особенно стимулируется глобализацией мировых процессов и углублением кризисных явлений. Как правило, формирование новой Картины Мира в обществе происходит на каждом историческом этапе – но на новом уровне, с новым содержанием.

Личность в процессе рефлексии и формирования мировоззрения осваивает элементы философской и психологической грамотности, осознает мотивы поведения, потребности и взгляды, диагностирует и формирует необходимые ценности. Осознание относительности и динамики конфликта, противоречивости существующих и/или необходимости создания новых социальных связей, ассоциаций и институтов выводит личность из состояния агрессии или невротического тупика, приводит к конструктивному решению конфликтов, общественно полезной деятельности, реализации духовных потребностей и среди них - одной из самых высших потребностей человека - в смысле жизни [Лизунов, 1997; Лизунов, 2000; Чумаков, 2008; Яскевич, 2009; Лизунов, 2010; Лизунов, 2011; Гусейнов, Резник, 2012; Лизунов, 2022].

3. Роль профессиональной общественности и университетов

Очевидно, что ключевую роль в этих процессах играют университеты, научные организации и особую – часто неформальную роль - профессиональная общественность. Профессиональная общественность, в условиях мирового системного кризиса и усиления процессов глобализации, представляя как интеллектуальную, так и духовную часть социума, может эффективно влиять на исполнительные и законодательные органы власти (в виде Четвертого контура управления).

Именно эта особая - креативная роль профессионалов является гуманитарным регулятором, служит развитию общественного сознания, формированию нового мировоззрения и инновационных институтов общества, нравственных ценностей, способствует преодолению антропологических проблем, системного кризиса и перспективному стратегическому развитию территорий, установлению партнерских и кооперационных связей в обществе, формированию инновационной политики, реализации эффективных программ и проектов и т.д.

Преимущество профессиональных общественных объединений заключается в том, что они могут занимать активную субъектную позицию, независимую от государственных (формальных) и заорганизованных) или частных (ориентированных на прибыль) исполнителей, а также осуществлять независимую и неформальную творческую деятельность по анализу и перспективному проектированию, исходя из общих интересов и объективных условий.

Эффективной формой инновационного развития является создание *творческого субъекта* нового типа, который представляет собой сплоченные группы людей из управленцев, ученых, инженеров и бизнесменов, которые формируют перспективные социотехноструктуры на эффективных и прорывных направлениях экономики [Лизунов, 2016].

В связи с этим необходимо выделить важность концепции *Третьей и Четвертой миссий* университетов. Стало очевидным, что уже явно недостаточно реализовывать образовательную и воспитательную миссию (*Первая миссия*), а также создавать знания (*Вторая миссия*). Крайне необходима реализация *Третьей миссии – социальной*: активное, ответственное взаимодействие с обществом, трансляция знаний и ценностей, участие в решении его насущных проблем. И, как логическое развитие, реализация *Четвертой миссии – стратегической*: формирование современной Картины Мира, определение миссии территорий, развитие зрелой цивилизации на планете Земля, проектирование справедливого и нравственного будущего человечества, перспективного развития стран и регионов.

Ключевым ориентиром в этой общей деятельности, определяющим преодоление комплекса глобальных проблем, лежит не только в технологической сфере, а именно в сфере духовно-нравственных ценностей, исторического опыта и культурного кода России [Лизунов, 2021b; Лизунов В.В., Соловьев А.А., Егорова Н.Н., 2021; Лизунов, Соловьев, Кобзарь, 2022; Лизунов, 2023; Соловьев, Лизунов, 2023]

4. Современный цивилизационный выбор России

Мы хорошо понимаем, что преодоление современного планетарного кризиса и «эволюционных ловушек» человечества, их *корневых причин* лежит в отказе от примитивных и эгоистических императивов неограниченного потребления; необходимости развития личностного и общественного сознания; учете взаимозависимости и взаимодополнительности планетарных процессов; формировании современного мировоззрения и кооперационной Культуры сотрудничества, обеспечивающей разрешение политических, социальных и экономических противоречий.

Очевидно, что модель *эгоистического экономического субъекта*, изначально положенная в основу западной экономики, по своей сути, не может называться *рациональной*: она однобока, не обладает *полнотой (целостностью)*, и *ущербна*, поскольку не учитывает *гуманитарные, социальные и экологические стороны (ценности) бытия* человеческой цивилизации.

Именно *экономический переко*с, формирование (воспитание) у определённого типа людей (и их группировок) неограниченного (патологического) стремления к богатству и власти, *неспособность* к осознанию *целостной картины Мира*, процессов взаимозависимости, отсутствие саморефлексии, приводит к дегуманизации (расчеловечиванию), асоциальным процессам, стремлению к применению силы, локальным и

мировым войнам, неизбежному разрушению окружающей среды и др. [Соловьев, Лизунов, 2024a].

В процессе преодоления современного планетарного кризиса именно на Россию, как евразийское государство, имеющее важнейшее географическое положение и уникальный исторический опыт, а также классические идеи русских космистов, использующие традиции древнего эмпирического и философско-культурного знания Востока и Запада, и являющиеся *планетарным феноменом философии и культуры*, с необходимостью возлагается ключевая роль.

Она основана и объективно может быть реализована благодаря генетически укорененным в сознании народа коллективизму, общинности, соборности, взаимопомощи, сотрудничеству, социальной справедливости, которые представляют собой базовые ценности человеческого общежития для всей планеты, имеют богатейший духовный, научный и творческий потенциал и отражают умонастроение нашей эпохи, обуславливающие развитие *зрелой цивилизации* на планете Земля.

Современный цивилизационный выбор России связан с надеждой большинства населения страны и планеты в сохранении духовных и нравственных ценностей, основ взаимодействия различных культур на принципах диалога, сопереживания и сочувствия, что является основой христианского учения и других традиционных религий.

Классические научные идеи Н.Ф. Федорова, В.С. Соловьева, В.И. Вернадского, К.Э.Циолковского, А.Л. Чижевского и других русских космистов, продолжая традиции древнего эмпирического и философско-культурного знания Востока и Запада, являются планетарным феноменом философии и культуры, имеют богатейший духовный, научный и творческий потенциал и отражают умонастроение нашей эпохи.

Только на духовно-нравственном пути развития можно выявлять и устранять *корневые причины* большинства *эволюционных ловушек* современного поликризиса: эгоизм, разобщение, ограниченность, несистемность, стратегическую слепоту, дезинформацию, дегуманизацию и пр., усилить *кооперационные* начала, ослабить *конфронтацию* внутри цивилизации, противостояние блоков, уменьшить социальное расслоение и обеспечить *коэволюцию* человека и окружающей среды.

В процессе «*взросления*» человечества возрастает роль *общественного сознания*, происходит отказ от примитивных и эгоистических *императивов неограниченного потребления*, формируется новое понимание *качества жизни* (её цели и полноты), развиваются процессы *совместности* общественного устройства на основе *понимания* взаимозависимости и взаимодополнительности планетарных, в том числе - общественных процессов, формирования *коллективного процесса мышления*, полисистемного подхода и *целостного мировоззрения*, обеспечивающих *сосуществование* различных культур, создания условий для их саморазвития и взаимного обогащения.

Эти представления, основанные на целостном системном подходе, позволяют получать более полные представления о природе и человеке и фактически осуществляют попытки синтеза различных форм – составных частей «расколотого» в настоящее время общественного сознания человечества. Важнейшую роль в этих исследованиях составляют работы академика В.И. Вернадского о биосфере и ноосфере, о роли человека в преобразовании биосферы, в формировании которых значительную роль играли представители русского космизма - научного и духовно-культурного ренессанса рубежа XIX-XX вв., который, продолжая традиции древнего эмпирического и философско-культурного знания Востока и Запада, на основе целостного подхода и идеи всеединства развивал научные представления о космопланетарном процессе эволюции жизни, о появлении человека и его роли в Мироздании.

Очевидно, что только так может развиваться "*гражданское общество*", формироваться *зрелая цивилизация* на планете Земля [Соловьев, Лизунов, 2024b; Соловьев, Лизунов, 2025].

На эти цели направлен Указ Президента России «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Указ Президента России от 09 ноября 2022 года № 809]. Новая государственная политика направлена на воспитание нравственного гражданина России, в том числе и руководителей всех уровней государственного и муниципального управления. Это является необходимым условием преодоления современного глобального поликризиса, перспективного развития как России, так и мирового сообщества.

Технологическое обеспечение движения по нравственному пути изложено в выступлении Президента России в октябре 2022 года на Валдайском Форуме [Выступление Владимира Путина на Валдайском форуме. 27.10.2022].

Оно включает в себя *экосоциальные технологии* (ЭСТ) и *экопедагогику* (ЭП):

- *экосоциальные технологии* (ЭСТ) – совокупность приемов применения дискурсивно-оценочного метода при формировании новой мировоззренческой парадигмы нравственного человека, который не вредит и созидает для других;

- *экологическая педагогика* или *экопедагогика* – практическая педагогическая наука об обучении и нравственном воспитании, дополненная дискурсивно-оценочным методом, основной задачей которой является привитие, закрепление и укрепление в мышлении и поведении каждого человека на планете.

Так будет установлен естественный мораторий на убийство человека человеком, что станет экологическим культурным кодом всех граждан мира, который исключит летальные войны. Сами войны трансформируются в

нелетальное гуманное противоборство, соревнование, которое будет регулироваться с помощью *экосоциальных технологий*.

На доверии и духовно-нравственном единстве строятся справедливые взаимовыгодные отношения стран-участниц БРИКС. Очевидно, что на этих основаниях Россия предлагает *Нравственный путь*, гарантирующий взаимопонимание стран-участниц не только для объединения БРИКС, и для всего человечества [Документы ЭСВУ БРИКС, 2023; Соловьев, Лизунов, 2024b].

Источники

Указ Президента России от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

Выступление Владимира Путина на Валдайском форуме. 27.10.2022. URL: <https://www.1tv.ru/shows/vystupleniya-prezidenta-rossii/vneocherednoe-zasedanie-soveta-bezopasnosti-rossii/vystuplenie-vladimira-putina-na-valdayskom-forume-27-10-2022>

Ефимов В.А. Россия предлагает БРИКС нравственный путь, гарантирующий взаимопонимание стран-участниц объединения. *Документы ЭСВУ БРИКС*. 2023. URL: <https://brics-expert.info/documents/rossiya-predlagaet-briks-nravstvennyy-put-garantiruyushchiy-vzaimoponimanie-stran-uchastnits-obedine/>

Литература

Гусейнов, А.А., Резник, Ю.М. (2012). Этика философа. *Личность. Культура. Общество*. №4 (75-76). С. 233-245.

Лизунов, В.В. (1997). Философские проблемы экологического кризиса. *Становление человека как субъекта социального творчества. Матлы философской секции Всеросс. научно-практич. конф-ции «Общество. Экономика. Труд. Культура. Человек»*. Омск: Диалог-Сибирь, 1997. С. 199.

Лизунов, В.В. (2000). Проблемы рынка и необходимость нового мировоззрения. *Регион России. Информационно-аналитич. журнал*. Омск. № 2 (12). С. 81-87.

Лизунов, В.В. (2010). Проблема нравственности и социального партнёрства в современной России. *Национальные приоритеты России*. №1 (03). С. 17-31.

Лизунов, В.В. (2011). О проблеме социальной дисгармонии в современной России. *Философские науки. Спецвыпуск 2*. С. 70-84. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17561671> (дата обращения: 24.08.2025)

Лизунов, В.В. (2012). О стратегических направлениях развития Омской области. *Инноватика*. [Электронный ресурс]. URL: https://omskmark.moy.su/publ/innovatica/strategy_system/2012_lizunov_v_v_dev_elopment_strategy/72-1-0-505 (дата обращения: 01.09.2025).

Лизунов, В.В. (2015а). Активизация профессиональной общественности в целях реализации стратегии регионального развития. *Национальные приоритеты России*. 2015. № 1(15). С.3-4.

Лизунов, В.В. (2015б). Активизация профессиональной общественности и стратегическое партнерство в целях развития города Омска и Омской области. *Национальные приоритеты России*. 2015. № 2(16). С.14-20.

Лизунов, В.В. (2016). Региональная промышленная политика: теория и практика / под общ. ред. В.В. Карпова, В.В. Алещенко. *Спецификация региональной промышленной политики с использованием элементов кластерного подхода (на материалах Омской области)*. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН. С. 150. URL: http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2016/Specifikacija_regionalnoj_prom_politiki2016Omsk_3_Regionalnaya_Promyshlennaya_Politika_Teoriya_I_Praktika.pdf (дата обращения: 01.09.2025).

Лизунов, В.В. (2019). Роль неявной субъективности в исследованиях и управлении. *Омские научные чтения – 2019: мат-лы Третьей Всеросс. научной конф-ции (Омск, 2-6 декабря 2019 г.)* / [ред.кол.: П.В. Прудников и др.]. Омск: ОмГУ, 2019. С. 788-790.

Лизунов, В.В. (2020а). Инновационная политика, экономическая безопасность и конкурентоспособность регионов. *Вестник Сибирского отделения Академии военных наук*. №58. С. 55-89.

Лизунов, В.В. (2020б). Влияние практической философии и методологии на общественное сознание и развитие общества. *Омские научные чтения – 2020: материалы IV Всеросс. научной конф-ции (Омск, 30 ноября – 5 декабря 2020 г.)* / Редкол.: П.В. Прудников и др. Омск: Изд-во ОмГУ, 2020. С. 684-689.

Лизунов, В.В. (2021а). Инновационное развитие регионов как единства территориальных и производственных систем. *Национальные приоритеты России*. №2(41). С. 55-63.

Лизунов, В.В. (2021б). Роль современных университетов в развитии регионов: Третья миссия университета. *Национальные приоритеты России*. №1(40). С. 66-75. URL: <https://www.lizunov.info/3mission-univ/rol-sovr-univ> (дата обращения: 01.09.2025).

Лизунов, В.В. (2022). Диагностика и развитие структур сознания человека как основа для регуляции кризисных явлений. *Вестник Сибирского отделения Академии военных наук (СО АВН)*. №65. С. 34-49. URL: <https://www.lizunov.info/science-and-religion/rol-soznan> (дата обращения: 01.09.2025)

Лизунов, В.В. (2023). Роль профессиональной общественности в развитии регионов. Третья миссия университета. *Известия Омского регионального отделения Всероссийского общества охраны природы*. Выпуск 8. Омск: ОРО ВООП. 107 с. С. 11 – 23. URL: https://www.lizunov.info/3mission-univ/rol_prof (дата обращения: 01.09.2025).

Лизунов, В.В., Соловьев, А.А., Егорова, Н.Н. (2021). Инновационное развитие регионов и третья миссия современного университета. *Вестник Сибирского отделения Академии военных наук*. №60. С. 142-154. <https://www.lizunov.info/3mission-univ/innov-razv-reg> (дата обращения: 01.09.2025).

Лизунов, В.В., Соловьев, А.А., Кобзарь, П.Е. (2022). Третья миссия военного университета. *Развитие высшего образования: теория и практика. Мат-лы Всеросс. научно-практич. конф-ции*. 25 марта 2022 г. Омск: ОАБИИ, (446 с.) С.68-75. URL: <https://www.lizunov.info/3mission-univ/3mission-military-univ> (дата обращения: 01.09.2025).

Соловьев, А.А., Лизунов, В.В. (2023). Вызовы современности и три миссии университета. *Университет в эпоху педагогических новаций: сборник статей по итогам Второго профессорского педагогического форума*, 1–4 июня 2023, г. Москва. М.: Российское профессорское собрание. С. 253-261. URL: https://www.lizunov.info/3mission-univ/vyzovy_3 (дата обращения: 01.09.2025).

Соловьев, А.А., Лизунов, В.В. (2024a). Будущее человечества по идеологии Римского клуба и нравственный путь России. *Известия Омского регионального отделения Всероссийского общества охраны природы*. Выпуск 19. С. 26-34. URL: https://www.lizunov.info/metodolog_philo (дата обращения: 01.09.2025).

Соловьев, А.А., Лизунов, В.В. 2024b. Эволюционные ловушки человечества и судьба цивилизации / Омск: СО АВН, ОНЦ СО РАН, 110 с. URL: https://www.lizunov.info/metodolog_philo/evol_lov_civ (дата обращения: 01.09.2025).

Соловьев, А.А., Лизунов, В.В. (2025). Укрепление духовно-нравственных ценностей и цивилизационная роль России // Образование, наука, семья - основы развития России. Сб. статей по итогам Седьмого Профессорского форума 12–14 ноября 2024 г. В 2 т. Том 2. Москва: Российское профессорское собрание. 160 с. С. 40-59.

Сидорина, Т.Ю. (2003). *Философия кризиса*. М.: Флинта: Наука. С.7-8.

Чумаков, А.Н. (2008). Диалектика кризиса. *Вестник РФО*. № 4. С. 8 – 14.

Яскевич, Я.С. (2009). Экономический кризис и ценностное переосмысление современного мироустройства: философская рефлексия. *Век глобализации*. № 1. С.45–54.

ПРАБХУПАДА И ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ РОССИИ

В.В. Останин

Алтайский государственный аграрный университет, г. Барнаул
vadim_bh@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию наследия А.Ч. Бхактиведанты Свами Прабхупада и, прежде всего, его отношению к традиционным духовно-нравственным ценностям России и Евразии. В качестве двух основных констант выступают религиозная терпимость и семейные устои. Работа позволяет проанализировать, насколько учение вайшнавизма способно вписаться в общероссийскую евразийскую культуру.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, традиция, вайшнавизм, А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада, индуизм.

А.Ч. Бхактиведанта Свами Прабхупада (1896-1977, далее Прабхупада) – знаменитый индийский мыслитель и культурный деятель, распространивший вайшнавизм в середине XX века на всей территории земного шара, что ранее не удавалось никому из вайшнавских просветителей. На сегодняшний день созданная им «церковь» (Международное общество сознания Кришны) насчитывает много сотен храмов, тысячи центров, сельскохозяйственные общины, больницы, школы, издательства и т.д. Прабхупада является автором десятков книг и остается духовным ориентиром для миллионов своих последователей.

В июне 1971 года Прабхупада посетил Москву, где встретился с представителями советской науки и интеллигенции, а также заложил основу для развития ученической преемственности в России. На сегодняшний момент юридически независимым правопреемником наследия Прабхупады в РФ является «Центр обществ сознания Кришны в России» (ЦОСКР), курирующий развитие около сотни МРО (местных религиозных организаций с развитой системой храмового поклонения) и сотен религиозных групп и центров по всей стране, ферм. Стоит ли говорить, что ЦОСКР является крупнейшей организацией индуистского толка в России.

Исследователями не раз поднимался вопрос о том, насколько ЦОСКР, в частности, и учение Прабхупады в целом вписывается в контекст российской евразийской действительности. Конечно, порой звучат диаметрально противоположные точки зрения. В рамках данной статьи предлагается рассмотреть соответствие сформулированного Прабхупадой учения вайшнавизма российским традиционным духовно-нравственным ценностям.

Определение и содержание традиционных духовно-нравственных ценностей России даны в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по

сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Определение традиционных ценностей звучит следующим образом: «Традиционные ценности – это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Указ Президента РФ]. Далее идет расшифровка их насыщенного содержания: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [там же]. Особо подчеркивается, что «христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан» [там же].

В контексте предпринимаемого исследования предполагается выбрать из длинного списка духовно-нравственных ориентиров, сформулированных в Указе, кажется, две основных нравственных константы: религиозная терпимость (*духовность*) и семейные устои (*нравственность*).

1. *Религиозная терпимость*. Прабхупада был знаменит, с одной стороны, своей веротерпимостью, с другой стороны, непримиримостью в отношении любых проявлений межрелигиозной розни. Знаковым в данном отношении является его оригинальный перевод одного из стихов «Бхагаватапураны» (6.16.42), центрального текста вайшнавского религиозного канона: «Что хорошего в религии, заставляющей людей ненавидеть себя и других? Разве может она принести какое-либо благо своим последователям? В чем тогда ее ценность? Человек, причиняя под влиянием ненависти боль себе и окружающим, навлекает Твой гнев и становится безбожником» [Бхактиведанта, 2021, с. 278].

Таким образом, для Прабхупады критерием духовного роста личности становится отнюдь не сектанское рвение в борьбе с религиозным инакомыслием, а, напротив, способность к уважению и пониманию даже других духовных традиций. Прекрасным образом похожую мысль выразил один из прямых предшественников Прабхупады - Бхактивинода Тхакур (1838-1914) в своем знаковом произведении «Чайтанья-шикшамрита»: «Если нам доведется наблюдать, как Богу поклоняются приверженцы другого вероисповедания, мы должны думать так: “Здесь проводят богослужение моему Господу, но не так, как это делаю я, а иначе. Поскольку я воспитан в

другой среде, мне не до конца ясен такой метод поклонения. Тем не менее, с его помощью я могу лучше понять и по достоинству оценить свою религиозную традицию. Бог един для всех. Я почтительно склоняюсь перед представленным здесь символическим изображением Господа. Да усилит Он мою любовь к тому Его образу, который ближе мне и привычнее”. Те же, кто думает иначе, кто осуждает другие религии, питает ненависть к их последователям и преследует их, несомненно, не отличаются большим умом и не могут считаться людьми достойными. В какой степени они разжигают бессмысленную вражду, сеют раздоры, в такой степени они теряют интерес к Богу» [Бхактивинода, 2001, с. 20].

Итак, одним из основных посланий Прабхупады, как последователя своей духовной традиции, являлась проповедь терпимости, понимания иных религиозных традиционных для Евразии учений.

2. *Семейные устои.* Будучи монахом, но с богатым семейным опытом Прабхупада (он оставил мир в возрасте 63 лет, когда его дети крепко стали на ноги), несомненно, выступал за важность семейной жизни. Комментируя фразу из «Бхагавад-гиты» (13.10) об «отсутствии привязанности к детям, жене, дому и т.д.», он, однако, пишет: «Отсутствие привязанности к жене, детям и дому вовсе не означает, что мы не должны испытывать к ним никаких чувств. Наши близкие - естественные объекты нашей любви... Метод сознания Кришны - лучший способ создания в доме благоприятной атмосферы. Если человек обладает сознанием Кришны, он может сделать свою семейную жизнь очень счастливой... Если человеку удастся... создать в семье обстановку, способствующую развитию сознания Кришны, ему не нужно уходить из дома и отречься от мира» [Бхактиведанта, 2020, с. 577, 580-581].

Один из предшественников Прабхупады и одновременно первый истолкователь «Бхагавад-гиты» в линии его духовной преемственности Вишванатха Чакраварти (1626-1708) в одном из комментариев к пассажу «Гиты» («Я - страсть, осуществляемая в рамках дхармы», 7.11) разъясняет его более подробно: «Я - страсть, не противоречащая закону дхармы, т.е. направленная исключительно на свою супругу» [Visvanatha, 2003, p. 251].

В связи с рассмотрением института семьи необходимо проанализировать еще одну проблему, связанную с систематическим расшатыванием традиционных семейных устоев, о чем напрямую сказано в вышеприведенном Указе Президента: «Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российской народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (далее - деструктивная идеология), включая... разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» [Указ Президента РФ]. В одном из своих комментариев к «Бхагавата-пуране» (3.20.26) Прабхупада высказывается на эту тему однозначно: «Гомосексуальное влечение одного мужчины к другому присуще только

демонам, у здоровых людей, которые ведут нормальный образ жизни, оно отсутствует» [Бхактиведанта, 1993, с. 312].

Итак, мы можем заключить, что учение, транслируемое Прабхупадой от его предшественников, вполне вписывается в контекст основных традиционных духовно-нравственных ценностей России и Евразии в целом. Отсюда напрашивается вывод, что тот успех, что пожинает традиция вайшнавизма на территории РФ отнюдь не случаен, более того, у последователей Прабхупады в России вполне возможно довольно перспективное будущее.

Литература

Бхактиведанта Свами Прабхупада, А.Ч. (2020). *Бхагавад-гита как она есть*. М. The Bhaktivedanta Book Trust.

Бхактиведанта Свами Прабхупада, А.Ч. (1993). *Шримад-Бхагаватам: Песнь третья, часть вторая*. М. The Bhaktivedanta Book Trust.

Бхактиведанта Свами Прабхупада, А.Ч. (2021). *Шримад-Бхагаватам: Песнь шестая, том второй*. М. The Bhaktivedanta Book Trust.

Бхактивинода, Тхакур (2004). *Шри Чайтанья Шикшамрита («Нектар поучений Шри Чайтаньи»)*. М. Издательство «Философская книга».

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 28.08.2025).

Srila Visvanatha Cakravarti Thakura (2003). *Sarartha-varsini-tika (The Bhagavad-gita commentary)*. Sri Vaikunta Enterprises, translated by H.H. Bhanu Swami.

СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ЕВРАЗИЙСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИНТЕГРАЦИИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Л.С. Рубан

Университет мировых цивилизаций им. В.В. Жириновского
г. Москва, Lruban@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется история становления и развития межцивилизационной социокультурной интеграции с учётом осуществления этого процесса через развитие языка (как коммуникативного фактора) и системы образования. Методологией исследования выбран системный подход, который позволяет сделать комплексный анализ изучаемой проблемы и сформулировать соответствующие выводы. В качестве исследовательских методов используются: включённое наблюдение, историко-сопоставительный и статистический анализ, а также контент-анализ научных работ и публикаций в СМИ. Целью работы является показ прогрессивности развития и динамики равноправных и взаимовыгодных межгосударственных отношений на евразийском пространстве, стремление к учёту интересов субъектов взаимодействия.

Ключевые слова: евразийское пространство, ЕврАзЭС, ЕАЭС, межцивилизационная и социокультурная интеграция.

Введение. Евразия располагается и на европейском, и на азиатском континентах и занимает 1/3 часть мира (54,9 млн кв. км), здесь проживает 2/3 населения. Кроме того, «Евразия характеризуется богатством культур, языков и религий. Причём это многообразие является не только вызовом, но и возможностью для интеграции» [Аналитический доклад, 2023; Евразия, 2023]. Отметим, что народы Евразии создали древнейшие цивилизации.

Российские исследователи Савицкий П.Н. и Трубецкой Н.С. указывают на то, что «геополитическая концепция евразийцев включает понятия «народности» и «территории» и принцип «месторазвития», ставший основой теоретических положений евразийства» [Савицкий, 2002; Трубецкой, 2003]. А, по мнению профессора из Новосибирска Шмакова В.С., «евразийская идея соответствует концепции устойчивого развития как модели цивилизации. В рамках процесса социокультурной трансформации происходят изменения в жизненных стереотипах при сохранении традиционной социокультуры и идентичности; формируется модель евразийского социокультурного развития и определяется место России в евразийском пространстве и мире» [Шмаков, 2024, с. 175-176, 178].

Рассматривая историю евразийской интеграции, надо выделить знаковые явления: «Великий Шелковый путь, соединявший Восток и Запад» [Великий Шёлковый путь! 2023], Монгольскую империю (XIII в.), простиравшуюся от Восточной Европы до Восточной Азии. В XX в. СССР

был формой интеграции, объединившей на основе коммунистической идеологии 190 наций, ЕАЭС и ШОС – современные примеры интеграции на пространстве Евразии для экономического, политического, военного и культурного сотрудничества»³ [Шмаков, 2024, с. 175-176].

Что же такое интеграция?

В 1966 г. Рой Дженкинс подчёркивал, что «интеграция не означает утерю иммигрантами своей идентичности и культуры, а это процесс предоставления равных возможностей, культурное многообразие в атмосфере взаимной терпимости» [Громыко, 2010, с. 25]. А Самуэль Хантингтон в работе «Столкновение цивилизаций» (1993) указывал на «объективное разнообразие мира» [Хантингтон, 1993]. В своей книге «Запад и все остальные» (1997) он предложил «идею мультикультурализма как основы взаимодействия разных цивилизаций» [Хантингтон, 1997]. Итак, в мировой политике интеграция представляет собой процесс объединения государств с целью укрепления экономических, политических, социальных и культурных связей между ними.

Становление и развитие междивизиационной евразийской социокультурной интеграции имеет богатую историю и насыщенную перспективами динамичную современность. Приобщение России к этому процессу начинается с момента формирования единой территории, когда русское государство стало расширяться на восток (в сибирском направлении во второй половине XVI в. ещё при Иване Грозном) и на юг (в центрально-азиатском направлении). Единый социокультурный ареал включал интенсивное развитие как материальной, так и духовной культуры, драйвером которой стала русская (славянская) культура и цивилизация, опережавшая в своём развитии окраинные пограничные (фронтирные) конгломераты.

Колоссальную коммуникационную (объединяющую) роль в этом сложном процессе играл и играет русский язык, причём все региональные языки Евразии имели возможность полноценно развиваться и ни один из них не был утрачен, а наоборот, получил возможность дальнейшего развития.

Надо отметить, что «в царской России своё влияние на иноверцев христианство распространяло не прямым, а косвенным способом через систему образования. Если медресе и мектебы были немногочисленными и имели замкнутый религиозный характер, то школы для совместного обучения детей разных национальностей и вероисповедания по т.н. системе Ильминского были более открытыми и динамичными, в них шло распространения среди нерусских народов православия с целью обрусения; для чего допускалось преподавания в школах на родных языках и издание богослужебных и учебных книг на родных языках, но русскими буквами» [Рубан, 2001, с. 85]. Школы Ильминского были примером билингвизма в

³ К примеру, ШОС, кроме решения проблем безопасности, поддерживает культурный и образовательный обмен между странами-членами, что способствует укреплению связей между народами региона и культурной интеграции.

обучении и способствовали просвещению нерусских народов Российской империи.

Итак, необходимо чётко определить систему и направленность интеграции на евразийском пространстве в исторический и современный период. Какой она была и на чём основывалась? На ассимиляции или многокультуре? Об этом точно сказал член-корреспондент РАН, директор Института Европы РАН А.А. Громыко: «суть многокультуры – в признании возможности параллельного существования и взаимовыгодного взаимодействия этнических общин, представляющих разные культуры и разные цивилизации. Эта модель признаёт невозможность интеграции на принципах ассимиляции и допускает ценностный и культурный плюрализм» [Громыко, 2010, с. 25].

Заключение. Хотелось бы остановиться на вкладе Международного проекта «Диалоговое партнёрство как фактор стабильности и интеграции» («Мост между Западом и Востоком») в укрепление интеграции на евразийском пространстве через совместные научные и образовательные программы с нашими партнёрами: Евразийским национальным университетом им. Л.Н. Гумилева (Казахстан), Университетом Цинхуа, Китайским нефтяным университетом и Китайской ассоциацией стратегических исследований (КНР).

Для усиления роли русского языка как коммуникативного фактора и укрепления интеграции РФ и КНР в сфере образования и культуры были изданы монографии и учебники на русском языке для его пропаганды за рубежом, развития толерантности и, чтобы изучающие, знакомились с российской позицией по ряду вопросов. Во время проведения тренингов, лекций и деловых игр и учебном процессе мы использовали совместно с казахстанскими и китайскими коллегами подготовленные и изданные учебные пособия «Как разрешать конфликты и формировать толерантность» (2007, 2008), «Формирование толерантности в полиэтничных регионах» (2012, 2013), монографии «Развитие конфликта-консенсуса в полиэтничных регионах» (1998), «Молодежь на пути к культуре мира и согласия» (2003), «Дилемма XXI века: толерантность и конфликт» (2006), «Гражданское формирование школьной молодёжи» (2020 и 2025) и др. В мы участвовали в Гуманитарном форуме «Молодое поколение – жизнь без границ», состоявшемся на ВДНХ в рамках празднования 20-летия СНГ и на Международном форуме молодежи стран СНГ на оз. Селигер, где подарили участникам из СНГ эти книги.

В рамках экономической интеграции наших стран мы участвуем в проведении Форумов в совместном с Ассоциацией стратегических исследований Китая проекте «Энергетические диалоги между Китаем и Россией»: в Пекине (2009, 2012, 2013), Ханьчжоу (2014), Шанхае (2015), в Даляне (2010), Санья (2019), в Москве (2008, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023) с приглашением коллег из Казахстана. Совместно с Университетом Цинхуа и Китайским нефтяным университетом мы издали монографии:

«Геостратегические интересы Российской Федерации на Дальнем Востоке» (2006), «Восточный маршрут российских углеводородов»⁴ (2008), «Перспективы энергетического сотрудничества Россия – АТР» (2010), «Россия – АТР: горизонты энергетического сотрудничества (2012)», «Социально-политические сообщества планеты и лидерство в современном мире» (2014), «Комплексная характеристика ситуации в АТР» (2016), «АТР глазами экспертов» (2019).

Наш проект открыт для сотрудничества и далее будет вносить вклад в развитие интеграции на пространстве Большой Евразии.

Литература

Аналитический доклад: *Новые горизонты развития интеграции на пространстве Евразии*. ЦАИ «Евразийский мониторинг». URL://<https://www.dialog.kz/articles/politika/2023-09-22/analiticheskiy-doklad-novye-gorizonty-razvitiya-integracii-na> (Дата обращения 12.06.2025).

Великий шёлковый путь! Существовала ли такая дорога в действительности и где она проходила. URL://<https://europe-china.kz/info/68> (Дата обращения 15.07.2025).

Громыко, А. А. *Устоит ли Новый Вавилон? (Проблемы межцивилизационной интеграции Европы)* // Современная Европа», 2010, №1, с. 18–30.

Евразия. Общий обзор. URL: // <http://ecosystema.ru/08nature/world/geoworld/05.htm> (дата обращения 27.08.2025).

Рубан, Л. С. (2001). *Из истории национальной школы в Астраханском крае* // *Педагогика*. 2001. № 4. С. 84-89.

Савицкий, П. Н. (2002). *Евразийство. Основы евразийства*. М.: Арктогея-Центр. С. 266-280.

Savitsky, P. N. (2002). *Eurasianism. In Fundamentals of Eurasianism*. Moscow. Pp. 266-280. (In Russ.)

Трубецкой, Н. С. (2003). *Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока*. М.: Директ-Медия. 96 с.

Trubetskoy, N. S. (2003). *A look at Russian history not from the West, but from the East*. Moscow. 96 p. (In Russ.)

Трушин Н. А. 40 лет советской школы (1917-1957). Исторический очерк. Астрахань, 1958. С. 9.

Trushin, N. A. 40 Years of the Soviet School (1917-1957). Historical Essay. Astrakhan, 1958, p. 9. (In Russ.)

⁴ Спонсором издания выступила PetroChina.

Хантингтон, С. (1993). Столкновение цивилизаций. [URL://
http://jezmmm.ru/wp-content/uploads/2020/09/hantington_s...](http://jezmmm.ru/wp-content/uploads/2020/09/hantington_s...)(Дата обращения 01.09.2025).

Huntington, S. (1993). The Clash of Civilizations. [URL://
http://jezmmm.ru/wp-content/uploads/2020/09/hantington_s...](http://jezmmm.ru/wp-content/uploads/2020/09/hantington_s...)

Хантингтон, С. (1997). Запад и все остальные. [URL://
https://ssmirnoff.livejournal.com/1131295.html](https://ssmirnoff.livejournal.com/1131295.html)

Шмаков В. С. (2024). Устойчивое социокультурное развитие Евразии: интеграционный аспект// Respublica Literaria Шмаков В. В. 2024. Т. 5. № 3. С. 172-183.

НАДНАЦИОНАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ – ЦЕЛИ И УСЛОВИЯ

Г. С. Солодова

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
gsolodova@gmail.com

Аннотация. В культурном и историческом смысле Европа, вовсе не чуждый нам мир и пространство. Российский разворот в евразийскую интеграцию в значительной степени вынужденная мера – следствие коренным образом изменившихся экономических возможностей в западном мире. Основной задачей дифференцированной кооперации в восточно-азиатском регионе, как для нашей страны, так и для других ее участников являются собственные национальные интересы. Разные возможности и эффективность трансграничного партнерства и их углубления обусловлены как современной ситуацией, так и предысторией торгово-экономических и иных связей.

Ключевые слова: интеграционные проекты, межгосударственное регулирование.

Обращаясь к принципам и механизмам внутри- и межцивилизационной интеграции в евразийском социокультурном пространстве было бы полезным сделать небольшое уточнение. Говоря об евразийском пространстве, помимо России, в первую очередь мы будем иметь ввиду государства Центральной Азии и Китай. На протяжении XIX в. большая часть этой территории входила в состав двух империй. Неприятие Китаем имперской самоидентификации не отменяет его реального государственно-политического статуса и культурного многообразия. Данное пояснение имеет смысл, т.к. может накладывает отпечаток на характер региональных интеграционных процессов.

Принято выделять три уровня интеграции – наднациональный (глобализационный, межгосударственный), национальный (внутригосударственный) и локальный (групповой). В данной статье мы сосредоточимся на первом уровне.

1. Предпосылки и цели интеграции. Ответить на вопрос, чем обусловлена целесообразность межгосударственного взаимодействия и потребность в создании экономических, политических и других объединений и систем, наверное, довольно просто. Ответ лежит на поверхности и, возможно, выглядит несколько клишированным. В современных, крайне изменчивых и нестабильных геополитических условиях государства в особенности нуждаются во взаимной поддержке. Как ни парадоксально, но партнерство является одним из условий обретения и сохранения суверенитета. Условия, устойчивость и продолжительность разного рода коопераций может быть разной. Зачастую их ценность определяется

ситуацией, важностью, как говорят «в моменте».

Еще одна предпосылка – региональное **соседство**, исторически сложившиеся взаимодействия. Шлейф торговых связей создает ощущение естественности и уместности их поддержания.

2. Потенциальные сферы процессов межгосударственной интеграции. Практика показывает, что в первую очередь, это традиционное трансграничное хозяйственно-экономическое взаимодействие. Как пример его современного воплощения может рассматриваться Евразийский экономический союз. Так в документах ЕАЭС отмечается, что это «международная организация региональной экономической интеграции, обладающая международной правосубъектностью», в которой «обеспечивается свобода движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение скоординированной, согласованной или единой политики в отраслях экономики». Целью союза является всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности. Основная задача – повышение жизненного уровня населения и стабильное развитие каждого из государств⁵.

Другой пример, проект «Один пояс – один путь». Данная инициатива предполагает преобразование евразийской трансграничной транспортно-логистической, энергетической и телекоммуникационной инфраструктуры. Сближение национальных экономик планируется за счет выстраивания масштабных экономических коридоров с исходной точкой в Китае: Китай – Центральная Азия – Ближний Восток, Китай – Юго-Восточная Азия и Китай – Казахстан – Россия – Европа, Китай – Индийский океан – Европа, Китай – Индийский океан – Африка и Китай – Юго-Восточная Азия – южная часть Тихого океана. Реализация ОПОП предусматривает комплексное макроэкономическое развитие в сочетании с расширением межгосударственных отношений посредством наращивания контактов между людьми. По сути, речь идет о долгосрочной многовекторной стратегии формирования Китаем «зоны совместного развития» со странами, расположенными «в орбите» планируемых маршрутов⁶. Добавим к этому крупнейшую и эффективно работающую Шанхайскую организацию сотрудничества, реконфигурирующую евразийское пространство.

Менее традиционными, в большей степени характерными для современных обществ, проявлениями интеграционных процессов являются создание глобальных сетей и обмен информацией, организация

⁵ Евразийский экономический союз. Официальная информация. <https://www.eaeunion.org/#info>. Дата обращения к сайту 20 июля 2025 г.

⁶ О китайской инициативе «Один пояс, один путь». Министерство иностранных дел Российской Федерации https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/HEAD_OF_SUBJECTS_COUNCIL/MATERIALY-O-VYPOLNENII-REKOMENDACIJ-ZASEDANIJ-SGS/XXXVI-ZASEDANIE-SGS/1767163/. Дата обращения к сайту 29 июля 2025 г.

международных, в т.ч. неправительственных объединений. В фокусе интересов подобных проектов не только сами социогуманитарные аспекты взаимозависимости, но и их последствия.

3. Немаловажный вопрос – условия, принципы международной интеграции.

К общим принципам международной кооперации принято относить:

- принцип суверенного равенства государств;
- наличие общих взаимовыгодных и взаимодополняющих интересов, отвечающих национальным потребностям;
- выработка и принятие приемлемых для всех участников правил, сближение законодательств, установление сопоставимого нормативно-правового регулирования, «дорожных карт» взаимодействия в отдельных сферах⁷.

4. Следующий аспект – понимание роли России в этом процессе.

Здесь с неизбежностью мы должны обратиться к географическому фактору. Обращаясь к истории термина Евразии, отметим, что первоначально это понятие имело исключительно узко-географический смысл, было совершенно нейтральным и лишенным какой-либо культурной подоплеки. Новое, оценочное наполнение термина пришло позднее. Европейское по культуре и географии ядро страны дополнилось восточными землями и народами. В результате, российская культура не является исключительно европейской. С одной стороны, «со времен принятия православия Русь считала себя частью христианской цивилизации ... Европейский статус России официально был закреплен в 1767 году Екатериной II в «Наказе комиссии о сочинении проекта нового Уложения», в котором прямо утверждалось: «Россия есть европейская держава». В то же время – «От монгольского периода мы унаследовали веротерпимость и культурную открытость. Строя свою империю, мы, в отличие от европейцев, не уничтожали, но впитывали местные культуры и элиты, став евразийцами задолго до выдвигания теорий евразийства» [Караганов, 2022, с. 16-18]. Как результат – многовековое вхождение, принадлежность к европейской христианской культуре с одной стороны, наряду с этим – глубоко укорененные связи с тюркской, восточно-мусульманской традицией.

Данное обстоятельство породило вопрос о цивилизационной самоидентификации и выборе траектории развития. Как пишет Владислав Сурков «Наша культурная и геополитическая принадлежность напоминает блуждающую идентичность человека, рожденного в смешанном браке. Он везде родственник и нигде не родной. Свой среди чужих, чужой среди своих. Всех понимающий, никем не понятый. Полукровка, метис, странный какой-

⁷ Договор о Евразийском экономическом союзе. Министерство экономического развития Российской Федерации

<https://www.economy.gov.ru> > file > Dogovor_ees. Дата обращения к сайту 24 июля 2025 г.

то. Россия это западно-восточная страна-полукровка. С ее двуглавой государственностью, гибридной ментальностью, межконтинентальной территорией, биполярной историей она, как положено полукровке, харизматична, талантлива, красива и одинока» [Сурков, 2018].

5. Если говорить о факторах внутригосударственной межцивилизационной интеграции, то в первую очередь это принадлежность к одной политической организации. Распространенной практикой государственно-территориального устройства полиэтничных государств является федерация. Федеративное устройство предполагает наличие у территориальных субъектов некоторых признаков государственности, в т.ч. введение второго государственного языка.

Апробированным инструментом нациостроительства, создания единой гражданской нации как политического сообщества и политического союза является создание единого языкового пространства. Европейский и российский опыт подтверждают, что это обеспечивает наиболее успешное инкорпорирование локальных сообществ. Основным способом распространения официального государственного языка служит система массового стандартизированного школьного образования. Помимо возможности непосредственного диалога, интенсивное общение на одном языке создает условия для сходных понимания и интерпретации многообразных социальных контекстов. Общеупотребительный язык служит инструментом становления коллективных представлений и ценностей, формирует доминирующие репрезентации событий, общественное мнение, влияет на самоопределение. Иными словами, сокращает культурную дистанцию между участниками коммуникации. Любопытно, что согласно структуралистскому подходу, восприятие и понимание мира всецело структурируется и опосредуется языковой системой. Язык служит детерминирующей системой, влияющей на мышление и культуру, восприятие и организацию социального опыта.

Выводы:

1. В контексте глобальной нестабильности укрепление государственного суверенитета является главной задачей интеграции. Международная интеграция не означает появление наднациональной власти. Ключевой предпосылкой многоуровневой инфраструктурной интеграции являются потребность в различных видах ресурсов, региональная близость, подкрепленная исторически сложившимися связями.

2. Несмотря на изменяющуюся природу государственности – локальные отказы и реверсивные возвращения к национальному государству – существуют факторы, способствующие глобализационному партнерству и кооперации, и, напротив, затрудняющие его. Другими словами – интеграционные процессы имеют отчетливые пределы и границы.

Литература

Караганов, С.А. (2022). От не-Запада к Мировому большинству.

Россия в глобальной политике. Т. 20. № 5. С. 6-18.

Сурков, В. (2018). Одиночество полукровки. *Россия в глобальной политике*. № 2.

ТЕМА ИНТЕГРАЦИИ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

Е.А. Тюгашев

Независимый исследователь, г. Новосибирск
filosof10@yandex.ru

Аннотация. Проблема интеграции цивилизации не имеет длительной истории разработки. Поэтому важно очертить абрис проблемы. В качестве методологического основания можно использовать представления об интеграции, сформулированные в позитивистской социологии, в частности, в трудах Г. Спенсера и П.А. Сорокина.

Ключевые слова: интеграция, цивилизация, конвергенция, ассимиляция, синтез.

Латинская лексема *integration*, означающая «восстановление, возобновление» ориентирует на понимание процесса интеграции как воссоздания ранее распавшегося целого. Учет предыстории интеграционного процесса очерчивает его пространственные рамки и закономерную последовательность этапов. Как предполагается, интегрировать можно только то, что прежде распалось и в той очередности, в которой происходил распад.

Связь интеграции с предшествующим процессом уловил Г. Спенсер, который разработал детализированную концептуальную схему с понятиями дифференциации, дезинтеграции и реинтеграции, разновидностей интеграции и дезинтеграции [Спенсер, 1997]. Освоение синтетической философии Г. Спенсера в данной ее части является необходимым условием философски компетентного обсуждения проблемы интеграции цивилизаций.

Г. Спенсер полагал интеграцию законом эволюции. В эволюционной перспективе интеграция локальных цивилизаций неизбежна, что осознается как всемирно-исторический процесс формирования мировой цивилизации. Этот поступательно-возвратный процесс может занять не одну тысячу лет. Его временную перспективу можно оценивать с учетом исторических судеб выделяемых археологами в бронзовом веке (и даже в первобытности) локальных микроцивилизаций.

Следует оговорить, что в настоящее время термин «интеграция» часто употребляется в значении термина «ассимиляция». Например, говорят об интеграции иммигрантов в принимающее сообщество. На мой взгляд, интеграция в таком случае рассматривается как один из этапов процесса ассимиляции.

Но исторически актуально другое: иммигранты могут интегрировать и ассимилировать сложившуюся локальную цивилизацию, что не раз случалось при переселении народов. Варварская периферия выполняла роль магистральной культуры, которая интегрировала и поглощала локальные

цивилизации, становилась основой более масштабных цивилизаций [Тюгашев, 2018]. Наиболее известен в этом отношении романо-германский синтез. Он разрушил античную цивилизацию и положил начало европейской цивилизации, правда, на базе христианства – также «варварского» по происхождению. Подобное не исключено и в XXI веке.

История предшествующей дифференциации цивилизаций может стать «дорожной картой» в их восстановлении, возобновлении, а точнее – реинтеграции. Так, российскую цивилизацию принято рассматривать как православную цивилизацию, т. е. как ветвь христианской цивилизации. Таких ветвей несколько. В зависимости от оснований и уровня дифференциации выделяют цивилизации западнохристианскую и восточнохристианскую, католическую и протестантскую, европейскую, северо- и латиноамериканскую, христианско-иудейскую и др. Кроме того Ф. Гизо в истории Европы выделял английскую, французскую, германскую, испанскую, итальянскую и другие этноцивилизации [Гизо, 2007]. Наиболее совершенной он считал французскую цивилизацию и рассматривал ее как образец для подражания и как всеобщего медиатора в коммуникации цивилизаций.

Процессы интеграции протекают объективно. Например, в XIX веке Сербия тяготела по-славянофильски к России, но в качестве образца развития выбрала Австро-Венгрию: «Молодые люди отправляются учиться в австрийские университеты; бюрократическая система, кодекс, судопроизводство, школы – все было скопировано с австрийских образцов. Это было естественно» [Энгельс, 1961, с. 320]. В свою очередь христиане Болгарии, Боснии, Македонии и Фракии видели в Сербии центр объединения в борьбе за национальную независимость [Энгельс, 1957, с. 34]. Необходимость противостоять Турции вынудила Сербию «заимствовать у Западной Европы свои политические учреждения, свои школы, свою науку, свою промышленную организацию» [Энгельс, 1957, с. 34], несмотря на этноконфессиональную общность с Россией.

Во второй половине XX века инициирован европейский интеграционный процесс – интеграции стран Европы Северной и Южной, Западной и Восточной, интеграция европейской цивилизации. Европейская интеграция идет в рамках христианского мира. Ее ближайшее будущее безусловно, особенно если вспомнить неудавшийся опыт восточноевропейской социалистической интеграции. Но в конечном счете интеграция европейской цивилизации не избежать.

Не избежать и интеграции христианской цивилизации в целом. Уже сегодня принято говорить о «коллективном Западе». Это определенное продвижение по сравнению с концом XIX века, когда Запад был разрозненным.

Для оценки прогресса интеграции цивилизации (и цивилизаций) можно использовать шкалу, построенную на основе предложенной П.А. Сорокиным классификации основных форм культурной интеграции

[Сорокин, 2006, с. 36]. Первичной, низшей формой (и уровнем) интеграции он считал конгломерат. Обращалось внимание, что все выделенные А. Тойнби локальные цивилизации П.А. Сорокин считал простыми конгломератами [Зюев, 2004, с. 143].

Любопытно и то, что, оценивая текущее состояние интеграции США и Советской России, П.А. Сорокин описывал его как эклектичную смесь, т. е. как конгломерат [Sорокин, 1960, р. 144]. По-видимому, согласно его классификации, все в мире – особенно в условиях интернационализации и глобализации – находится в состоянии культурного конгломерата. Но в процессах внутри- и межцивилизационной интеграции эпизодически происходит выход на второй, более высокий уровень интеграции – ассоциацию под воздействием внешнего фактора.

Справедливо указывается на перспективность модель конвергенции П.А. Сорокин в условиях современной цивилизационной турбулентности [Попков, 2022]. Важно понимать, что конвергенция завершится в виде некоторого логико-смыслового единства – высшего уровня интеграции. А в мире имеются мегацивилизации [Хатунцев, 2011] или цивилизационные суперсистемы [Харин, 2015], логико-смысловая коммуникация между которыми на глубинном, экзистенциальном уровне затруднена. На мой взгляд, это четыре цивилизационные суперсистемы: христианская, мусульманская, индийская, конфуцианская. Это мегацивилизации с разными «онтологиками» культур.

В связи с этим возникает, с одной стороны, вопрос о логико-смысловом единстве каждой из цивилизационных суперсистем. А с другой стороны – вопрос о возможностях межцивилизационного смыслового единства в рамках, например, индоевропейского мира.

На мой взгляд, логико-смысловое единство христианской цивилизации может основываться на следующих идеологемах, вытекающих из опыта российской цивилизации:

- 1) труд – в смысле творческого труда, повторяющего творение мира;
- 2) свобода – в смысле жизни среди «своих», т. е. там, среди кого жить комфортно;
- 3) личность – в смысле соборной личности с ее многоуровневой организацией.

Указанные идеологемы в различных интерпретациях приемлемы для всего христианского мира, но дистанцируют его от других мегацивилизаций, логико-смысловая самодостаточность которых настолько высока, что они, возможно, готовы принять интеграцию с христианской цивилизацией только в варианте ее ассимиляции.

Литература

Гизо, Ф. (2007). *История цивилизации в Европе*. М. Издательский дом «Территория будущего».

Зюев, Н. Ф. (2004). Интегрализм Питирима Сорокина и теория цивилизаций: возможности синтеза. *Философия и общество*. № 3 (36). С. 143-156.

Попков, Ю. В. (2022). Модель конвергенции и ее возможные социокультурные аналоги в условиях современной цивилизационной турбулентности: возвращаясь к идеям П.А. Сорокина. *Человек. Культура. Образование*. № 3. С. 53-68.

Спенсер, Г. (1997). *Синтетическая философия*. К. Ника-Центр,

Сорокин, П.А. (2006). *Социальная и культурная динамика*. М. Астрель

Тюгашев, И.Е. (2018). Теория магистральных и локальных культур А.В. Головнёва в контексте шумеро-аккадского опыта. Доржу З.Ю. (ред.). *IV Центральноазиатские исторические чтения. Пространство культур: через призму единства и многообразия*. Кызыл. 2018. С. 260-263.

Харин, А.Н. (2015). К типологии цивилизационных суперсистем. *Социально-гуманитарные знания*. № 1. С. 247-255.

Хатунцев, С.В. (2011). Лимитрофы – межцивилизационные пространства Старого и Нового Света. *Полис*. № 2. С. 86-98.

Энгельс, Ф. (1957). Что будет с Европейской Турцией? Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. М. Политиздат. Т. 9. С. 31-36.

Энгельс, Ф. (1961). Политическое положение в Европе. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. М. Политиздат. Т. 21. С. 320-327.

Sorokin, P.A. (1960). Mutual Convergence of the United States and the USSR to the Mixed Sociocultural Type. *International Journal of Comparative Sociology*. No. 1. Pp. 143-176.

МИРОВОЗРЕНЧЕСКИЙ ПРИНЦИП «ОДУХОТВОРЁННОГО ДВИЖЕНИЯ» КАК ЦЕННОСТНЫЙ ФАКТОР ЦИВИЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

П.Я. Циткилов

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону
petrcitkilov@yandex.ru

Аннотация. Развитие страны, движение в направлении общественной эволюции приобретает должную действенность при опоре на духовно-религиозные нормы бытия и созидательные традиции. Вне такой смысловой установки движение утрачивает позитивную сущность. В статье предпринята попытка научно обосновать принцип «одухотворенного движения». Показано, что он становится важным ценностным фактором цивилизации современной России – евразийско-общерусской цивилизации. Система её функциональных и ценностных матричных особенностей позволяет аргументировать существование такого культурно-цивилизационного мира. Принцип «одухотворённого движения» ориентирует социум на достижение необходимой достаточности и большей гармонии между людьми обществом и природой. Этот принцип не направлен на потребительство, обогащение, на растворение личности во внутреннем мире и в её этнической идентичности. Показано отличие принципа «одухотворённого движения» от западной и восточной мировоззренческих традиций.

Ключевые слова: социокультурная матрица, мировоззрение, евразийско-общерусская цивилизации, принцип «одухотворённого движения».

Цивилизация современной России имеет функциональную и ценностную специфику, формирующую определённую социокультурную матрицу. Без её осмысления крайне проблематично выработать адекватное современным вызовам целеполагание и стратегический курс развития страны. Такое осмысление необходимо для преодоления цивилизационной дезориентации значительных слоёв российского общества и обеспечения подлинной суверенности нашего государства.

Объективно сложилось так, что в течение продолжительной исторической эволюции на территории Северо-Востока Евразии складывалась цивилизация России. Этот большой регион естественным образом стал «единым природно-географическим, социально-экономическим, геополитическим и духовно-культурным ареалом проживания евразийского суперэтноса, сердцевинной которого является общерусский народ (русские, украинцы и белорусы), объединивший вокруг себя многие евразийские этносы, родственные ему по духу» [Циткилов, 2024, с. 164-165]. Поэтому нашу цивилизацию правомерно называть *евразийско-общерусской*.

Матричная специфика этой цивилизации определяется функциональными и ценностными характеристиками. К *функциональной матрице* правомерно отнести: особые природно-климатические условия жизнедеятельности; важную роль в экономическом развитии общинно-коллективного и государственного укладов; формирование евразийского суперэтноса и евразийско-общерусской культуры; наличие православно-исламско-буддистской комплементарности при особом влиянии на духовное состояние общества православного мировосприятия; объективную потребность в сильной и справедливой управленческой власти; наличие правового послушания лишь в сочетании с принципами справедливости и высокой нравственности.

Функциональные основы цивилизованности могут быть усилены определёнными смыслами. Применительно к цивилизации исторической России важнейшими её *ценностными характеристиками* являются: а) особая роль в восприятии мира принципа «одухотворённого движения»; б) интуитивистско-динамическая направленность цивилизационного стиля мышления; в) восприятие справедливости в качестве доминирующей нравственной нормы; г) важное значение в жизнедеятельности народа коллективно-солидарных норм бытия; д) этноконфессиональная толерантность наших сограждан, их потребность вставать на защиту притеснённых народов и стран; е) восприятие прав человека в единстве с их обязанностями и нравственными основами бытия; к) предпочтение внутренних проявлений свободы внешним, формализованным её выражениям и др.

Применительно к цивилизации России одной из основополагающих характеристик ценностной матрицы является *принцип «одухотворённого движения»*. В реальной жизни он придаёт духовно-нравственную направленность эволюционному процессу путём обеспечения большей гармонии между людьми, обществом и природой. Этот принцип ориентирует социум не на потребительство, обогащение и не на растворение личности во внутреннем мире или сугубо этнической идентичности. Такая стратегия способна наполнять жизнь многих сограждан оптимизмом, верой в высокие идеалы.

Наша цивилизация исторически формировалась как определённый «синтез западных импульсов к движению, к активной деятельности, склонности к реформизму и восточных устремлений к созерцательной самодостаточности, определённой неспешности, приверженности к мистике, обрядовости [Циткилов, 2024, с. 166]. Как известно, в китайской философии движение воспринимается в единстве с покоем. А состояние покоя является началом процесса движения. В соответствии с китайским мировосприятием внутренний импульс к активности заложен в состоянии покоя. Евразийско-общерусский менталитет частично воспринял восточные философские установки о «неподвижной активности» и «осмотрительности движения», наполняя их духовными смыслами.

Евразийско-общерусской цивилизационный принцип «*одухотворённого движения*», отличается от *западной и восточной мировоззренческих традиций*. «Если западное восприятие «активного движения» направлено на достижение доминирования, личного обогащения, то принцип «одухотворённого движения» заключается в устремлённости к созиданию, напряжённой деятельности ради социальной справедливости, благополучия Отечества, жизни в ладу с совестью при достижении умеренного достатка. Восточный принцип «первичности покоя в движении» может преломляться в медитативную отрешенность личности с целью накопления потенциала (энергии) для последующего движения, а также замыкаться на государственно-национальном уровне, не претендуя на универсальность в поиске глобальной истины» [Циткилов, 2024, с. 166-167].

Евразийско-общерусский цивилизационный принцип «*одухотворённого движения*» имеет иные смыслы. *Во-первых*, он не приемлет восточную жизненную траекторию отрешения от действительности для личностного самосовершенствования. Принцип «одухотворённого движения» направлен на познание и созидание самой жизни с её сложностями и противоречиями. Эта мировоззренческая установка нацелена на активное жизненное воздействие с позиции любви, справедливости, поддержки лиц и народов, страдающих от колониальной и неоколониальной зависимости. Классики евразийства отмечали, что их учение, призванное на основе упрочения религиозно-духовного стержня нашего народа и его созидательной деятельности возродить величие исторической России, приближено к реалиям жизни. По их мнению, жизнь и есть движение. Как полагал евразийский мыслитель, правовед Н.Н. Алексеев, созидательное движение следует отличать от движения, «переходящего в суету, видеть какой-то конечный идеал». «Оно, - продолжал мыслитель, - понимает, что мир, по своему несовершенству, обречён на движение. Евразийство чутко прислушивается к законам движения и стремится полностью использовать их. Но из бездны движения оно чует и слышит тот мир “неподвижной активности”, в котором благодатно снято и преодолено тяготеющее над нами несовершенство» [Алексеев, 1998, с. 153]. Следовательно, классические евразийцы видели в мировоззренческом облике России не столько западные (европейские), сколько восточные ментальные проявления.

Во-вторых, важно понимать, что принцип «одухотворённого движения» не замыкается национальными рамками. Он шире их, соответствуя идеям всеобщей справедливости и всечеловечности. Такая цивилизационная траектория развития России отличается от западной и от восточной смысловых установок. Западная мировоззренческая парадигма сорентирована на ценности индивидуализма, потребительства, абсолютизацию прав и свобод. Восточные жизненные смыслы отличаются повышенной прагматичностью. По мнению некоторых китайских философов, многие русские, россияне интересуются «мировой справедливостью, будущим человечества, моделями коммунизма, жизнью на небе». Как считает

профессор Ань Цинянь, «китайцы, - с точки зрения их преобладающей ментальности, этим не интересуются. Для нас подобное – пустые абстракции» [Россия и Китай, 2002, с. 107]. А для евразийско-общерусского мировосприятия это далеко не абстракции. Наша устремлённость к правде, справедливости, совестливости носит не столько национальный, сколько вселенский, универсальный характер.

Одним из важнейших проявлений принципа «одухотворённого движения» является внутренняя устремлённость к *гармоничному развитию всех и каждого члена общества*. В либеральных социальных организациях действует иная целевая установка. Она сориентирована на интересы преимущественно успешных и богатых людей, что подрывает духовно-религиозные основы бытия. В соответствии с христианскими нормами жизни страсть к накоплению и обогащению являются серьёзным искушением. Человек, оказавшийся в плену такого искушения, может не спасти свою душу. Об этом писали и говорили мудрые старцы, известные богословы и преподобные. В частности, во второй половине XIX в. преподобный Иосиф Оптинский верно заметил, что «душа, алчущая богатства, никогда не насытится, хотя целые горы золота приобретёт, и тогда не будет покойна, а будет мучиться алчною еще больше приобрести» [Иосиф Оптинский, 2013, с. 332].

В советском обществе многие граждане стремились не к богатствам, а к всестороннему развитию, к созидательной, творческой деятельности. Люди получали общественные блага в соответствии с их трудом и способностями. Стратегическим ориентиром для советских граждан становился принцип гармоничного развития всех и каждого. Но серьёзным препятствием на этом пути оказался рост мещанских настроений в позднесоветском обществе. Выражением таких настроений явился трагический процесс идейного перерождения значительной части властной номенклатуры. Некоторые перерожденцы вскоре трансформировались в компрадоров, торговавших интересами страны ради личной выгоды и благополучия.

Установка на потребительство системно внедрялась в массовом сознании постсоветских граждан, что привело к росту индивидуалистских, торгашеских настроений. Сказалось это и на сознании российской молодёжи, включая студенчество. В ходе авторского социологического исследования «Состояние современного общества и российской семьи», проведенного в декабре 2024 – феврале 2025 гг. в четырёх субъектах Юга России (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края, Республики Крым), было опрошено 1006 студентов очного отделения 12 вузов и вузовских филиалов данного региона. На вопрос анкеты «Возможно ли сочетать интересы коллектива, общества с индивидуалистскими устремлениями к успеху, личной выгоде» 20,8 % лиц из общего числа респондентов затруднились ответить, а 16,2 % ответило «нет, такое сочетание невозможно». Из общего числа опрошенных студентов 36,6 % полагали, что «да, если подчинять коллективное, общественное начало индивидуалистскому». И лишь 24,4 %

респондентов полагало, что такое сочетание интересов возможно, если подчинять индивидуалистское начало коллективному, общественному. Эти результаты опроса свидетельствуют, что в постсоветские десятилетия происходило переформатирование сознания большого количества наших сограждан, включая студенческую молодёжь, в сторону утверждения приоритетов индивидуализма и потребительства.

Устремлённость к обогащению и излишествам исторически не была свойственна для многих сограждан страны. Наш народ зачастую довольствовался необходимым. Как писал в XIX в. историк Н.И. Костомаров, «русский народ, приводил в изумление иностранцев своею терпеливостью, твердостью, равнодушием ко всяким лишениям удобств жизни, тяжёлым для европейца, умеренно трудолюбивого, умеренно терпеливого и знакомого с правильным и расчётливым комфортом» [Костомаров, 1992, с. 197]. Данная оценка была справедлива не только для великорусов, но и для малорусов, белорусов. Эти три братских народа, несмотря на их национальные особенности, объединяет мощная *духовная скрепа*. Она позволит врачевать и боль военного противостояния между Украиной и Россией, спровоцированного Западом.

О простоте, неприхотливости быта нашего народа писали видные православные старцы. Лев Оптинский считал, что верующий человек должен жить просто. Ведь «излишеством мирской суеты люди «удаляют себя от вечного блаженства» [Лев Оптинский, 2013, с. 15]. Стремление же к обогащению, проявления жадности отдаляют людей от спасения души.

И без богатств, излишних накоплений вполне можно быть счастливым. По словам преподобного Варсонофия Оптинского, надо благодарить Бога за то, что есть: «если нет белого хлеба, то едят чёрный, а иногда и чёрствый – всё лучше, чем ничего» [Варсонофий Оптинский, 2017, с. 265]. Такая нравственная установка ориентировали людей довольствоваться необходимым, достойно преодолевать житейские трудности.

На территории России и всего Северо-Востока Евразии не только православие, но и ислам, буддизм наставляли верующих проявлять скромность, не стремиться к обогащению, а добрыми помыслами, делами спасать свои души.

Таким образом, евразийско-общерусский призыв к движению обусловлен приоритетом не личностного, а общественного начала, поиском не выгоды, а правды, устремлённостью к гармонии. Критериями правды и истины являются здесь нормы религиозно-духовной жизни и объективное восприятие процессов развития общества. Всё это наполняет смыслами евразийско-общерусской цивилизационный принцип «одухотворённого движения».

Литература

Алексеев Н.Н. (1998). Духовные предпосылки евразийской культуры. В кн.: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф. 640 с.

Варсонофий Оптинский, преподобный (2017). Духовные беседы. Келейные записки. Козельск: Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптина пустынь. 400 с.

Иосиф Оптинский, преподобный (2013). Борьба со страстями. В кн.: Оптинский цветник: изречения преподобных старцев Оптинских / сост.: И.В. Кабанов. М.: Эксмо: ПСТГУ. 496 с.

Лев Оптинский, преподобный. Молитва (2013). В кн.: Оптинский цветник: изречения преподобных старцев Оптинских / сост.: И.В. Кабанов. М.: Эксмо: ПСТГУ. 496 с.

Россия и Китай: проблема понимания (беседа с профессором Народного университета Пекина Ань Цинянем) (2002). *Вопросы философии*. № 6. С. 96-111.

Циткилов П.Я. (2024). Евразийско-общерусская цивилизация и её матрица: монография / П. Я. Циткилов; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета. 402 с.

Секция 2.

ЭТНИЧЕСКОЕ И ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

ГАСТРОНОМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ СИБИРСКИХ И ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ: (ВОС)ПРОИЗВОДСТВО АУТЕНТИЧНОСТИ ПРОСТРАНСТВА

К.Н. Калашникова

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

*Исследование выполнено в рамках проекта НИР ИЭОПП СО РАН 5.2.1.3
«Актеры, драйверы, последствия социальных изменений в современном
обществе:
теория и эмпирика» № 121040100280-1.*

Аннотация. В статье исследуется гастрономический ландшафт городов Сибири и Дальнего Востока как пространство (вос)производства аутентичности. На основе анализа данных 2ГИС о 6747 заведениях выявлены различия между СФО и ДВФО: в дальневосточных регионах доминируют локальные и азиатские кухни, тогда как в сибирских – сетевые и смешанные форматы. Аутентичность воспроизводится как символический ресурс, в форматах небольших кафе «для своих» или же модных авторских проектов, фермерских магазинов и репрезентаций городской топонимики. Показано, как гастрономическая среда отражает процессы глобализации, джентрификации и поиска идентичности, требуя баланса между коммерциализацией и подлинностью.

Ключевые слова: аутентичность, гастрономический ландшафт, рестораны, городское пространство.

Пространство города постоянно в движении, оно производится и воспроизводится в практиках горожан, в официальной документации и в смыслах, которые вкладывают различные акторы в свои действия. «(Социальное) пространство есть (социальный) продукт» [Лефевр, 2015, с. 40]. Данное исследование посвящено гастрономическому ландшафту (заведениям общественного питания), как части городского пространства. Рестораны – важная часть экономики и туризма, в России рынок

общественного питания растёт быстрее ВВП (2024 г. + 9 % против 4,1 %) ¹ и отличается высокой конкуренцией. С точки зрения социальных практик рестораны не просто места питания, но пространства для общения, статусного потребления и самовыражения. Заведения ориентируются не только на массовость, но и на персонализированный опыт, подчёркивая уникальность блюд, интерьеров и происхождения ингредиентов. Гастрономический ландшафт как часть города представлен не только на физическом уровне, но и на символическом. В нём переплетаются культуры различных стран, предлагающие аутентичность пространств и впечатления, связанные с её потреблением [Гилмор, Пайн, 2009].

Термин «аутентичность» многозначен: в туризме он связан с поиском «настоящей» жизни, и специально сконструированными постановками, которые сопровождают этот поиск [MacCannell, 1999]; современные трактовки призывают, однако, искать аутентичность не в окружающей материальной среде, а в собственных переживаниях [Wang, 1999]. Аутентичность – маркетинговый ресурс, который обращается к идентичности потребителя [Boyle, 2024]. Регионы активно используют идею аутентичности в продвижении, например, «АУК: Аутентичная Уральская кухня» ². Однако парадоксально, что эта же идея становится движущей силой не только в воспроизводстве и актуализации локальных особенностей, но и в производстве глобализированных пространств, в которых можно потребить кухню так называемых кулинарных «сверхдержав» [Рахманов, 2017]. Стремление к аутентичности города приводит к рискам унификации, потому что за представлениями об «аутентичном» стоят зачастую производимые повсеместно образцы: концептуальные кофейни, тематические кафе, бутики и магазины с дорогими локальными продуктами. Джентрификация, сетевые бренды и «визуальный шум» угрожают подлинной городской среде [Зукин, 2019]. Эта угроза характерна и для азиатских стран, так, например, в Китае, традиционные торговые форматы вытесняются заведениями в «западном» стиле в районах, охваченных джентрификацией [Сао, 2023].

Рестораны могут предлагать к потреблению этнические культуры в различных форматах. Первый связан с массовостью и упрощением, он характерен для заведений, которые используют стереотипные и продаваемые элементы культур. Второй ориентирован на более искушённого потребителя, в нём присутствует претензия на глубину проработки меню, впечатляющий интерьер и авторский осведомлённый подход. Третий формат же представляет заведения «для своих», в них любят проводить время представители репрезентируемого этноса и им не настолько важен интерьер

¹ См. https://www.economy.gov.ru/material/file/195754c7897bff1c50dc164890f91407/o_tekushchey_situacii_v_rossiyskoy_ekonomike_itogi_2024_goda.pdf.

² См. <http://auc.rest/>.

и именитость повара, скорее их привлекает возможность пообщаться на родном языке и побыть в месте, где можно быть самим собой [Пустарникова, 2007]. Все три формата могут быть источником референтной аутентичности, связанной с потреблением образов и символов различных пространств. В данном исследовании аутентичность – это и не объективная данность, которую необходимо обнаружить экспертным образом [Piazzoni, 2018], и не ощущение полноты бытия, которое проявляет себя на чувственном уровне [Wang, 1999], а символический ресурс, который может опираться на локальные особенности, или может обращаться к глобальным тенденциям; может приводить к чувству соответствия собственной идентичности у потребителей, или может не вызывать такой реакции. Главное – это трансформационная сила аутентичности во всей её противоречивости, которая приводит к тому, что гастрономические ландшафты городов наполнены репрезентациями различных культур и их соотношение определяет «портрет» городского пространства и образ города в целом.

Цель данного исследования: выявить и описать варианты соотношения воспроизводства и производства аутентичности пространства в гастрономическом ландшафте сибирских и дальневосточных городов. Обозначены следующие задачи:

- выявить, как различаются СФО и ДВФО по представленности пространственных маркеров референтной аутентичности;
- описать типы городов по представленности в структуре гастрономических ландшафтов пространственных маркеров референтной аутентичности, а также оценить степень распространенности в них сетей заведений;
- описать способы воспроизводства аутентичности.

Выделены семь кулинарных традиций (которые представляют пространственные маркеры референтной аутентичности): локальная, русская, азиатская, американская, европейская, восточная, смешанная. Предполагается, что воспроизводство аутентичности связано прежде всего с локальными и русскими традициями.

Информационная база – данные 2ГИС по 20 534 заведениям в центрах субъектов СФО и ДВФО. Для анализа отобраны 6747 заведений с наибольшим числом отзывов (4538 в СФО, 2209 в ДВО). Переменной «кулинарная традиция» присваивались значения на основе названий и самоназваний форматов. Примеры: «Позная №1» – локальная кулинарная традиция, «Народная пельменная» – русская, «TomYumBar» – азиатская, «BullDog» – американская, «Trattoria» – европейская, «Старик Хинкалыч» – восточная.

Анализ выявил различия между СФО и ДВФО. В ДВФО преобладают азиатская и локальная кухни, в СФО – восточная и смешанная. Города со схожей структурой образуют кластеры (рис. 1).

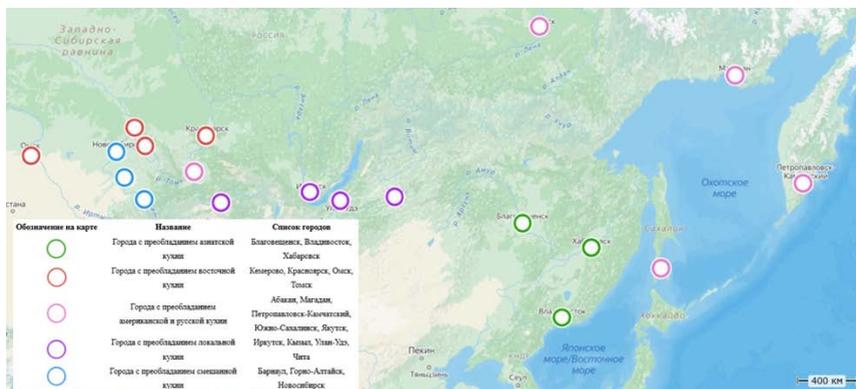

Рис. 1. Распределение типов городов на карте

Примечание: составлено автором с помощью конструктора карт Яндекс.

Сетевые заведения чаще представлены в городах с восточной и смешанной кухней, особенно в крупных центрах (Новосибирск, Красноярск). Это может быть связано с миграционными потоками и склонностью к эклектике, характерной для мегаполисов. В ДВФО значимо больше уникальных, не сетевых, локальных кафе. Можно выделить два основных направления воспроизводства аутентичности: 1) мелкие кафе «для своих» с колоритными названиями («бузэтная», «позная»); 2) модные рестораны с фермерскими продуктами, авторскими интерпретациями и отсылками к местам в городе («На углу», «Позы на Октябрьской»). На количественном уровне в исследовании проявили себя заведения, которые можно отнести именно к первому типу.

Аутентичность в гастрономическом ландшафте – символический ресурс, характер использования которого зависит от аудитории. Она может воспроизводиться через локальное наследие для потребления туристами или производиться в глобальных «не-местах» [Радина, Крупная, 2022]. В ДВФО сильнее выражены локальные и азиатские традиции, в СФО – сетевые, смешанные форматы. Прослеживается тенденция: чем западнее город, тем в нем выше доля сетевых заведений. Эти различия отражают более широкие процессы глобализации и культурной трансформации. Важно сохранять баланс между коммерциализацией и подлинностью, чтобы избежать унификации. Гастрономический ландшафт остаётся полем конфликтов и синтеза культур, требующим дальнейшего изучения в контексте устойчивого развития городской среды.

Литература

- Гилмор, Дж., Пайн, Дж. (2009). *Аутентичность: чего по-настоящему хотят потребители*. Санкт-Петербург. Best business books.
- Зукин, Ш. (2019). *Обнаженный город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств*. М. Издательство Института Гайдара.
- Лефевр, А. (2015). *Производство пространства*. М. Strelka Press.
- Пустарникова, А.А. (2007). Репрезентация этнических 'Других' в городском пространстве. *Вестник СамГУ*. Т. 51. № 1. С. 41–49.
- Радина, Н.К., Крупная, Д.А. (2022). Реализуя право на город: интерпретации и номинация городских объектов горожанами (на материале эргоурбанонимов нестоличных мегаполисов). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 5. С. 172–95.
- Рахманов, А.Б. (2017). Глобальное кулинарное пространство и гастрономические стратегии городов России. *ЭКО*. № 3. С. 91–103.
- Boyle, D. (2024). 'Authentic and Amazing': Authenticity as an Evaluative Category in Online Consumer Restaurant Reviews. *Journal of Cultural Analytics*. Vol. 7. No .2. Pp. 1–25.
- Caο, L. (2023). Consuming 'Authenticity'? Reinterpreting the 'New Middle Class' in China through the Lens of Retailing Changes. *Urban Studies*. Vol. 60. No. 3. Pp. 501–518.
- MacCannell, D. (1999). *The Tourist: A New Theory of the Leisure Class*. Berkely. University of California Press.
- Piazzoni, M. F. (2018). Authenticity Makes the City. How "the Authentic" Affects the Production of Space. In L. Tate & B. Shannon. *Planning for Authenticities*. New York and London. Routledge. Pp. 154-169.
- Wang, N. (1999). Rethinking Authenticity in Tourism Experience. *Annals of Tourism Research*. Vol. 26. No. 2. Pp. 349–70.

МЕЖЭТНИЧЕСКОЕ СОГЛАСИЕ: СОСТОЯНИЕ И ТРЕНДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ))

Е.Г. Маклашова

Институт гуманитарных исследований и проблем
малочисленных народов Севера СО РАН
maklashova@mail.ru

*Статья подготовлена по проекту «Патриотизм народов Северо-Востока России: большая и малая родина в нарративах жителей Якутии и Чукотки» в рамках реализации Программы научных исследований этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности, 2023–2025 гг. (поручение Президента Российской Федерации № Пр-71 от 16.01.2020 г.), руководитель – акад. РАН
В.А. Тишков*

Аннотация. В статье анализируется состояние и динамика межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) – одном из наиболее крупных и стратегически важных полиэтнических субъектов Российской Федерации. На основе данных репрезентативных авторских социологических исследований, проведенных в регионе за последнее десятилетие, выявляются ключевые тренды и потенциальные зоны риска. Автор приходит к выводу, что модель межэтнического согласия, наблюдаемая в Якутии и основанная на исторически сложившемся кросс-культурном взаимодействии все еще демонстрирует резистентность, однако сталкивается с новыми вызовами, связанными с цифровизацией, трансформацией идентичностей и геополитической турбулентностью.

Ключевые слова: межэтническое согласие, Республика Саха (Якутия), этничность, идентичность.

Актуальность исследования. Республика Саха (Якутия) обладает специфичным этносоциальным ландшафтом, вполне характерным и отличающим состояние современной многокультурной и многоязычной России. Крупнейший по территории субъект РФ, обладающий значительным природно-ресурсным потенциалом и геостратегическим значением, Якутия исторически сформировалась как полиэтническое сообщество, где проживают представители разных этнических сообществ (народов), являющихся коренными для России и тех, что формируют, именуются как этнические «меньшинства», в силу обладания ими своими суверенными территориями за пределами России и /или исторические территории расселения которых, находятся за пределами России. Ключевыми из них, в

том числе на основе численности и исторического значения, являются якуты (саха), русские и этнические сообщества, обозначаемые как коренные малочисленные народы Севера (эвенки, эвены, юкагиры, долганы, чукчи). Существующий демографический баланс между якутами (по данным Всероссийской переписи населения 2020 г. от указавших национальную принадлежность – 55,3%), русскими (32,6%), коренными малочисленными народами Севера (4,9%) создает сложную и чувствительную к внешним воздействиям систему межгрупповых отношений. Актуальность исследования обусловлена необходимостью мониторинга и научного осмысления социальных процессов, обеспечивающих стабильность в столь значимом регионе. Проблема исследования заключается в выявлении устойчивости и изменчивости модели межэтнического согласия в РС(Я) под воздействием современных вызовов.

Теоретические основы исследования. Теоретический каркас исследования выстроен на синтезе основных подходов социальной и политической наук, поскольку проблема межнационального согласия составляет и значимую основу политической стабильности государства: 1) теория консоциализма (сообщественной демократии) А. Лейпхарта. Данная концепция разработана для анализа глубоко разделенных обществ и предполагает, что стабильность в полиэтнических государствах достигается не через ассимиляцию, а через институциональное закрепление баланса интересов ключевых этнических групп. В Якутии сложилась неформальная система распределения властных полномочий, что позволяет говорить об элементах консоциализма, а также система поликультурности при некоторой культурной автономности, прежде всего, русской и якутской «общин»; 2) теория социального взаимодействия, межэтнического взаимодействия с фокусом на закономерностях, проблемах и условиях взаимодействия между различными этническими группами. Такой ракурс позволяет проанализировать восприятия себя и другого через призму принадлежности к этнической группе, понять межгрупповое взаимодействие через сложившийся социально-политический и исторический контекст такой практики. Анализ социальных основ межэтнической напряженности, проблем толерантности и интеграции в полиэтническом обществе России разрабатывались Л.М. Дробижевой и ее группой ученых-сотрудников ИС РАН; 3) концепция множественной идентичности. В рамках данного подхода индивид совмещает принадлежность к политической нации («россиянин») с этнокультурной идентичностью («якут», «русский», «эвенк» и т.д.). Иерархия этих идентичностей и их взаимодополняемость или конфликтность являются ключевым индикатором состояния межэтнических отношений, стабильности полиэтнического сообщества.

Таким образом, межэтническое согласие в контексте данного исследования понимается как устойчивое состояние полиэтнического

общества, характеризующееся низким уровнем конфликтности между группами, прежде всего, на основе восприятия баланса сложной межгрупповой коммуникации, при функционировании баланса идентичностей, не создающего конфликта между гражданской и этнической самоидентификацией, а также наличием эффективных институтов для поддержки полиэтничности, поликультурности, многоязычия и регулирования возникающих противоречий.

Эмпирическая база статьи состоит из данных авторских социологических исследований, проведенных в Республике Саха (Якутия) за период 2012–2024 гг., в том числе выполнениях в рамках государственного задания:

1) проект «Этносоциальные процессы в Республике Саха (Якутия)» (авторы Е.Г. Маклашова, О.В. Васильева). Выборочная совокупность: 968 человек. География исследования: г. Нерюнгри (n=199), Якутск (n=296), Олекминск (n=152); районы РС(Я): Аллаиховский (n=107), Анабарский (n=112), Усть-Янский (n=102);

2) проект «Республика Саха (Якутия) и большие вызовы: социальное самочувствие, мобильность и стратегии адаптации» (авторы: Е.Г. Маклашова, О.В. Васильева, Т.С. Ермолаев, В.Е. Охлопков, С.М. Баишева, А.Г. Томаска, Н.А. Аргылов). Выборочная совокупность: 1365 респондентов (доверительный интервал - 95%, погрешность - 3,5%);

3) проект «Социальное самочувствие и стратегии адаптации населения Республики Саха (Якутия) в условиях трансформации российского общества: индикаторы, факторы, динамика» (авторы: Е.Г. Маклашова, И.И. Подойницына, В.Е. Охлопков, О.В. Васильева, А.Г. Томаска, А.Е. Захарова, С.М. Баишева, Н.А. Аргылов, Ю.Г. Степанова). Выборочная совокупность: 1318 респондентов (доверительный интервал 99%, погрешность 3 %).

Во всех проектах использовался стандартизированный массовый анкетный опрос населения. Ввод и компьютерная обработка анкетных данных по проектам производились в программе SPSS. Для проекта 1 выборка половозрастная, репрезентирующая взрослое население Якутии с акцентом представительства городского и сельского населения пяти зон (модельный подход), сбор данных методом «face-to-face». Для проектов 2 и 3 использовалась многоступенчатая выборка, репрезентирующая зональный, поселенческий и половозрастной срез населения с опросом по смешанной процедуре проведения «полевых» исследований: - интернет-опрос (онлайн опрос); - классический опрос «face-to-face»; - опрос с привлечением «общественных корреспондентов».

Основные результаты социологических исследований. Данные исследований последовательно фиксируют высокий уровень стабильности и толерантности в межэтнических отношениях в Якутии. Наблюдается сохранение тренда высокого уровня удовлетворенности: более 88%

респондентов оценивают межнациональные отношения на локальном уровне как «стабильные» и «благоприятные». На протяжении более 10 лет (по данным авторских исследований) фиксируется отсутствие конкуренции в системе коллективных идентичностей. Система идентичности жителя Якутии выстраивается по принципу многосоставности, при высокой значимости и гражданской, и этнической идентичности. Это свидетельствует об успешной интеграции этнической идентичности в общегражданскую рамку и формировании баланса устойчивости в региональной общности, обозначаемой сегодня как якутяне. Наблюдаются позитивные установки на полиэтничность и поликультурность. Подавляющее большинство опрошенных положительно относится к сохранению и поддержанию поликультурности, высказывает толерантное отношение к представителям «других» этнических сообществ, не отмечает дискриминацию в отношении себя по признаку национальной принадлежности. Несмотря на сохранение некой стабильности, аналитическая работа и опросы по теме исследования фиксируют ряд вызовов и латентных проблем: 1) потенциальный риск конфликтов в условиях цифровизации и виртуализации коммуникационных процессов. Интернет и социальные мессенджеры представляют сегодня основную площадку для «безграничного» взаимодействия и «поле» для спекулятивных обсуждений (чувствительных тем) (например, языковая политика, колонизация, суверенитет, права народа и т.п.). Это создает новую, плохо контролируемую среду для потенциальной эскалации; 2) проблема «трудовых» мигрантов, «новых» граждан. Традиционно толерантное отношение к «приезжим» не всегда экстраполируется на новоприбывших трудовых мигрантов из Средней Азии. Возникает риск формирования образа «чужого», ввиду отсутствия выработанной годами исторической и культурной комплементарности народов; 3) процессы в языковой политике государства. Цифровизация информационного пространства на фоне доминирования контента на языке государствообразующего народа, «урезание» часов регионального компонента (в том числе на изучение родного языка) в образовательной программе создают вызовы для сохранения и функционирования миноритарных языков, в том числе якутского языка, что воспринимается частью якутской интеллигенции как угроза культурной идентичности. В то же время, русскоязычное население выражает озабоченность в связи с расширением сферы применения якутского языка, например, в делопроизводстве.

Перед наукой стоит задача разработки дополнительных инструментов для анализа big data из социальных сетей с целью учета рисков для прогнозирования конфликтного потенциала в полиэтничном сообществе.

Выводы. Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) Республика Саха (Якутия) в настоящее время все еще демонстрирует устойчивость модели межэтнического согласия, создаваемой на основе

единства политико-правового и историко-культурного пространства, позитивного исторического опыта межэтнического и кросс-культурного взаимодействия между основными этническими группами, взаимодополняемости гражданской и этнической идентичности; 2) эмпирические данные свидетельствуют о толерантности и удовлетворенности состоянием межнациональных отношений среди населения республики, что в данное время фиксирует отсутствие рисков для открытой конфронтации; 3) ключевые вызовы для межнационального согласия в Якутии носят не традиционный, а новейший характер: виртуализация коммуникации, изменение этнической структуры региона в результате новых миграционных потоков.

АЛТАЙСКАЯ ЭТНОСОФИЯ КАК ПОИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.В. Малинов

Высшая школа экономики в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург
Социологический институт РАН – филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург
Санкт-Петербургский государственный институт психологии
и социальной работы, Санкт-Петербург
a.v.malinov@gmail.com

Аннотация. Рассматривается современный этап становления национального сознания алтайцев, связанный с попытками формулирования национальной философии. Отмечается, что в «алтайской философии» реализуется по преимуществу мифологический тип мышления, поэтому более корректно ее следует назвать этнософией.

Ключевые слова: Алтай, этнософия, национальное сознание, мифологическое мышление.

Становления этнического самосознания алтайцев прошло несколько этапов. Первый: религиозный (начало XX в.), связанный с формированием национальной религии – бурханизма, – которая, с одной стороны, позволила алтай-кижи обособиться как от других коренных народов, населяющих Горный Алтай, так и от соплеменников, принявших христианство или продолжающих практиковать шаманизм. С другой стороны, бурханизм способствовал укреплению надродовых связей этноса. Второй: зарождение национальной интеллигенции в начале XX в., чему способствовали как миссионерские школы, так и усвоение областнической программы (Г.И. Гуркин) [Щеброва, 2024]. Первое поколение национальной интеллигенции на Алтае состояло в основном из северных алтайцев. В результате репрессий 1930-х гг. и Великой отечественной войны в послевоенный период пришлось практически заново создавать национальную интеллигенцию, которая в основном уже состояла из титульной нации – южных алтайцев. Примером этического конструирования может служить факт переименования алтай-кижи или ойротов в алтайцев вслед за преобразованием в 1948 г. Ойротской автономной области в Горно-алтайскую автономную область. Относительная безболезненность этого процесса подтверждала, что этнос находится на начальном этапе формирования. Творческая, инженерно-техническая и партийная интеллигенция стали выразителями национального сознания в рамках общесоветской гражданской идентичности. Национальное миропонимание нашло отражение в произведениях изобразительного искусства, поэзии и литературе, музыке. В постсоветский период можно зафиксировать попытки

формулирования «алтайской философии» (Н.А. Шодоев, С.С. Суразаков, А.В. Юданов и др.) [См., напр.: Володин, 2024], что свидетельствует о новом, третьем, периоде. Однако опыты «алтайской философии» мало соответствуют собственно философскому типу мышления, а дают пример, скорее, мифологического сознания. По этой причине их корректнее назвать этнософией.

Предметное поле этнософии и ее методы еще не устоялись, хотя сам термин насчитывает уже около столетия [Янутш, 2022]. А.М. Алексеев-Апраксин выделяет три области применения этнософии: «1) этнософию как способ возвращения к культурным корням, 2) этнософию как мифодизайнерское конструирование и 3) этнософию как направление научных исследований» [Алексеев-Апраксин, 2023, с. 8-9]. Этнософские представления способствуют распространению мифологических форм мышления и являются признаком архаизации как сознания, так и политической жизни и повседневных практик в регионе. Последователи этнософии формулируют правильные (новые) мифы. В известном смысле новая мифология обладает эффектом воодушевления, задает мотивацию поведения и основания для оценки событий. Порождаемые этнополитические мифы являются признаком кризиса этничности и реакцией на него, поскольку переселение алтайцев из деревней в город, усвоение массовой культуры приводят к утрате родного языка, отказу от привычного хозяйственного уклад и размыванию этнической идентичности. Распространение мифологизированных этнософских представлений выполняет консервирующую функцию, призванную затормозить эти процессы. Мифология не уходит из современного общества, но приобретает новые формы, например, «народной мудрости», «национальной философии» или этнософии. На современном этапе формирования алтайской идентичности четко обозначились два ее основания: территориальное и религиозное (поиски национальной религии). В этнософии заметна тенденция к их соединению, т.е. сакрализации Алтая. Мифологизированные построения этнософии позволяют высказать то, что в других формах оказывается невыразимо – онтологические основания этноса и культуры.

Этнософия, проповедующая космоцентризм и одушевление природы, препятствует распространению пантюркистской идеологии. Действительно, на республиканском уровне Горный Алтай позиционируют как «прародину тюрков». Однако в алтайской этнософии пантюркистская идея почти не звучит. Она заслонена представлениями о сакральном значении Алтая и проживающего на этой территории народа. В этнософии обнаруживаются две тенденции: к изоляционизму (через религиозную идентичность) и к максимальному смысловому расширению Алтая, вплоть до растворения в космических процессах. Паннационализм не вписывается ни в одну из этих тенденций. Болезненность формирования нового этноса проявляется в

противостоянии различных религиозных группировок, толкующих бурханизм либо как национальную религию алтайцев, либо как региональную разновидность буддизма; в присвоении археологических культур и вытекающих из этого запретов, например, на археологические раскопки; убеждение в особой миссии алтайского этноса и т.п. Этнософское мировоззрение обладает явным конфликтным потенциалом.

Однако открытым остается вопрос о том, есть ли у этнософии как современной формы мифологического сознания, альтернатива? Можно ли что-то ей противопоставить в национальных республиках и окраинных регионах? Ее крайние формы и националистические проявления, безусловно, требуют критики и опровержения. Тем не менее, на подобных мифах базируется этническая и региональная идентичность. Устранение этих мифов (едва ли полностью возможное) приведет к размыванию идентичности и, вероятно, к еще большей варваризации, т. е. деградации, культуры. Национальная мифология наполняет жизнь культуротворческим энтузиазмом, поддерживает местный патриотизм и чувство национальной гордости, предохраняет культуру от обезличивания. Тем не менее, ограничителями крайних проявлений этнософии должны выступать повышение общего уровня образованности населения; преодоление местечкового характера интеллигенции, т. е. ее открытость к общероссийской культуре и контактам с учеными и интеллигенцией других регионов; разрушение клановой системы управления республикой, поскольку для сохранения власти этнократическая элита неизбежно поощряет националистические настроения. Крупные научные центры, например, Сибирское отделение РАН, должны осуществлять экспертизу (как на уровне проектов, так и результатов) образовательной и научно-исследовательской деятельности в регионе, чтобы предотвратить эволюцию местных научных организаций в своеобразные идеологические институты исторической памяти.

Алтайскую этнософию можно воспринимать как своего рода интеллектуальную экзотику, но она хорошо иллюстрирует те тенденции, которые существуют в национальном и региональном менталитете не только в Республике Алтай. Она типична даже в представлении о своей уникальности. Многие этнософские тексты могут показаться не заслуживающими анализа и даже упоминания, но они являются симптомами тех наклонностей, которые существуют в региональных культурах. Их не стоит недооценивать. Причем они не столь безобидны, как это может показаться на первый взгляд, поскольку этнософия культивирует не только региональные, исторические и этнополитические мифы (надо признаться, далеко не однозначные), но и задает регионо- и этноцентрическую точку зрения, перестающую в убеждение о своей исключительности и превосходстве. Этнософия предлагает интеллектуальную форму для

духовных поисков, которые в более широком контексте характерны для постхристианского квазирелигиозного течения New Age.

Литература

Алексеев-Апраксин, А.М. (2023). Этнософия. *Международный журнал исследований культуры*. № 1. С. 6–18.

Володин, А.В. (2024). Возможный тип алтайской этнософии. *Общество. Среда. Развитие*. № 4. С. 10–14.

Щеброва, С.Я. (2024). Областничество в судьбе Григория Гуркина. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. Т. 69. Вып. 1. С. 75–88.

Янутш, О.А. (2022). Этнософия: 100 лет в поисках себя. *Общество. Среда. Развитие*. № 4. С. 11–14.

МИГРАЦИЯ И ЦИФРОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ: ОПЫТ НИДЕРЛАНДОВ (ОБЗОР)

О.Ю. Смоленчук

Томский государственный университет, г. Томск
smolenchuk@gmail.com

Аннотация. В докладе сделан обзор влияния цифровых технологий на процессы миграции в общество на примере Королевства Нидерландов. Даются теоретические аспекты цифровой культуры (напр.. цифровые границы, цифровые практики). Анализируются вызовы, связанные с созданием приложений без учета потребностей мигрантов. Подчеркивается необходимость гармонизации технологических решений и правового регулирования в сфере миграции. Доклад основан на исследованиях и практических примерах из опыта Нидерландов, выявляя тенденции развития миграционных процессов в условиях цифровизации.

Ключевые слова: Нидерланды, миграция, беженец, мигрант, миграционная политика, цифровые технологии.

Цифровые и мобильные технологии меняют траекторию развития общества. Миграционная политика, характеризующиеся своей сложностью из-за многообразия процессов, вопросов определения идентичности, также включает подобные изменения. Цифровые технологии играют ключевую роль в интеграции мигрантов и поддержке межкультурного взаимодействия [Nabaldian, Dreher, 2023]. Нужно понимать, что цифровые технологии помогают адаптации и интеграции мигрантов, начиная со времени пересечения границы в страну пребывания вплоть до решения вопросов по здоровью [Matlin et al, 2025].

Мигранты вводят свои цифровые практики, которые неразрывно связаны с передовыми цифровыми технологиями. Ученые говорят о так называемом контроле над своим будущим, временем и мечтами. Ведь «оффлайн» реальность не всегда будет являться желаемой цифровой реальностью, но через такой инструмент мигранты получают навыки: 1) цифрового обучения; 2) цифрового социального участия (они не остаются один на один со своими проблемами); 3) цифровой социальной поддержки. Такое стремление могут показать траекторию развития участника [Alepcar, Sargia Sanz, Mawazini, 2025]. В данном докладе будет показан опыт Нидерландов как государства, чья миграционная политика за прошедшие десятилетия прошла путь от мультикультурного приема мигрантов до весьма «жесткого» подхода. Рост экономического неравенства, гражданские войны и конфликты (особенно на Ближнем Востоке и российско-украинский кризис) усилили потоки мигрантов, стремящихся в экономически развитые

государства, в том числе и Нидерланды. Ультиматум в 10 требованиях Герда Вилдерса в рамках реализации миграционной политики привел к расколу в правительстве Дика Схофа, что повлекло за собой его отставку в июне 2025 г.

В 2022 году исследователи проекта «Миграция за разнообразие и равенство» (Migration for Diversity and Equality) выявили ключевые проблемы цифровых технологий. Часто приложения создаются без учета реального опыта мигрантов, использование смартфонов резко увеличивается при перемещении в новую страну. При этом цифровые компетенции приезжающих не всегда находятся на высоком уровне [Unwin, 2022]. В дальнейшем этот тезис подтвержден в статье «Цифровые технологии и миграция: за пределами “черного ящика” и вокруг него» (“Digital technologies and migration: behind, beyond and around the black box”). Было также подчеркнуто, что мигранты не используют специализированные цифровые технологии, а используют уже укоренившиеся приложения: Youtube, Facebook³, TikTok, и чувствуют себя более уверенно при работе с ними [Godin, Ozkul, Humphris, 2025]. В качестве примеров называются различные сообщества в Фейсбуке* (сирийское сообщество, закрытые и открытые группы русскоязычного сообщества). Сирийские беженцы отмечали нехватку языковой поддержки на официальных сайтах при поиске информации по медицинским вопросам из-за языковых барьеров [Аленкар, 2024, с. 7].

Один из примеров опыта Нидерландов стоит привести скрининг сотового телефона мигрантов, ищущих убежище, при пересечении границы. Проверка сотового телефона, введенная в 2014 г. при премьерстве Марка Рютте, в 2016 стала обязательной для всех как мера по обнаружению террористов среди лиц, подающих на убежище. С появлением такой обязательной процедуры встает вопрос не просто о границах, а цифровых границах, которые представляют собой большой массив данных (Big Data). Если говорить о цифровых границах как концепции, то ученые предлагают выделить следующие: (1) культуры создаются социальными субъектами, которые взаимодействуют друг с другом, (2) культурные смыслы будут заложены в используемых технологиях и (3) культуры реализуются в различных практиках. [Leurs et al, 2025]. Применяя определения Ровиско, что границы как динамичный процесс формируются культурными контактами, исследователи ставят вопрос: когда, как и почему культурные контакты между субъектами, технологиями и голландской процедуре предоставления убежища формируют цифровые границы. За основу авторы берут исследования в области науки и техники (STS), чтобы посмотреть на социально-технические властные отношения, чтобы понять символические практики в области миграции. Авторы отмечают, что с проверкой телефона

³Соцсеть Facebook /Фейсбук/ принадлежит компании Мета, которая признана в России экстремистской организацией, а ее деятельность запрещена.

складывается двоякая ситуация: с одной стороны, проверка смартфонов как новый способ найти доказательства или опровергнуть подозрения в отношении просителей убежища, с другой стороны, сама проверка в несколько раз увеличивает нагрузку самих специалистов из пограничной полиции. Вторым примером использования смартфона является проект *Translocal Lives*, в рамках которого сами мигранты создают короткометражные фильмы, отражая в них проблемы сообществ после перемещения в страну прибытия.

Кроме государства, свою роль играют общественные (некоммерческие организации). Они наряду с государством создают условия обустройства беженцев. Они также отслеживают активность в социальных сетях, используя цифровую идентификацию, регистрацию и алгоритмическую сортировку для подтверждения личности и статуса беженцев и определения их права на получение прав, помощи, услуг. Благодаря гражданским инициативам «Open Embassy» и «Refugee Start Force» мигранты могут лучше ориентироваться, например, на рынке труда. Исследовательская команда «Open Embassy» на основе данных запросов мигрантов и беженцев корректируют помощь волонтеров и сам фокус представления помощи.

В целом, нужно отметить, что цифровые технологии полностью оказались внедрены в миграционные процессы как на уровне отдельного государства, так и на глобальном. В феврале 2025 года в Женеве состоялся круглый стол по теме «Новые технологии и цифровизация: Совершенствование управления миграцией и пути легальной миграции». Основной темой заседания стала роль современных технологий в сфере миграции. Было подчеркнуто влияние инновационных цифровых решения на эффективность и безопасность миграции, уделено особое внимание важности приведению к общему знаменателю технологий и нормативно-правовой базы, которая касалась области миграции. Страны-участницы отметили тему развития и внедрения цифровых паспортов и вопросов безопасности и конфиденциальности личных данных [Outcomes Summary..., 2024]. Со своей стороны, Международная организация миграция публикует регулярные отчеты по практике использования цифровых решений. Сами Нидерланды стремятся обеспечить инклюзивность и социальную общность, используя достижения передовых цифровых технологий, но по настоящий момент личный опыт и взаимодействие мигрантов в живой реальности неизбежны в конструировании своей идентичности и налаживании диалога с местным сообществом в новой стране.

Литература

Аленкар, А. (2024). Аналитический бриф. Место современных технологий в интеграции мигрантов // *Международный центр по миграции населения*. [Электронный ресурс]. № 12. 12 с. URL:

https://www.icmpd.org/file/download/61977/file/PP-Policy-Brief_Modern-Technologies_Amanda%2520Alencar_RU.pdf (дата обращения: 01.09.2025)

Leurs, K. et al. (2025). Encountering the digital border: smartphone screening in the Dutch asylum procedure. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. Vol. 51(14). Pp. 3649–3674. DOI: 10.1080/1369183X.2025.2513164.

Matlin S.A., Hanefeld J., Corte-Real A. et al. (2025) Digital solutions for migrant and refugee health: a framework for analysis and action // *The Lancet Regional Health. Europe*. Vol. 50. P. 101190. DOI: 10.1016/j.lanep.2024.101190.

Nalbandian, L. and Dreher, N. (2023). Current methodological approaches in studying the use of advanced digital technologies in migration management”. *Frontiers in Human Dynamics*. Vol. 5. DOI: 10.3389/fhumd.2023.1238605

Outcomes Summary - Roundtable 6 New Technologies and Digitalization: Improving Migration Management and Regular Migration Pathways Second Roundtable (RT) Consultations – Geneva, 19 February 2025 // *Global Forum on Migration and Development*. [Electronic resource]. [S.l.], 2024. 18 p. URL: https://www.gfmd.org/sites/g/files/tmzbd11801/files/documents/Colombia2024-2025/Feb%20Meetings/RT6_Outcomes%20Summary_February.pdf (дата обращения: 11.08.2025)

Udwan, G., Leurs, K., Alencar, A. (2020). Digital Resilience Tactics of Syrian Refugees in the Netherlands: Social Media for Social Support, Health, and Identity. *Social Media+ Society*. Vol. 6 (2): 2056305120915587. DOI: <https://doi.org/10.1177/2056305120915587>.

Unwin, T. (2022). How and why do migrants use digital tech? // *Migration for Diversity and Equality*. [Electronic resource]. February 03, 2022. URL <https://www.mideq.org/fr/inequalities/inequalities-resources/how-and-why-do-migrants-use-digital-tech> (дата обращения: 12.08.2025).

Van Heelsum, A. (2017). Aspirations and Frustrations: Experiences of Recent Refugees in the Netherlands. *Ethnic and Racial Studies*. Vol. 40 (13). Pp. 2137–2150. DOI: <https://doi.org/10.1080/01419870.2017.1343486>.

ИСТОРИЯ УСПЕНСКОГО НЕКРОПОЛЯ В Г. КЯХТА КАК ВЫРАЖЕНИЕ ЛОКАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НЕТИПИЧНОГО СИБИРСКОГО ГОРОДА

В. И. Терентьев

Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск
vlad33@bk.ru

Аннотация. В представленном докладе кратко рассматривается история некрополя при Успенском храме в Троицкосавске-Кяхте с позиции изучения специфической историко-культурной идентичности этого города. Тезисно характеризуются другие исторические кладбища данного населенного пункта. Обозначается общее и особенное в процессе ликвидации Успенского некрополя и возведения на его останках спортивного стадиона, произошедшем почти полвека назад. Обрисовываются контуры перспективных совместных работ прихода храма, городской и районной администраций, а также группы местных краеведов, направленных на создание историко-мемориального комплекса «Успенский парк».

Ключевые слова: Кяхта, Троицкосавск, Успенский храм, некрополь.

В преддверии предстоящего в 2027 г. празднования 300-летия Кяхты уместно рассмотреть историю местных кладбищ, отражающих не только основные этапы архитектурно-пространственного развития города, состав его населения в разные исторические отрезки времени, но и ключевые параметры смыслов, идентичностей, ценностей и идей, попеременно наполнявших город три века подряд и составивших к настоящему времени его нематериальное историко-культурное наследие. Именно в контексте изучения кладбища как городского объекта, хоть и ограниченного территориально, но более бескрайнего во временном измерении, обессмертившего жителей и связывающего разноплановые и противоречащие этапы становления города, тезисно рассмотрим историю одного из кяхтинских кладбищ – ныне не действующего некрополя, расположенного на участке земли, с южной стороны прилегающем к храму в честь Успения Пресвятой Богородицы.

Город Кяхта расположен на юге Республики Бурятия, на границе с Монголией. Историческое название города Троицкосавск сохранялось до 1934 г. До этого года Кяхтой именовалась торговая слобода, расположенная на самой границе, в 2 км к юго-востоку от основной части города. В указанную дату произошло окончательное слияние двух населенных пунктов в одну административно-территориальную единицу. Само возникновение города связано с подписанием в 1727 г. Буринского и Кяхтинского

договоров, в которых определялись границы между Российской империей и империей Цин на участках, не обговоренных в Нерчинском договоре 1869 г., фиксировался характер российско-китайских торговых отношений, юридически оформлялось пребывание в Пекине духовной миссии, решался ряд иных вопросов.

Пограничное состояние и торговля как ведущая отрасль экономики определили специфику и историко-культурную уникальность города в сравнении с другими городами XVII – нач. XVIII в., возникшими в Сибири, преимущественно, из острогов. По сути, Кяхта – единственный город, сформировавшийся не как военно-стратегическое, а исключительно как торговое поселение – знаменитый город миллионеров, которых в актуальных реалиях уместно приравнять к миллиардерам, нередко долларовым.

Поскольку основное пространство города делилось на две части, что в определенной степени сохраняется и сегодня, выявляется и два исторических некрополя: один расположен в современном пос. Слобода у Воскресенского храма (большая часть – в зоне между храмом и ныне существующей погранзаставой, единичные захоронения – в ограде храма с южной стороны), второй – интересующий нас Успенский некрополь. Третье кладбище – современное и единственное действующее в городе (так наз. «новое») – было образовано на возвышенности к западу от Успенского храма в сер. XX в.

В отличие от Успенского некрополя на месте нахождения слободинских захоронений (что при храме, что ближе к заставе) сегодня не сохранилось никаких надгробий, не имеется внешних признаков, свидетельствующих о специфике места, за исключением полуразрушенного фундамента семейного склепа-часовни купцов Немчиновых. Единственная особенность – небольшой искусственно высаженный лесной массив – часть не до конца воплощенной идеи по созданию здесь парковой зоны. Проект полностью не реализован в том числе и по причине выявленных на данном участке захоронений.

Отмечая проявление локальной идентичности Кяхты в истории Успенского некрополя, о котором опубликовано не так много материалов (см., например, [Ваганова, Вантеева, 2017]), в первую очередь необходимо отметить сам факт наличия только одного кладбища при православном храме и отсутствие альтернативы для захоронений представителей иных вероисповедований и, по сути, этнических общностей. Конечно, известен факт традиционного расселения бурят преимущественно в сельско-степной местности, но в рамках нашей темы принципиально отметить проявление безальтернативной русскости и православной религиозности Троицкосавска на примере данного некрополя.

Успенская деревянная церковь и кладбище при ней появляются на городских топографических планах в 1820-е гг. При изначально существовавшей деревянной церкви в 1884–1888 гг. стараниями купца

Я. А. Немчинова возводится каменный храм, дважды закрывавшийся в советские годы (1938–1946 гг. и 1962–1989 гг.). После разборки сгоревшей в 1942 г. деревянной церкви история городского кладбища будет синхронна с историей каменного храма. Считается, что после указанной даты похороны на этом кладбище не проводились [Кузькин, 2015, с. 33]

Уже в кон. 1920-х гг. в ключе разворачивающейся общесоветской практики по переустройству и ликвидации кладбищ поднимался вопрос о необходимости организации в Троицкосавске нового кладбища взамен переполненного Успенского. Это обсуждение шло параллельно со становлением нового государства, идеология которого исключала мемориализацию представителей враждебного купеческого сословия – основных «виновников» широко известного кяхтинского экономического чуда, захороненных на старом кладбище. Отсутствие должной охраны, риторика классовой борьбы с хоть уже и физически почившим купечеством и не артикулированное руководством поощрение грабежа могил заложило вектор на десакрализацию Успенского некрополя, что в конечном итоге привело к окончательному уничтожению кладбища и сооружению на его месте к 250-летию Кяхты стадиона.

В активном расставании со своим богатым во всех смыслах купеческим прошлым, в процессе формирования новой социалистической промышленной инфраструктуры в виде создания в советской Кяхте ряда предприятий (Прядильно-трикотажная фабрика, Пивзавод) и, преимущественно, в контексте общей антирелигиозной политики выглядит естественным оборудование в закрытом для нужд верующих с 1938 г. по 1946 г. Успенском храме склада Военторга.

В 1950-е гг. в отношении помещения возвращенного верующим храма и уже практически заброшенного некрополя высказывалась идея создания городского парка и комплекса спортивных сооружений. В итоге здание спустя год после повторного закрытия решением исполкома Кяхтинского аймачного Совета депутатов трудящихся, принятого в 1962 г., и рядом других законодательных актов вышестоящих инстанций было передано под спортзал Кяхтинскому гидромелеративному (индустриальному) техникуму, а на кладбище в 1977 г. был выстроен, как уже говорилось ранее, стадион. Нарративы, связанные со стадионом, как и всем Успенским некрополем, требуют в дальнейшем отдельного описания. В целом, стадион на кладбище – логическое продолжение и развитие идеи спортзала в храме.

Советский период истории Успенского храма завершается тем, что с 1973 г. (или с 1974 г. [Цыремпилова, 2014, с. 389]) в здании церкви размещался филиал Художественного музея им. Ц. С. Сампилова, а с 1982 г. – Музей художественного творчества народов Забайкалья (филиал Кяхтинского краеведческого музея им. академика В. А. Обручева). В октябре 1989 г. Успенский храм возвращен верующим.

К настоящему времени на территории Успенского некрополя собраны остатки уцелевших надгробий, которые сложены неподалеку от храма. Среди множества захоронений выделяются три, чьи надмогильные сооружения сохраняются на своем месте – это могилы А. В. Потаниной (1843–1894 гг.), политссыльного И. А. Горяинова (1850–1911 гг.) и педагога, этнографа А. Н. Орловой (1873–1956 гг.). Этот факт также может свидетельствовать о новом компоненте в продолжающейся развиваться локальной городской идентичности, который связан с деятельностью по сохранению памяти, поскольку могилы А. В. Потаниной и А. Н. Орловой являются объектами культурного наследия регионального значения.

В декабре 2023 г. в Кяхте с целью разработки проекта по созданию историко-мемориального комплекса «Успенский парк» была создана рабочая группа, состоящая из настоятеля Успенского храма, представителей городской и районной администраций, а также отдельных краеведов. К настоящему времени проводится процедура передачи в муниципальную собственность данного земельного участка, принадлежащего приходу. На текущем этапе переосмысления и мемориализации Успенского некрополя наблюдается принципиально новый подход к сохранению городского историко-культурного наследия и общей разнокомпонентной идентичности этого уникального сибирского города.

Литература

Ваганова, Е. В., Вантеева, А. О. (2017) Исторический некрополь Кяхты как объект культурного наследия. *Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры*. № 2 (2). С. 71–77.

Кузькин, А. Л. (2015). По улицам Кяхты исторической (путеводитель). Кяхта.

Цыремпилова, И. С. (2014) История Успенской церкви г. Кяхта во второй половине XX в. (по материалам Государственного архива Республики Бурятия). *Иркутский историко-экономический ежегодник*: 2014. С. 383–390.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ТРУДОВЫХ МИГРАНТОВ И МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

П.А. Хасанова

Дальневосточный федеральный университет, Россия, г. Владивосток
E-mail: khasanova.pa@dvfu.ru

Аннотация. В статье рассматривается социокультурное взаимодействие трудовых мигрантов и местного населения в России. Автор анализирует статистические данные о миграционных потоках, причинах миграции рабочей силы и факторах, влияющих на адаптацию мигрантов. Затрагиваются проблемы, связанные с «культурных конфликтов», стереотипов, дискриминации и роли средств массовой информации в формировании общественного мнения. На основе интервью с мигрантами и местными жителями были выявлены трудности интеграции и отношение местного населения к мигрантам.

Ключевые слова: трудовая миграция, социокультурная адаптация, межнациональные отношения, конфликт культур, интеграция, средства массовой информации.

Взаимопонимание между различными культурными группами влияет на социальное благополучие и гармонию в обществе. В настоящий момент миграционный рост вызывает необходимость изучения взаимоотношений между мигрантами и местным населением, так как они оказывают большое влияние на благополучие в обществе.

В 2024 году количество прибывших в Россию иностранных граждан составило 6,3 миллиона человека, и половина из них имела цель трудоустроиться. Основной приток пришелся на бывшие республики СССР, такие как Узбекистан (23,3%), Таджикистан (16,7%), Киргизия (10,4%), Белоруссия (9,5%) [ВЕДОМОСТИ, 2025]. По данным Росстата миграционный прирост в России составил 568,5 тысяч человек, что на 2,8 % больше, чем в 2023 году [РБК, 2025]. Несмотря на нуждаемость государства в привлечении иностранной рабочей силе в условиях трудной демографической ситуации государство заинтересовано и нуждается в привлечении иностранной рабочей силе [РИА, 2024], мигранты продолжают сталкиваться с трудностями в адаптации, дискриминацией, нарушением своих прав и могут вступать в конфликты с местным населением.

Ключевой теорией возникновения трудовой миграции является экономическая. Поскольку главной ее причиной является заработок, люди меняют место жительства в поисках лучших возможностей для трудоустройства и высоких доходов. У потенциальных мигрантов возникает вопрос о выборе страны. Иностранные граждане из бывших республик СССР

едут на заработки преимущественно в Россию, хотя, в сравнении, например, со странами западной Европы, средняя заработная плата у нас в стране несколько ниже. Здесь определяющую роль играют следующие факторы: владение русским языком в той или иной степени, общие исторические корни и культурная корреляция. Такая же ситуация может наблюдаться со странами Африки и Европы, где существует колониальное прошлое [Мешков, Смирнова, 2023.]. Однако, всё это не избавляет общество от конфликтов, и возникает необходимость внедрения мер, направленных на предупреждение разногласий.

Трудовые мигранты - обыденное явление для граждан России. Опрос, проведенный ВЦИОМ в 2024 году, показал, что большинство россиян считают многонациональность страны её силой (60%) или нейтральным фактором (25%). 79% довольны межнациональными отношениями там, где живут, и большая часть людей (81%) не испытывают страха или неприязни к другим национальностям и мигрантам. Недоверие по отношению к иммигрантам испытывают около 18% россиян. Больше всего настороженных - среди молодежи, людей с низким доходом, жителей столиц и активных пользователей интернета. Молодежь также чаще выражает неприязнь к мигрантам (19% среди 18-24 лет против 10% среди старших). Среди людей с неполным средним образованием доля неприязни ещё выше [ВЦИОМ, 2024].

В 2023 году опрос ВЦИОМ показал, что почти половина россиян (47%) считает трудовую миграцию положительным явлением для страны. Это значительно больше, чем в прошлые годы: в 2006 году так думали лишь 21%, в 2008 и 2013 годах — по 14%. Доля тех, кто относится к миграции отрицательно, снизилась до 40%, тогда как в 2023 году она составляла 74%. Отмечается, что жители городов и жители сел не различаются во мнении, но есть значительная разница между представителями разных поколений и социально-экономических классов: молодежь и граждане с хорошим доходом чаще высказывается за трудовую миграцию (61% среди 18-24-летних и 56% в группе 25-34 года vs. 52% 45-59 лет; 61% среди граждан с высоким заработком vs. 28%) [ВЦИОМ, 2023].

Несмотря на то, что доля доброжелательно настроенных россиян к мигрантам высок, количество людей с негативным мнением также остается достаточно большим. В подтверждение этому заметно выросло число конфликтов между группами приезжих на заработки и принимающей стороной, которые сопровождаются такими лозунгами как «Россия для русских», ужесточилось регулирование въезда в Россию по трудовой визе и началось внесение новых законопроектов по данному вопросу [Новые Известия, 2025; Варганова, 2014].

Социологи и криминологи рассматривают явление «конфликта культур» как главную причину разногласий между группами. Различия в религии, привычках и традициях «сталкивают» мигрантов и граждан России

между собой. Носители одних ценностей и традиций не понимают других, считают свой уклад жизни правильным и единственным возможным. Все это вызывает чувство опасности, настороженности, тревоги, и ощущение, что рядом «чужак». Усугубляет ситуацию и замкнутость трудовых мигрантов – они обычно держатся группами, не пытаются просвещать принимающую сторону о своих обычаях и культуре. Эта закрытость только усиливает стереотипы. Личная неприязнь, которая часто приводит к конфронтациям, в том числе и криминальным, также является немаловажной причиной [Корсаков, Цветкова, 2023]. Недооценена и роль СМИ в зарождении конфликтов между двумя группами. В погоне за привлечением читателей медиа использует негативные термины и выражения в отношении приезжих на заработки людей, представляя их общественности как врагов, что непосредственно влияет на отношение к ним со стороны местного населения. Многие эксперты указывают на необходимость прекращения такой тенденции, но существенных подвижек в этом вопросе не наблюдается [Леденева, 2022]. Наоборот, можно отметить, что условия для жизни трудовых мигрантов в корне отличаются от тех, в которых существует местное население, а именно: невозможность снять квартиру (что может быть следствием дискриминации), низкооплачиваемая работа, отсутствие определенной поддержки государства, слабая правовая защита, изолированность группы [Корсаков, Цветкова, 2023]. Вышеперечисленные причины являются объективными (не учитывая личную неприязнь), но также выделяются и субъективные поводы для конфликтов: стресс из-за смены места жительства, ментальные заболевания у представителя одной из сторон, нетерпимость к чужой культуре, религии, языку и менталитету, радикальные взгляды, страх лишиться работы из-за члена другой социально-культурной группы [Там же].

Таким образом, «столкновения» возникают, в первую очередь, из-за нетерпимости по отношению к другой социокультурной группе; а также ситуацию усугубляют СМИ, оказывая огромное влияние на общественность.

Возникающие факторы, которые мы относим к субъективным причинам, влекут за собой необходимость приспосабливаться к новым условиям: экономическим, природным, этнокультурным и социальным. Основным способом адаптации является принятие новых ценностей, традиций, норм и устоявшегося социального уклада в незнакомом месте. Такой вид адаптации называется пассивным и проходит достаточно болезненно, – индивид принимает новый порядок, отказываясь от привычной культуры и пересматривая собственные убеждения. Активная форма адаптации тоже проходит достаточно трудно, – представители определенных ценностей стараются всеми силами сохранить стабильность своей социальной группы, и не готовы менять устоявшийся уклад жизни. К сожалению, интеграция трудовых мигрантов в Российское общество

дополнительно затрудняется ксенофобией – «боязнью чужестранцев» [Там же].

Подводя итог вышесказанному, можно отметить: регулярность миграционных потоков в Россию, рост людей с положительным мнением о мигрантах, но, при этом, сохранение напряжённых взаимоотношений между местным населением и приезжими. Связано это, в первую очередь, как было описано, с «конфликтом культур». Обе стороны не готовы к «сотрудничеству»: выходцы из Средней Азии обычно изолируются от местного населения, создают свои «коммуны» и не стремятся к принятию новых норм, в то время как россияне дискриминируют данную социокультурную группу, и отказываются от перемен в любой сфере. Так образовывается «замкнутый круг» из конфликтов и противостояний.

Для более глубокого понимания темы, автором было проведено исследование, направленное на изучение отношений между трудовыми мигрантами и местного населения, а также вопросов интеграции трудовых мигрантов в новое общество.

Были проведены 5 интервью среди представителей местного населения и 5 интервью среди мигрантов, с использованием ранее составленного гайда. По итогам интервьюирования трудовых мигрантов были выделены следующие половозрастные группы: все интервьюируемые – мужчины в возрасте от 23 до 42 лет, средний возраст опрошенных – 34 года. 60% респондентов – узбеки, 20% – кыргызы, 20% – таджики. Самый долгий срок пребывания на территории России – 9 лет, наименьший – 2 года. Все опрошенные либо не имеют образования, либо не упоминают его наличие, но изъявляют желание в получении. Профессиональный статус большинства – таксист, но также присутствуют продавец и разнорабочий. По итогам интервьюирования местного населения были выделены следующие половозрастные группы: 60% – женщины, 40% – мужчины, все интервьюируемые находятся в возрасте от 23 лет до 51 года. Средний возраст – 34 года. Каждый респондент имеет образование – высшее или среднее специальное. Профессиональные статусы респондентов разнообразны: ведущий специалист по строительству, документовед, младший научный сотрудник, присутствует и официально нетрудоустроенный опрошенный. Полный отказ от опроса в большинстве случаев или абсолютное игнорирование со стороны иностранных граждан ограничило возможность увеличить количество респондентов как среди мигрантов, так и среди местного населения.

Основная проблема, которую указали иностранные граждане, – это поиск рабочего места, оформление разрешения на работу и обман со стороны работодателей: «...у меня нет разрешения на работу... Документов правда у многих нет». Адаптация в культурной среде происходит сложно по причине новой языковой среды, другой религии и менталитета. Главные траектории

пересечений мигрантов и россиян – рабочая среда. Целенаправленное взаимодействие между двумя группами и его попытки не прослеживаются: «Я с работы домой, с дома на работу. Прямо так общаться с русскими, ну не общаюсь...». Наблюдаются случаи негативного отношения со стороны местного населения по национальному признаку.

Мнение местного населения в отношении мигрантов разделилось: нейтрально настроенные, которые представляют большинство, отмечают их большой вклад в экономику, в частности, в отрасль строительства: «...трудовые мигранты для отрасли строительства очень важны, без них невозможно строить объекты быстро... Значительный вклад в экономику. Как человек, занимающийся стройкой уже на протяжении 15 лет, большинство строителей, грузчиков и тому подобное, все-таки, приезжие». Негативно настроенные считают, что количество граждан РФ позволяет обходиться без миграции и существующего экономического вклада со стороны приезжих. Отмечаются и радикальные взгляды по отношению к мигрантам, например: «Обезьяний темперамент и менталитет... Ладно если бы они были образованные, воспитанные и адекватные, а не приехали только что с аула». Интервьюируемые также отмечают отсутствие вклада в русскую культуру со стороны мигрантов и сложность их адаптации в связи с незнанием языка, другой религии и норм поведения.

Согласно результатам интервью, мигранты продолжают просто «сосуществовать» рядом с россиянами, точно также себя ведет и местное население. Сложность адаптации отмечают обе стороны, объясняя ее новой социокультурной средой. Каждая из групп относится к другой, в большинстве своем, нейтрально.

В результате изучения социокультурного взаимодействия трудовых мигрантов и местного населения можно сделать выводы: подобные взаимодействия имеют значительное влияние на общественную жизнь и культурное разнообразие в стране. Необходимо признать, что миграция – это сложное явление, которое нуждается во внимании со стороны общества и государства. Важно продолжать исследования в области социокультурного взаимодействия иностранных граждан и местного населения, уделять внимание аспектам интеграции мигрантов в общество и формированию позитивного стереотипа о мигрантах.

Литература

Варганова О. Ф. (2014) Взаимная адаптация мигрантов и местного населения как объект социального управления *Круглый стол «Общество и социология в современной России»*. С. 180-191
URL: <http://pdt.vscs.ac.ru/article/1216/full> (дата обращения: 14.07.2025).

Вицелярова К. Н. (2015) Анализ причины международной трудовой миграции *Экономика и социум*. №2-1 (15). URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-prichiny-mezhdunarodnoy-trudovoy-migratsii> (дата обращения: 16.07.2025).

В Кремле объяснили, зачем России нужны мигранты (2025) *РИА* [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20241122/migranty-1985119242.html?in=t> (дата обращения 14.07.2025)

Ивахнюк И. В. (2023) Трудовая миграция в Россию: взгляд через призму политических, экономических и демографических тенденций *Российский совет по международным делам*. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/trudovaya-migratsiya-v-rossiyu-vzglyad-cherез-prizmu-politicheskikh-ekonomicheskikh-i-demografichesk/> (дата обращений: 15.07.2025)

Иммигранты в России: за и против (2023) *ВЦИОМ* [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv> (дата обращения: 14.07.2025)

Карелина Е. К. (2015) Адаптация и интеграция трудовых мигрантов в контексте концепции государственной миграционной политики *Вестник Московского университета МВД России*. № 5. С. 223-226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-i-integratsiya-trudovykh-migrantov-v-kontekste-kontseptsii-gosudarstvennoy-migratsionnoy-politiki> (дата обращения: 13.07.2025)

Корсаков К. В., Цветкова А. Д. (2023) Предупреждение конфликтов между россиянами и внешними трудовыми мигрантами *Российское право: образование, практика, наука*. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preduprezhdenie-konfliktov-mezhdu-rossiyanami-i-vneshnimi-trudovymi-migrantami> (дата обращения: 14.07.2025).

Леденева В. Ю. (2022) Отражение проблем межэтнических отношений в российских сми *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. №1 (39). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-problem-mezhetnicheskikh-otnosheniy-v-rossiyskikh-smi> (дата обращения: 14.07.2025).

Манопов М. М. (2019) Миграционная политика государства как фактор обеспечения национального согласия в обществе. *PolitBook*. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnaya-politika-gosudarstva-kak-faktor-obespecheniya-natsionalnogo-soglasiya-v-obschestve> (дата обращения: 16.07.2025).

МВД: за 2024 год в Россию прибыли более 6 млн мигрантов (2025) *ВЕДОМОСТИ* [Электронный ресурс] URL: [https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/19/1118529-v-rossiyu-pribili#:~:text=В%20Россию%20в%20течение%202024,форума%20\(ПМЭФ%20D2025\).](https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/19/1118529-v-rossiyu-pribili#:~:text=В%20Россию%20в%20течение%202024,форума%20(ПМЭФ%20D2025).) (дата обращения: 14.07.2025).

Межнациональные отношения и проблема иммиграции (2024) *ВЦИОМ* [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/immigranty-v-rossii-za-i-protiv>

reviews/analiticheskii-obzor/mezhnacionalnye-otnosheniya-i-problema-immigracii
(дата обращения: 14.07.2025)

Мешков Д. Н, Смирнова Е. О. (2023) К вопросу о современном состоянии трудовой миграции в России // *Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования*. №2 (68). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-sovremennom-sostoyanii-trudovoy-migratsii-v-rossii> (дата обращения: 14.07.2025).

Мурашева С. В. (2019) Специфика адаптации мигрантов и их взаимодействия с населением в принимающих регионах Российской Федерации *Психопедагогика в правоохранительных органах*. №2 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-adaptatsii-migrantov-i-ih-vzaimodeystviya-s-naseleniem-v-prinimayuschih-regionah-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 16.07.2025).

Проскуракова О. Л. (2007) Адаптация мигрантов как социальный процесс *Вестник ОГУ*. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-migrantov-kak-sotsialnyy-protsess> (дата обращения: 13.07.2025).

Росстат отчитался о номинальном миграционном рекорде с 1995 года (2025) *РБК* [Электронный ресурс] URL: <https://www.rbc.ru/economics/05/03/2025/67c847189a79473e13f2971b?ysclid=maaz8g8bfi196692285> (дата обращения 14.07.2025)

Сердюков К. Н. (2019) Трудовая миграция населения: основополагающие теории, система детерминации, адаптационно-интеграционные процессы *Известия ТулГУ. Гуманитарные науки*. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trudovaya-migratsiya-naseleniya-osnovopolagayushchie-teorii-sistema-determinatsii-a-daptatsionno-integratsionnyy-protsessy> (дата обращения: 12.07.2025).

«Это наш город!»: как конфликт с мигрантами в Пыть-Яхе показал, что ждет Россию (2025) *Новые Известия* [Электронный ресурс] URL: <https://newizy.ru/news/2025-08-31/eto-nash-gorod-kak-konflikt-s-migrantami-v-pyt-yahe-pokazal-cto-zhdet-rossiyu-437772> (дата обращения: 09.09.2025).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У ПОДРОСТКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ ГОРНОГО АЛТАЯ

М.Г. Чухрова, С.В. Пронин

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет,
ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет
экономики и управления», г. Новосибирск, Россия
Mbav3@yandex.ru

Аннотация: В статье представлены результаты комплексного социологического и психологического исследования, проведенного среди подростков коренного населения Республики Алтай (N=4000, 14-17 лет). Цель работы – анализ современных тенденций трансформации этнической идентичности в условиях глобализационного давления и поиска баланса между традиционными ценностями и модернизационными устремлениями. Выявлено, что для значительной части молодежи характерно слабое знание родного языка, этнических традиций и обычаев кочевой культуры. Продемонстрирована связь между утратой традиционных культурных кодов и ростом девиантных явлений, включая алкоголизацию, интерпретируемую как форма «этнического невроза» и аномии. Делается вывод о кризисе преемственности и формировании нового российского суперэтноса. В качестве стратегии адаптации, смягчающей цивилизационный конфликт, предложена модель «кочевого образования», позволяющая интегрировать лучшие элементы традиционной культуры в современный образовательный процесс без изоляции от общероссийского и глобального контекста.

Ключевые слова: этническая идентичность, коренные народы, Горный Алтай, девиантное поведение, кочевое образование, цивилизационный поворот.

Актуальность и постановка проблемы. Современные цивилизационные процессы, характеризующиеся глобализацией и цифровизацией, ставят перед коренными народами России сложный выбор между интеграцией в глобальный мир и сохранением уникальной этнокультурной идентичности [Арестова В.Ю., Кузнецова Л.В., 2015; Куулар, С.С. 2020; Николаева, Т.Н., 2021]. Особенно остро этот конфликт переживает молодежь, что проявляется в росте социально-психологической дезадаптации и девиантного поведения [Чухрова, М.Г., Никитин, Ю.П., 2018; Трощкина И.Н., Шапошников Г.М., 2021]. Республика Алтай, являясь уникальным культурным ареалом, представляет собой репрезентативную модель для изучения данных процессов.

Методология и методы исследования. В ходе исследования применялся комплекс методов: анкетирование, психологическое

тестирование, включенное наблюдение и глубинное интервью. Опросник включал блоки, направленные на оценку знания родного языка, традиций и обычаев, отношения к психоактивным веществам, а также жизненных планов и ценностных ориентаций. Выборка составила 4000 человек обоего пола в возрасте 14-17 лет, проживающих в городской и сельской местности Республики Алтай.

Результаты и обсуждение.

1. Утрата традиционных культурных кодов. Данные свидетельствуют о поверхностном знании национальных традиций и этноэтикета. Родной язык функционирует преимущественно на бытовом уровне, уступая русскому и английскому в качестве языков образования и социального продвижения. Ценностные ориентации смещены в сторону индивидуализма и достижения личного успеха, что противоречит коллективистской основе кочевой культуры. Большая часть респондентов планирует получить профессии, не связанные с традиционным укладом жизни (юрист, IT-специалист, инженер), и переехать в город.

2. Девиантное поведение как следствие аномии. Выявлена высокая распространенность потребления табака и алкоголя. Алкоголизация, носящая часто запойный и агрессивный характер, интерпретируется нами не как биологическая предрасположенность, а как социально-психологический феномен – «этнический невроз». Его патогенез связан с внутренним конфликтом между архетипическими установками (коллективизм, сакральное отношение к природе) и навязываемыми ценностями потребительского общества, что приводит к рассогласованию идентичности, чувству утраты корней и авитальной активности.

3. Кризис образовательных моделей. Существующая система интернатного образования, отрывающая детей от семьи и традиционной среды, усугубляет кризис преемственности. Возвращаясь после обучения в село, молодые люди оказываются неспособны к жизни в традиционном укладе, и стремятся вернуться в городскую среду. Попытки формального «насаждения» национального компонента в учебные программы без учета запросов молодежи воспринимаются как архаичные и неэффективные.

Заключение и рекомендации. Проведенное исследование фиксирует объективный и малоперспективный для обратимости процесс формирования общероссийского суперэтноса. В этих условиях стратегической задачей является не консервация архаики, а мягкая интеграция традиционных ценностей в современный контекст. Наиболее перспективной моделью представляется развитие системы кочевого образования, позволяющей обеспечить преемственность культурных практик в раннем возрасте без отрыва от семьи [Головин А.Ф., 2010; Чухрова М.Г., Атаманова, Г.И., 2024], сформировать уважение к своим корням и позитивную этническую идентичность, и при этом дать современные знания и компетенции,

необходимые для жизни в глобальном мире. Культурное наследие должно изучаться и транслироваться через актуальные для молодежи форматы (народные промыслы, фестивали, проектная деятельность), способствуя синтезу традиций и инноваций, а не противопоставлению их друг другу.

Литература

Арестова, В.Ю., Кузнецова, Л.В. (2015). Основные тенденции этнокультурного воспитания на современном этапе: региональный аспект // *Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева*. – №3 (87). – С. 72–79.

Головин, А.Ф. (2010). Кочевая школа как социально-педагогическая основа формирования системы образования на Крайнем Севере: пути становления и проблемы развития // *Сибирский педагогический журнал*. – № 1. С. 252-271.

Куулар, С.С. (2020). Ценностные приоритеты современной тувинской семьи: опыт исследования // *Мир науки, культуры, образования*. № 6 (85). С. 40-42.

Николаева, Т.Н. (2021). Этнокультурный компонент содержания образования в межкультурном контексте // *Этническая культура*. – Т.3, № 3. – с. 37-39.

Трошкина, И.Н., Шапошников, Г.М. (2021). Этноязыковая ситуация в Республике Хакасия (по результатам социологического исследования) // *Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН*. № 1. С. 173-193. DOI: 10.22162/2587-6503-2021-1-17-173-193

Чухрова, М.Г., Никитин, Ю.П. Социально-психологические аспекты здоровья и фактор алкоголизации коренного населения Чукотки // *Здоровье коренного и пришлого населения Чукотского автономного округа / Отв.ред. Ю.П. Никитин*. – Новосибирск: Академическое изд-во «Гео». 2018. с. 472-488.

Чухрова, М.Г., Атаманова, Г.И. (2024). Воспитание и образование подрастающего поколения народов Сибири и Севера через возрождение национальной культуры: проблемы и перспективы // *Международный научно-исследовательский журнал*, № 12 (150), декабрь. DOI: <https://doi.org/10.60797/IRJ.2024.150.119>

ШАМАНИЗМ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Чухрова М.Г., Пронин С.В., Гольдшмидт Е.С.

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет,
г. Новосибирск mbav3@yandex.ru

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет
экономики и управления», г. Новосибирск
pronin53@gmail.com

ГАПОУ КузПК, Кузбасский педагогический колледж, г. Кемерово
goldschmidtes@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу шаманизма как комплексного социокультурного феномена, сочетающего элементы религии, медицины и этнической идентичности. На примере народов Сибири (тувинцев, алтайцев, хантов, манси) рассматриваются исторические истоки, региональные особенности и мировоззренческие основы шаманских практик. Особое внимание уделяется психологическим и социальным механизмам шаманизма, его функциям в традиционном обществе. Исследуется феномен неошаманизма и его отличия от традиционного шаманизма. Авторы приходят к выводу, что шаманизм представляет собой целостную систему мировоззрения, адаптации и выживания, глубоко укорененную в культуре народов Сибири. Научное изучение шаманизма, особенно его психофизиологических и социокультурных механизмов, представляет значительный интерес, и может внести вклад не только в понимание традиционных обществ, но и в развитие современных методов терапии и самопознания.

Ключевые слова: шаманизм, коренные народы Сибири, неошаманизм, этническая идентичность, традиционные практики, социокультурный феномен.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к традиционным духовным практикам в условиях глобализации, а также необходимостью научного осмысления феномена шаманизма в контексте сохранения культурного наследия народов Сибири. Шаманизм, несмотря на свою древность, остается малоизученным с точки зрения психофизиологических механизмов воздействия шаманских практик.

Цель работы — анализ шаманизма как комплексного социокультурного феномена, сочетающего элементы религии, медицины и этнической идентичности, и выявление его роли в современном обществе.

Задачи:

1. Рассмотреть исторические истоки и эволюцию шаманизма.

2. Проанализировать региональные особенности шаманизма у народов Сибири (тувинцев, алтайцев, хантов, манси).

3. Выявить психологические и социальные механизмы шаманских практик.

4. Исследовать феномен неошаманизма и его отличия от традиционного шаманизма.

1. Исторический контекст и теоретические подходы к изучению шаманизма

Историография и основные подходы: Шаманизм изучается в рамках этнологии, религиоведения, антропологии и социологии. В научной литературе выделяются несколько основных подходов к его интерпретации:

- Религиоведческий [С.А. Токарев, Н.А. Алексеев]: шаманизм как одна из ранних форм религии, основанная на анимистических верованиях и вере в духов.

- Культурологический [Е.В. Ревуненкова]: шаманизм как социокультурный комплекс, не сводимый исключительно к религии, интегрированный в традиционный образ жизни.

- Критический [П.Н. Ильяхов, А.И. Мазин]: шаманизм как система магических действий и духовных практик, направленных на управление энергетическими потоками, а не как полноценная религия.

- Психофизиологический [М.Г. Чухрова, Е.С. Гольдшмидт]: анализ шаманизма через призму психотехник и измененных состояний сознания.

Этапы изучения:

- XVIII-XIX вв.: Первые описания в трудах русских путешественников и исследователей Сибири.

- Советский период: Репрессии против шаманов (1920-1937 гг.) и идеологическое отрицание шаманизма.

- 1990-е гг.: Возрождение интереса и формирование неошаманизма.

- XXI в.: Попытки научного осмысления механизмов шаманских практик и их интеграция в современный культурный контекст.

2. Шаманизм как мировоззренческая система народов Сибири

Региональные особенности: Шаманизм является неотъемлемой частью традиционного мировоззрения народов Сибири, видения и познания мира, рассматривающей человека как часть Космоса. Он нацелен на непосредственное восприятие мира, постижение взаимосвязи природы и человека.

Тувинцы (кам). Разделение на белых и черных шаманов. Сильная связь с ламаизмом. Душа материальна, может покидать тело, превращаться в духа.

Алтайцы (кам). Концепция "кут" - жизненной силы, данной духами. Душа имеет 7 свойств, проявляющихся в разные периоды жизни.

Ханты и манси (ел, елта-ку). Отсутствие жесткой иерархии, шаман - часть общины. Две жизненные силы: внешность (тьнь) и душа.

Эвенки (саман). "Железные" шаманы, использование металла в атрибутике. Шаман - посредник между миром людей и миром духов.

Мировоззренческие основы:

- Анимизм: Вера в одушевленность всей природы, наличие духов у животных, растений, камней, рек и гор.

- Тотемизм: Вера в родственную связь между родом и определенным животным (медведь, лось, лягушка).

- Фетишизм: Вера в сверхъестественные свойства предметов (амулеты, талисманы).

- Трехчленная модель мира: Вселенная делится на Верхний (небесный), Средний (земной) и Нижний (подземный) миры, соединенные Мировым Древом. Шаман выступает как посредник, способный путешествовать между этими мирами.

3. Социальные и психологические механизмы шаманских практик

Социальные функции шамана:

Лечебная магия: диагностика и лечение болезней, которые воспринимаются как результат потери души или воздействия злых духов.

Посредничество: коммуникация с духами для обеспечения удачной охоты, хорошей погоды, разрешения споров.

Проводник душ: сопровождение души умершего в загробный мир.

Хранитель традиций: трансляция культурных норм, мифов и обрядов.

Психологические механизмы:

- Измененные состояния сознания (ИСС): Достигаются с помощью ритмичных ударов в бубен, танцев, пения или использования психоактивных веществ (мухоморы). Это позволяет шаману "путешествовать" по иным мирам.

- Вербальные и невербальные техники: Использование особого голоса, ономотопии (подражание звукам природы), ритмических формул и заклинаний, что сближает шаманские практики с современными методами NLP и суггестии.

- Психотехники работы с "информационной матрицей". Шаман интуитивно работает с энерго-информационным полем пациента, исправляя его "пробой", что приводит к исцелению. Этот процесс может быть интерпретирован как работа с психосоматикой и глубинными психологическими травмами.

4. Неошаманизм: трансформация традиции в современном мире

Возрождение и коммерциализация: В 1990-е гг. после периода репрессий произошло возрождение интереса к шаманизму. Однако это привело к появлению неошаманизма - коммерциализированной и адаптированной для городской среды версии традиционных практик.

Отличия от традиционного шаманизма:

- Отсутствие длительной подготовки и передачи знания по родовой линии.
- Акцент на коммерческий успех и удовлетворение запросов клиентов.
- Эклектичность: смешение элементов из разных культур и традиций.
- Потеря глубины и сакральности ритуалов, их превращение в "шоу".

Проблемы и вызовы:

- Дискредитация феномена. Множество неподготовленных "шаманов" предлагают услуги, не имея реальных знаний и способностей.
- Уход настоящих шаманов в "тень". Из-за коммерциализации многие носители традиций стали менее доступны для исследователей.
- Поиск идентичности. Для коренных народов шаманизм остается важной частью этнической самоидентификации, что подтверждается деятельностью таких организаций, как Ассоциация тувинских шаманов «Дунгур» и проведением всероссийских съездов шаманов.

5. Научное осмысление и перспективы исследования

Шаманизм и современная наука:

- Психофизиология. Исследование ИСС шаманов помогает понять работу мозга в условиях контролируемого транса. Нейровизуализационные исследования (фМРТ) могут выявить особенности нейронной активности во время шаманских практик.
- Психология. Шаманские техники работы с травмой и исцеления могут обогатить современную психотерапию (например, техники нарративной терапии, работы с метафорой и символом).
- Социология и антропология. Шаманизм изучается как форма социальной интеграции, механизм сохранения культурного кода и адаптации к меняющимся условиям.

Перспективные направления для дальнейших исследований:

- Междисциплинарные исследования. Совместная работа этнографов, психологов, физиологов и физиков для изучения феномена шаманского целительства.
- Изучение "информационной матрицы". Попытка научно описать процессы, которые шаманы интуитивно используют для исцеления.
- Документирование традиций. Фиксация знаний уходящего поколения традиционных шаманов.

· Этический кодекс. Разработка принципов взаимодействия исследователей с носителями шаманских традиций для избежания вульгаризации и коммерциализации сакральных знаний.

Заключение. Шаманизм представляет собой сложный, многогранный социокультурный феномен, который не может быть сведен к примитивным суевериям или исключительно к религиозному культу. Это целостная система мировоззрения, адаптации и выживания, глубоко укорененная в культуре народов Сибири. Она сочетает в себе элементы религии, медицины, психологии и экологии.

В современную эпоху шаманизм переживает двойственный процесс: с одной стороны, коммерциализацию и упрощение в форме неошаманизма, с другой – возрождение, как части этнокультурной идентичности коренных народов. Научное изучение шаманизма, особенно его психофизиологических и социокультурных механизмов, представляет значительный интерес, и может внести вклад не только в понимание традиционных обществ, но и в развитие современных методов терапии и самопознания.

Необходимо признать шаманизм важным элементом культурного наследия народов Сибири, поддерживать междисциплинарные исследования шаманских практик, разработать меры по защите аутентичных традиций от коммерческой эксплуатации.

Литература

Алексеев Н.А. (1991) *Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири*. – Новосибирск: Наука.

Гольдшмидт Е.С., Чухрова М.Г. (2025) Психолого-антропологические аспекты шаманизма в контексте аккультурации коренных этносов // *Мат. 2 Всерос. Науч.-практ. конф.*, Абакан.

Ильяхов П.Н. (1994) *Целители северных народностей Якутии*. – Якутск.

Мазин А.И. (1984) *Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов (конец XIX – начало XX в.)*. – Новосибирск: Наука.

Токарев С.А. (1990) *Ранние формы религии и их развитие*. – М.

Ревуненкова Е.В. (1992) *Миф-обряд-религия. Некоторые аспекты проблемы на материале народов Индонезии*. М.: Наука.

Чухрова М.Г., Гольдшмидт Е.С. (2023) Возрождение шаманизма как ответ на вызовы современности // *Мат. XII Междунар. научно-практ. конф.* Улан-Удэ.

Секция 3.

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ И СОХРАНЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В РОССИИ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ

ВОСПРОИЗВОДСТВО НАСЕЛЕНИЯ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ОЦЕНКИ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ В РАЗНЫХ ТИПАХ РЕГИОНОВ РОССИИ

Е. С. Гвоздева¹, Г. П. Гвоздева²

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН^{1,2}
Новосибирский государственный университет², г. Новосибирск
elena_gvozdeva@mail.ru, gvozdeva@ieie.nsc.ru

*Статья подготовлена в рамках проекта государственного задания 5.2.1.3.
(0260-2021-0001) «Актеры, драйверы, последствия социальных изменений в
современном обществе: теория и эмпирика»,
регистрационный номер НИОКТР №121040100280-1*

Аннотация. Проведено сравнение субъективных оценок качества жизни в российских регионах на основе ответов участников Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат-2022, опрошено 123 тыс. чел.) об имеющихся проблемах, о доступности государственных и муниципальных услуг. Регионы были разделены на 4 кластера, различающихся режимом воспроизводства населения: в двух оно сократилось с 2010 до 2022 г., а два сохраняли устойчивость или в них наблюдался прирост (естественный или миграционный). Были выявлены проблемы, проявляющиеся гораздо острее в регионах, теряющих население.

Ключевые слова: население, субъективные оценки, условия жизни, регионы России.

Один из главных вызовов для современной России – одновременно сохранять народонаселение, повышая рождаемость, и обеспечивать экономику квалифицированными кадрами, способными воспользоваться технологическими достижениями, включая искусственный интеллект (ИИ). К сожалению, в последние годы в рейтинге развития стран она немного уступила позиции, прежде всего из-за медленных темпов роста ожидаемых продолжительности жизни и обучения [UNDP, 2025]. По этим показателям наиболее проблемными являются регионы РФ с депопуляцией населения. Особенно быстро оно сокращается в азиатской части страны [Gvozdeva, 2025].

Важно, чтобы властные структуры располагали четким знанием о характеристиках тех регионов, в которых концентрируется население, и по каким параметрам условия жизни в них более привлекательны по сравнению

с регионами, которые люди покидают. Это необходимо для определения стимулов, способных регулировать направленность потоков мигрантов внутри страны.

Наша задача – показать связь между характером воспроизводства населения в регионах страны и тем, как люди оценивают условия жизни в них, выявить чем привлекательны регионы, увеличившие население за период с 2010 по 2022 гг., по сравнению с теми, которые подвержены депопуляции.

Основным предположением было соответствие субъективных оценок условий жизни и характера воспроизводства населения, прежде всего миграционного поведения. А на рождаемость и смертность также существенное влияние оказывают национальные и культурные особенности.

Методологически исследование основано на концепции развития человеческого потенциала (ЧП). Значительный теоретический вклад в её разработку сделали А. Сен, Г. Беккер и Т. Шульц [Sen, 1997; Беккер, 2003]. Т.И. Заславская рассматривала человеческий потенциал как фактор жизнеспособности общества, отражающий его внутренние ресурсы как субъекта собственного воспроизводства. Демографическому вектору развития она придавала особое значение [Заславская, 2003]. Многообразные и разнонаправленные факторы, определяющие воспроизводство населения, подробно описаны на примере Европы [Ливи Баччи, 2010]. На региональном уровне исследовалась взаимообусловленность демографического и экономического векторов развития в России [Алехин, 2022; Mkrtchyan, 2025]. Мы изучили в каких регионах население России концентрировалось в последние 10-13 лет и как люди оценивали в них условия жизни.

Информационно мы опирались на данные Росстата. Это материалы всероссийских переписей населения 2010 и 2020 гг., данные региональной статистики по 82 субъектам РФ (без выделения автономных округов в их составе и без 4 новых регионов), а также результаты Комплексного наблюдения условий жизни населения (Росстат-2022, КОУЖ, опрошено более 123 тыс. чел.). Направление и скорость изменения численности населения регионов между двумя переписями, а также естественный или миграционный прирост рассматривались как ключевые показатели для группировки регионов на кластеры. Для сравнения групп регионов применялись методы математической статистики пакета SPSS (в том числе непараметрические тесты Манна-Уитни для двух независимых выборок, тест Крускала-Уоллеса, оценки значимости различий значений переменных).

Субъекты РФ были разделены на четыре кластера: первый с быстрым сокращением населения (за период с 2010 по 2020 г. на 8 % и более), второй с умеренным сокращением (от 1 до 7,9 %), а в третьем и четвертом оказались регионы, отличающиеся ростом или стабильной численностью населения (сокращение менее 1 %). При этом в третьем кластере сохранился естественный прирост населения, а в четвёртом – положительное сальдо

миграции определяло его воспроизводство и устойчивость развития. Распределение регионов между кластерами приведено в таблице.

В *четвертый кластер* ожидаемо попали наиболее экономически развитые субъекты РФ: Москва и Санкт-Петербург с областями, Краснодарский край, Республика Татарстан, Калининградская, Новосибирская, Томская области и др. (детальный состав кластеров приведен в [Gvozdeva,2025]). Реальные доходы на душу населения в среднем в 16 регионах этого кластера были в 1,3–1,5 раза выше, чем в остальных. Они также являются лидерами по инновационному потенциалу, куда стремится образованное население из всех других регионов и из-за рубежа.

Таблица 1

Субъективные оценки условий жизни людьми, проживающими в разных кластерах регионов,

КОУЖ, 2022 г., % от числа ответивших

Кластеры регионов	1. Быстрое сокращение населения	2. Умеренное сокращение	3. Рост или стабильность, естественный прирост	4. Рост или стабильность, миграционный прирост
Доля (%) ответивших, что имеются проблемы:				
с состоянием дорог, безопасностью дорожного движения	61	56	31	32
с работой общественного транспорта	31	26	21	16
общая неблагоустроенность, мало озеленения	29	28	23	16
загрязненность окружающей среды	28	26	15	19
с работой жилищно-коммунальных служб	33	32	20	19
недоступно медицинское	33	25	18	15

обслуживание				
распространение алкоголизма	26	23	13	16
распространение наркотиков	13	13	5	10
далеко аптеки	25	20	20	13
далеко учреждения культуры	22	22	18	18
далеко спортивные сооружения	28	29	22	18
трудности в оформлении документов по запросам населения	20	18	16	12
далеко торговые точки	15	12	13	10
недоступно дошкольное или школьное образование	10	9	8	7
высокий уровень преступности	6	6	5	4
Доля тех, кому не нравится населенный пункт, в котором они живут, %	11	9	8	8
Количество ответивших в кластере, чел.	16654	35299	8125	34504
Распределение регионов между кластерами в 2023 г., ед.	27	29	10	16
<i>Расчет авторов. Источник: Данные Росстат, обследование КОУЖ, 2022 г.</i>				

В *третьем кластере* из-за повышенного уровня рождаемости отличается режим демографического воспроизводства населения, выше доля детей и молодежи в структуре населения. Из-за этого имеется дефицит рабочих мест для молодежи, выше уровень безработицы. Здесь в основном

относительно менее экономически развитые национальные республики, в которых сохранились традиционные семейные ценности: Чечня, Ингушетия, республики Алтай, Тыва и Бурятия, где объемы производства на одного занятого меньше среднероссийского уровня. Однако естественный прирост населения сохранился также в Тюменской области и Якутии, для которых характерна очень высокая производительность труда. Это повысило все средние экономические показатели кластера, а также уровень реальных доходов. Третий кластер существенно отстает по инновационному развитию, но в большей степени выполняет демографическую функцию, пополняя население за счет более высокого уровня рождаемости, а также обеспечивая условия для получения общего и профессионального образования детей и молодежи.

Первые два кластера субъектов РФ, в которых в 2023 г. проживала половина (51,2 %) населения, по всем показателям уступали 4 кластеру, а потому их жители постепенно разъезжались. К сожалению, большинство регионов Сибири и Дальнего Востока (15 из 21) находятся в первом или втором кластерах, теряющих население. Такие регионы выступают донорами, способствующими сохранению или наращиванию ЧП федеральных округов России с низкой демографической нагрузкой (рис. 1). В результате избыточной миграции истощается запас людских ресурсов в малозаселенной Азиатской России и создается приукрашенная картина устойчивого и эффективного развития регионов Центрального, Северо-Западного и Южного ФО. Остается в тени, что просто недостаточно эффективных рабочих мест и благоприятных условий для реализации ЧП в восточной части страны, особенно для молодежи. Об этом свидетельствует повышенный уровень безработицы и направленность миграционных потоков. Однако многие регионы Сибири и Дальнего Востока являются стратегически важными, – по производственному потенциалу или по местоположению, – и они ждут обустройства.

Рисунок 1. Миграция населения из Сибири и Дальнего Востока в ФО с низкой демографической нагрузкой детьми
 Источник: построено авторами по данным Росстат

Для подтверждения данного тезиса мы рассмотрели субъективные мнения жителей об условиях жизни в их населенных пунктах, полученные в Комплексном наблюдении условий жизни населения. К числу наиболее часто вызывающих нарекания относятся: состояние дорог, плохая организация работы жилищно-коммунальных служб и работы общественного транспорта, недоступность медицинского обслуживания и отдаленность аптек, неблагоустроенность, отсутствие озеленения, загрязненность окружающей среды (см. табл. 1). Причем жителями населенных пунктов, теряющих население, эти недостатки назывались в 1,5-2 раза чаще. Такие проблемы, как алкоголизм и наркотики также в большей степени распространены в регионах 1 и 2 кластеров.

Мнения жителей о проблемах, связанных с отдаленностью учреждений культуры, спорта, торговых точек, детских садов и школ, а также о высоком уровне преступности, по своей остроте меньше различались между разными типами регионов. Остается вопрос о влиянии этих проблем на решение о миграции. Например, В. Мкртчян не выявил четкой корреляции между доступностью образовательных и медицинских учреждений и динамикой численности населения [Mkrtychyan, 2025]. Но дело может быть не в отсутствии каких-то отдельных услуг, а в «сжатии освоенного социально-

экономического пространства», на что обращают внимание ученые [Нефедова, Трейвиш, 2020].

Заключение. В целом, критические мнения жителей подтверждают, что транспортное, социальное, медицинское и культурно-бытовое обслуживание лучше организовано и доступнее в устойчиво развивающихся регионах 3 и 4 кластеров.

При обосновании социальной политики и формировании благоприятной среды для жизни людей в регионах необходимо учитывать различия в объективных и субъективных характеристиках условий жизни в разных типах регионов. В целях повышения адресности и конкретизации критериев достижимости целей развития регионов с высоким миграционным оттоком населения предлагаем использовать в качестве целевых ориентиров снижение неудовлетворенности жителей различными условиями до тех значений, которые достигнуты в наиболее продвинутых регионах с миграционным приростом.

Литература

Алехин, Б.И. (2022). Демография и подушевой доход российских регионов. *Пространственная экономика*. 2022. Т. 18. № 1. С. 125–147. <https://dx.doi.org/10.14530/se.2022.1.125-147>

Беккер, Г.С. (2003). *Человеческое поведение. Экономический подход*. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. / Сост., науч. ред. Р.И. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ. 672 с.

Заславская, Т.И. (2003). Социальный механизм посткоммунистических преобразований. *Россия, которую мы обретаем. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы*. Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. – Новосибирск: Наука. С. 93–109.

Ливи Баччи, М. (2010). *Демографическая история Европы* / Серия. «Становление Европы» / Пер. с итал. А. Миролубовой. – СПб.: Александрия», 2010. 304 с.

Нефедова, Т.Г., Трейвиш, А.И. (2020). Поляризация и сжатие активного пространства в центре России: тенденции, проблемы и возможные решения. *Демографическое обозрение*. №7(2), С. 31-53. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i2.11138>

Gvozdeva, E.S., Gvozdeva, G.P. (2025). Where Are Educated Young People from Russia's Eastern Regions Headed and Why. In *Regional Research of Russia*. Vol. 15. No 1. Pp. 81–92.

Mkrtychyan, N.V. (2025). Provision of Settlements in the Regions of the Near North with Educational and Health Care Institutions. *Population and Economics*. № 9 (2). [El. resource]. Mode of access: [10.3897/popecon.9.e146771](https://doi.org/10.3897/popecon.9.e146771) (accessed 30.08.2025).

Sen, A. (1997). *Resources, Values and Development*. Harvard: Harvard University Press. 560 p.

UNDP. (2025). *Human Development Report. A matter of choice: People and possibilities in the age of AI*. New York [El. resource]. Mode of access: <https://hdr.undp.org/system/files/documents/global-report-document/hdr2025reporten.pdf> (accessed 03.08.2025). Pp. 274–277.

ВОСПРОИЗВОДСТВО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ В УСЛОВИЯХ ДИВЕРГЕНЦИИ УСТАНОВОК СОЦИАЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ

Л.И. Грошева

Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень
malivia@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема дивергенции интересов молодёжи, различных социальных институтов, а также интенсивного роста цифровых инструментов для реализации экономических установок. Разработана структура взаимодействия индивида с системой социальных сообществ и организаций, обеспечивающих поддержание активной социально-экономической среды. Приведены результаты качественного исследования, отражающие специфику восприятия системы воспроизводства экономических паттернов в зависимости от ценностно-целевых приоритетов социальных сообществ.

Ключевые слова: экономическое поведение, экономический риск, поведенческие установки, социальная активность, межличностные коммуникации, молодёжь.

Современные тенденции показывают, что экономическое поведение молодёжи будет осложняться всё большим дроблением финансовых инструментов, их комбинированием и отделением от реальных производственных и иных объективных показателей. В исследованиях О.В. Кобяк экономическое поведение представлено совокупностью результатов, характеризующих внешнюю направленность активности человека [Кобяк, 2006, с. 116]. Определение экономического фактора так или иначе должно выражаться в конкретном благе, ресурсе или объёме дохода, который рассматривается в качестве результирующего параметра. Сущность поведения определяется повышением качества жизни и материальной обеспеченности. Тем временем кризис NFT-рынка продемонстрировал основные проблемные зоны цифровых форм инвестирования и потребления. Невзаимозаменяемые токены и любые другие цифровые продукты могут быть визуально сымитированы при достаточной квалификации мощеннических структур. Ситуации, сложившиеся вокруг Evolved Apes и Frosties, которые сумели изъять значительные средства при высоком доверии инвесторов, демонстрируют превалирующее воздействие массовой культуры на часть молодёжной аудитории, которая проявляет высокий уровень доверия популярным проектам, не осуществляя достаточно усилий по оценке их жизнеспособности [Defoe, Rap, Romer, 2022, p. 78]. Негативный исход цифрового инвестирования был получен ввиду низкой цифровой грамотности молодёжи, а также низкого потенциала для реализации контроля

над цифровыми площадками, особенно продвигающими стартапы, не имеющие реально отработанных прототипов и чёткой производственной стратегии. В таком случае возникает парадокс: когда часть разочарованных финансовыми потерями молодых пользователей уступают место другим аутентичным участникам, которые готовы идти на риск ради невысокого шанса успеха ввиду популяризации единичных успешных стратегий [Грошева, Грошев, Грошева, 2024, с. 76].

Вирусность информационного пространства также является одним из рисковых компонентов. Истории успеха, основанные на избирательном отображении информации или на искусственно конструируемых идеях, после публикации в сообществах с большой целевой аудиторией, копируются и ретранслируются в исходном формате или с небольшими изменениями. Обновление контента должно реализовываться на перманентной основе, распространение информационного массива происходит сравнительно быстро, в течение 1-2 дней. Отсутствие авторских прав на предложенную информацию повышает объём копирования и ретрансляции в других тематических сообществах [Малкина, Рогачев, 2022, с. 77]. В структуре административного сопровождения сообществ и цифровых каналов, зачастую находятся инициативные люди, не обладающие достаточной квалификацией, чтобы верифицировать данные, поэтому барьер в формате модерации не функционирует в достаточной мере.

С целью определения рисков социального обеспечения воспроизводства эффективного экономического поведения автором статьи в составе исследовательской группы был проведён контент-анализ на основе двухфазного анализа: в рамках 1 этапа был реализован качественный анализ на основе ручного отбора данных, в рамках которого было проанализировано 228 статей за период 2024-2025 гг., в ходе второго этапа был задействован инструмент сбора данных на основе технологий искусственного интеллекта (на базе платформы GigaChat) – анализ 1270 статей за аналогичный период по ключевым словам и словосочетаниям, уточнённым в ходе первого этапа.

Данные исследования показали, что причиной низкой эффективности социального контроля в распространении вредоносной экономической информации является большой объём данных при высоком уровне нестабильности социальной среды (см. рис. 1).

Виртуализация экономических транзакций предопределяет усиление неравенства доступа к информации и социальным благам. Согласно результатам динамики развития экономических отношений, усиление цифровых механизмов обмена будет приводить к большему лимитированию благ, а также к более высокому порогу доступа к качественным ресурсам. Подобная ситуация также характерна и для цифрового пространства, где в реализации экономического поведения с точки зрения инициирования трендов и установок сталкиваются интересы двух средних факторов.

Рис. 1. Структура субъектного взаимодействия в системе экономического поведения в условиях кризисных периодов развития общества

В то время как конфронтация между самими средами в открытой форме протекает довольно редко, внутрисредовая напряжённость создаёт условия для дезориентации молодых людей в условиях противоречивости установок, предлагаемых различными субъектами. Хотя реактивная среда может задавать свои стандарты по отношению к организационным системам, чаще всего продуцирование интересов и потребностей исходит от институциональной среды, так как её охват и централизованность позволяют донести информацию до большего количества людей.

Первая линия противоречий заключается в диспропорциях интересов государства, общественных движений и коммерческих структур. Классический характер конфликтности этой триады обусловлен превалированием у бизнеса сугубо экономических целей, связанных с получением прибыли и расширением целевой аудитории, у государственных структур – с ориентацией на защиту населения и улучшение социально-демографических условий, в то время как общественные организации имеют дифференцированный набор целей в зависимости от содержательной составляющей их деятельности. Общественные организации, как и государственный сектор зачастую принимают оппозиционную сторону по отношению к предпринимателям, в особенности если характер деятельности противоречит их стратегиям. Экономическое поведение для бизнеса рассматривается в первую очередь как ресурс для увеличения показателей дохода и объёмов производства. По этой причине его усилия сосредоточены на актуализации демонстративного потребления, как наиболее интенсивного процесса взаимодействия с рынком. Актуализация конкретных товаров через контекстную рекламу, привлечение инфлюэнсеров – позволяют

активизировать покупательские интересы молодёжи. Однако усилия в разрезе каждого заданного предприятия и продуктовой линейки в совокупности формируют образ жизни, который в стоимостном выражении превышает возможности потенциального дохода молодых людей, что усиливает их ощущение депривации в социальной иерархической структуре.

Реализация установок общественных организаций сопряжена с внушением определённых ценностей и образа мировосприятия, который в ряде случаев может вносить изменения в структуру экономических ориентиров. Организации, нацеленные на исключение потребления отдельных товаров (мясо, натуральный мех и пр.) при достаточном объёме ресурсов оказывают определённое воздействие, которое вступает в противоречие с бизнесом, реализующим нежелательные товары, а также с государством в плане обеспечения безопасности жизни и здоровья (обеспечение полноценного питания). Подобные противоречия усиливают социально-экономическую напряжённость, а также ставят молодых людей в ситуацию неопределённости, в результате которой их выбор определённой стратегии скорее ситуативен и определён эмоциональным фактором, нежели рациональным подходом и анализом полезности.

Подобные противоречия также характерны и для реактивной среды, которая характеризуется высокой неоднородностью. Помимо классических противоречий в экономических стратегиях в рамках межпоколенческого взаимодействия, своё воздействие оказывают этносоциальные установки, ожидания сообществ региональных объединений, а также референтные группы, формирующие свои представления об одобряемых моделях экономического поведения. Основные риски в данной сфере заключаются в невозможности полностью экстраполировать опыт старших поколений и этнокультурной среды на практические действия молодых людей. Высокая адаптивность молодёжи вступает в противоречие с неспособностью также быстро усваивать поведенческие образцы малых групп, что приводит к утрате доверия и разрушения образа авторитетного мнения. По этой причине даже при обозначении действительных рисков сфер, молодые люди склонны не уделять достаточного внимания объективным групповым нормам и действовать согласно интуитивным установкам, сформированным средствами массовой информации. По этой причине экономическое поведение молодёжи можно рассматривать как высокорисковое ввиду их максимализма, подвижности, коммуникативной активности.

Литература

Грошева, Л.И., Грошев, И.Л., Грошева, И.А. (2024). Особенности представления делинквентных практик в структуре экономического поведения молодёжи. *Социальные и гуманитарные знания*. Т. 10. № 1. С. 40–51.

Кобяк, О.В. (2006). *Экономический человек*. Минск: Право и экономика.

Малкина, М.Ю., Рогачев, Д.Ю. (2022). Самоуверенность, склонность к риску и склонность к недобросовестным действиям как детерминанты экономического поведения студентов. *Мониторинг общественного мнения*. № 2. С. 76–91.

Defoe, I. N., Rap, S. E., Romer, D. (2022). Adolescents' own views on their risk behaviors, and the potential effects of being labeled as risk-takers: A commentary and review. *Front Psychol*. No. 17. Pp. 69–83.

ВОСПРОИЗВОДСТВО РИСКА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ МОЛОДЁЖИ

И.Л. Грошев

Тюменское высшее военно-инженерное командное ордена Кутузова училище
имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень

И.А. Грошева

Филиал Автономной некоммерческой организации Высшего Образования
«Институт деловой карьеры» в Тюменской области, г. Тюмень
grosh@nextmail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности воспроизводства рискованных установок в системе молодёжи, ориентированной на активное достижение материального благополучия с целью сохранения или повышения достигнутого уровня жизни. Определена роль межличностных коммуникаций, социальных ожиданий и установок, воздействующих на степень принятия риска. Приведены данные авторского исследования, отражающего комплекс факторов внешней социальной системы, стимулирующей выбор неустойчивых форматов и способов материального обеспечения личного комфорта.

Ключевые слова: экономические установки, экономический риск, поведенческие паттерны, социальная среда, межличностные коммуникации, молодёжь.

Рассматривая наиболее рискованные поля экономической активности, следует отметить несколько наиболее значимых аспектов развития молодёжи, как наиболее инициативной категории населения. Молодые люди более склонны к нестандартным и импульсным поступкам ввиду естественного максимализма, в их структуре ценностей превалирует склонность к новому, необычному, отличному от заданных социальных норм. Отсутствие достаточного объёма накопленных знаний и опыта приводят к повышению риска ошибок, последствия которых могут быть критичными. Учитывая тот факт, что становление молодых людей происходит в достаточно сложных геополитических условиях и специфической информационной среде, их стремление к противопоставлению себя социальным установкам приобретает особую актуальность. Стремление открыть для себя и общества новые пути развития привлекает внимание к нестандартным формам инвестирования и заработка, что в значительной мере обусловлено высокой вероятностью утраты имеющихся ресурсов [Назарбаева, 2023, с. 41].

Молодые люди в силу присущих им потребностей склонны ориентироваться на визуально определяемый уровень успеха, по этой причине финансовый успех для них является одним из преимущественных

направлений, позволяющих обозначить своё положение в обществе посредством предоставления объективных артефактов [Browman, Destin, Kearney, 2019, p. 216].

Высокая коммуникативная активность обуславливает интенсивный обмен информацией между участниками тематических сообществ и в рамках дружеских коллективов. Поэтому любой поведенческий тренд может охватить большую долю молодёжи в сравнительно краткий период времени, достаточный для функционирования мошеннических схем, но слишком компактный для проведения объективной верификации данных. Представители молодёжи в целом не склонны затрачивать дополнительное время для минимизации рисков [Горчакова, Ларионова, Козлова, 2021, с. 17]. Поэтому вероятность их вовлечения в сомнительного рода деятельность характеризуется как высокая.

Молодые люди могут выступать собственно деструктивной стороной экономического поведения ввиду их склонности увлекаться образом результата, без учёта качества выбираемых средств. Среди преступлений в информационном секторе, значительная доля (37,8 %) приходится на деятельность лиц в возрасте 21-35 лет, что говорит о возможности трансформации молодёжи из категории жертвы в самостоятельную сторону правонарушений [Грошева, 2024, с. 66]. Риски делинквентной трансформации экономического поведения молодёжи непосредственно взаимосвязаны с демонстративными аспектами системы потребления, которая формирует установки абсолютной ценности результата при снижении значимости рационального выбора средств его достижения. По этой причине формирование конструктивных установок в молодёжной среде позволяет снизить уровень делинквенции на фоне неблагоприятной социальной и информационной сред, которые выступают в качестве внешней совокупности воздействующих факторов.

С целью определения особенностей воспроизводства рисков в системе экономического поведения молодёжи авторами статьи в составе исследовательской группы был проведён контент-анализ. Первый этап включал в себя качественный анализ без применения цифровых технологий, в рамках которого было проанализировано 228 статей за период 2024-2025 гг. Второй этап был основан на работе цифрового инструмента технологии искусственного интеллекта (на базе платформы GigaChat) – анализ 1270 статей за аналогичный период по ключевым словам и словосочетаниям, уточнённым в ходе первого этапа.

Результаты исследования позволили сформулировать комплекс внешних факторов, воздействующих на воспроизводство риска в системе экономического поведения молодёжи и превышения рациональных параметров и норм.

1. Дестабилизация социальной среды стимулирует молодых людей ориентироваться на достижение краткосрочных результатов. Средовые параметры не позволяют формировать долгосрочные планы, так как

основные параметры экономики и социальной жизни также характеризуются неопределённостью. В обществе активизируется и распространяется высокий уровень тревожности относительно вероятности и качества будущего, что непосредственно влияет на ориентиры молодёжи.

2. Насыщенная информационная среда в свою очередь предполагает большое количество данных, существующих параллельно в равной доступности для всех участников. Верификация материалов в большей степени находится в поле ответственности самих пользователей. Участники рынка в поисках сведений о финансовых инструментах сталкиваются с равноценным соотношением как негативной, так и положительной оценочной информации. Если с субъективной позиции недостаточность навыков анализа данных приводит к фрустрации, не позволяющей принять объективное решение, с точки зрения внешней среды – наблюдается недостаточный объём официальных инструментов, позволяющих верифицировать или проверить данные продукта для неквалифицированного экономического актора.

3. Воздействие на молодёжь со стороны субъектов экономической системы производится по разнонаправленным каналам, охватывающим большое количество целевой аудитории. Фрустрирующий дифференцированный материал компенсируется качеством и интенсивностью вирусной системы подачи данных. Наиболее востребованными становятся инструменты, которые получили большой импульс в информационной системе, что может не коррелировать с их эффективностью и безопасностью. Таким образом, информационное сопровождение выступает ведущим мотивирующим элементом в поведенческих установках, и поэтому нуждается в постоянном мониторинге со стороны государства.

4. Молодые люди во многом ориентируются на личностный фактор в определении выбора наиболее привлекательного продукта. Истории успеха руководителей крупных компаний активизируют желание молодёжи воспроизвести успех в другой сфере, что делает их уязвимыми перед мошенническими схемами, учитывающими недостаточный уровень знаний и опыта. Популярность бинарных опционов, ставок на спорт, финансовых пирамид объясняется верой людей в возможность эффективного заработка без дополнительных усилий, подкрепляемая многочисленными информационными кейсами и медиа-просветителями.

5. Значительная доля экономических продуктов характеризуется высокой долей риска и вероятностью потери средств ввиду специфики реализации обменных механизмов в рамках бирж и торговых операций. В целом значительная доля экономических поступков сопряжена с неопределённостью, изменчивостью и нестабильностью. Из этого следует стремление части молодёжи минимизировать те виды и сферы деятельности, которые имеют отношение к экономическому комплексу, таким образом они удерживают финансовые средства, замедляют денежный оборот и

предпочитают стратегию экономии и сбережения, что ведёт к стагнационным процессам в социально-экономической системе.

Анализ статистических данных и отчётов аналитических групп позволяет говорить об экономическом поведении как о высокорисковой форме реализации активности, которая сопряжена с необходимостью получения специальных знаний и построением структуры планов. Помимо специфических преступных деяний, реализуемых в современных условиях на почве развития цифровизации, присутствует большая группа неспецифических факторов, которые вызваны как общесоциальными феноменами (модой), так и сугубо индивидуальным подходом к активности в целом. По этой причине достижение тех или иных показателей экономической активности должно учитывать комплекс вероятных последствий и побочных эффектов, которые могут быть получены ввиду взаимозависимости смежных видов активности и сфер жизни общества. Дивергенция интересов и потребностей социальных институтов и социальных общностей в свою очередь формирует конфронтационные аспекты реализации поведения, конструируя демонстративность поведения с одной стороны, и чрезмерную рациональность и экономию – с другой. Включение в систему формирования установок дезинформационных компонентов оказывает деформирующее воздействие на стабильность экономического поведения, вызывая импульсные группы действий в условиях панических настроений и высокой тревожности. Анализ проблемы следует ориентировать на соотношение необходимого уровня жизни населения, оптимального уровня интенсивности активности и социальных ресурсов, направленных на сдерживание негативных последствий.

Литература

Горчакова, О.Ю., Ларионова, А.В., Козлова, Н.В. (2021). Современное экономическое поведение: установки, представления и психологические особенности молодежи. *Психология и Психотехника*. № 4. С. 15–32.

Грошева, Л.И. (2024). Лимитирование благ как фактор восприятия неравенства в системе установок и ориентиров молодежи. *Социальное время*. № 3 (39). С. 66–83.

Назарбаева, Е.А. (2023). Восприятие феномена бедности населением: кого и почему россияне считают бедным? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. № 4. С. 30–53.

Browman, A.S., Destin, M., Kearney, M.S. (2019). How economic inequality shapes mobility expectations and behavior in disadvantaged youth. *Natural Human Behavior*. № 3. Pp. 214–220.

ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ

И.Н. Дубина

Алтайский государственный университет,
igor_dubina@yahoo.com

Аннотация. В статье представлен анализ динамики основных экономических и демографических показателей Алтайского края за период 2000-2022 гг., определены тенденции их изменения, а также их взаимосвязанность. В качестве исследуемых переменных рассматривались показатели численности населения, число родившихся и умерших, прибывших и выбывших, средняя продолжительность жизни, среднедушевой доход, ВРП, ВРП на душу населения и др., а также соответствующие относительные и приведенные показатели. Для анализа использовались методы визуально-графического, корреляционного и многофакторного регрессионного анализа. Рассматривались свыше 20 статистических показателей демографического и социально-экономического развития региона за период 2000-2022 гг. В качестве базовой модели для регрессионного анализа использована модель на основе функции Кобба-Дугласа. На основе корреляционного анализа и пошаговой регрессии, с учетом оценки мультиколлинеарности и статистической значимости параметров модели, были отобраны три фактора для включения в эконометрическую модель, которые достаточно сильно и статистически значимо связаны с численностью населения: численность выбывшего населения, реальные среднедушевые доходы населения и валовый региональный продукт на душу населения в сопоставимых ценах. В результате сравнения обобщенного показателя эффективности влияния факторов на изменение общей численности населения с показателем масштаба влияния факторов на это изменение сделан вывод о тенденции снижения численности населения региона за исследуемый период при увеличении масштаба социально-экономических факторов, что указывает на экстенсивное развитие экономики региона.

Ключевые слова: демографические и экономические показатели, корреляционно-регрессионный анализ, функция Кобба-Дугласа, Алтайский край.

1. Введение: Особенности демографических процессов в Алтайском крае

Динамика демографических процессов, происходящих в Алтайском крае на протяжении последних 20 лет, указывает на чрезвычайную актуальность анализа и решения проблемы депопуляции региона. Происходит повторение общероссийских трендов, численность населения подчиняется воздействиям демографических волн. В то же время основным негативным

отличием является принадлежность к группе регионов с устойчивым миграционным оттоком, что характерно для многих субъектов Сибирского федерального округа. При происходящей частичной компенсации миграции в другие регионы приезжающими из северных регионов страны и среднеазиатских республик СНГ происходит качественное замещение человеческого капитала: в число покидающих регион преимущественно входят граждане трудоспособного возраста (30-35 лет) с высшим образованием, в свою очередь среди приезжающих много граждан старшей возрастной категории и рабочих низкой квалификации [Сергиенко, 2021]. В Алтайском крае за период 2000-2010 был сформирован регрессивный тип возрастной структуры населения, когорта пожилых людей непрерывно увеличивалась с 19,1 % до 21,1 % в общей численности населения.

Одной из существенных проблем для сохранения демографического потенциала Алтайского края является высокая смертность от внешних причин мужчин в возрасте 20-39 лет, то есть в трудоспособном и наиболее важном для демографии возрасте, связанная со смертями в результате ДТП, последствий употребления алкоголя, травм, криминала. Причинами данных явлений выступают низкий уровень заботы о собственном здоровье и высокая частота девиантного поведения. Уровень простого воспроизводства населения обеспечивается лишь в некоторых сельских районах, причем в городах показатель числа рождений значительно ниже (коэффициенты рождаемости 1,239 и 1,896 для городского и сельского населения соответственно). В целом, снижение численности жителей сельской местности вызвано продолжающимися процессами урбанизации, а также смертностью населения, проживающего в условиях низкой доступности медицинской помощи, которые обусловлены географическими и инфраструктурными особенностями сельских районов.

В 2020 году произошло резкое ускорение депопуляции края за счет увеличения смертности и продолжения снижения рождаемости, обусловленного старением населения, снижением темпов экономического роста и миграционными процессами. В 2021 году произошел очередной рост смертности в крае, которая достигла показателя в 43 тыс. человек и стала крупнейшей за последние 10 лет. Отмечается, что помимо пандемии коронавируса на данный результат оказало влияние снижение численности жителей детородного возраста.

В проведенном исследовании проанализированы тренды основных демографических показателей Алтайского края с использованием математико-статистических методов (визуально-графического, корреляционного, многофакторного регрессионного анализа) и функции Кобба-Дугласа.

2. Корреляционный анализ

Исходной базой для анализа послужили абсолютные значения демографических и экономических показателей за период 2000-2022 гг.:

(численность населения, число родившихся, число умерших, число прибывших, число выбывших, среднедушевые доходы, средняя продолжительность жизни, ВРП в текущих ценах) а также индекс потребительских цен и индекс-дефлятор. Данные получены из официальных ресурсов Росстата (www.gks.ru) и Алтайкрайстата (akstat.gks.ru).

Исходные данные переведены в соответствующие относительные и приведенные показатели (коэффициент рождаемости, коэффициент смертности, коэффициент прибытия, коэффициент выбытия, естественный прирост, коэффициент естественного прироста, механический прирост, коэффициент механического прироста, реальные среднедушевые доходы населения, ВРП на душу насел. (в текущих ценах), ВРП (в сопоставимых ценах 2016 года), ВРП (в сопоставимых ценах) на душу населения).

На основе корреляционного анализа и визуально-графического анализа можно сделать следующие выводы.

1. Наблюдается значимая обратная сильная связь между переменными «численность населения» и «год наблюдения» ($r=-0,97$, $p<0,05$), то есть устойчивый, близкий к линейному, тренд снижения численности населения за рассматриваемый период.

2. Динамика рождаемости имеет нелинейный характер, поэтому соответствующий коэффициент корреляции является незначимым. Причем в рассматриваемой динамике наблюдается 2 «волны»: 1) подъем с 2000 до 2003 гг., что связано с ростом числа потенциальных матерей 15-49 лет; и спад до 2006 г., что связано с дальнейшим сокращением их числа [Еремин, 2011]; 2) подъем с 2007 г. по 2012 с плато в 2008-2011 гг., что связано с мерами по повышению рождаемости («материнский капитал» и др.), а также за счет более поздних рождений у женщин в возрасте 25 лет и старш.; и 3) относительно резкий спад с 2013 г. вплоть до 2020 г., что связано со снижением суммарной численности женщин 20-39 лет [Еремин, 2013].

3. Динамика смертности также имеет нелинейный характер, аппроксимируемый двумя кусочно-линейными трендами с разным наклоном, характеризующими повышение смертности с 2000 по 2003 гг., что в значительной степени связано со старением населения, так как доля лиц в возрасте старше трудоспособного увеличилась с 18,6 % до 20,3 % [Еремин, 2013], и дальнейшее устойчивое снижение с 2004 по 2019 гг., что связано с реализацией комплекса мер по решению первоочередных демографических проблем. Однако, в 2020 г. наблюдается заметный рост смертности, причиной чего явилась пандемия COVID-19. Поскольку снижающийся тренд наблюдается в большей части рассматриваемого периода, корреляционная связь между переменными *nasel* и *smert* значимая, прямая, сильная ($r=0,78$, $p<0,05$), что, разумеется, было бы ошибочно интерпретировать в терминах причинно-следственной связи. Сильная обратная связь наблюдается между числом умерших и другими признаками: продолжительностью жизни ($r=-0,93$, $p<0,05$), абсолютными и приведенными значениями экономических показателей ($|r|>0,75$, $p<0,05$); заметная прямая связь обнаруживается с

индексом цен, который отчасти отражает инфляционные процессы ($r=0.59$, $p<0,05$). Но, опять-же, это связи не причинно-следственные, а соотнесенные, поскольку на все коррелируемые признаки по-разному влияет фактор времени, отражающий некоторую конфигурацию многих других факторов.

Естественный прирост за весь рассматриваемый период отрицателен (превышение смертности над рождаемостью) С 2000 по 2013 наблюдается немонотонное повышение показателя (в 2013 г. наблюдалось минимальное превышение смертности над рождаемостью), но с 2014 г. наблюдается устойчивое снижение, особенно сильное в 2020 г.

4. Динамика количества прибывших и убывших практически совпадает по распределению (коэффициент корреляции между этими переменными достигает 0,99), но с практически неизменной тенденцией превышения числа убывших. Здесь наблюдаются три основных тренда: 1) заметное снижение численности с 2000 по 2009 г., объяснимое тем, что общее улучшение экономической ситуации при сохранении дифференциации условий в регионах снижает, а не повышает трудовую мобильность, сокращает возможности для свободного перемещения [Максимова и др., 2013]; 2) резкий рост с 2010 по 2013 гг., обусловленный «стягиванием» сельского населения в города, вызванным углублением кризиса социальной инфраструктуры села; и 3) снижение численности с 2014 по 2020 гг. с плато в 2016 и 2017 гг., что может быть связано с последствиями общероссийского экономического кризиса 2014 года, так как наибольшая миграционная активность в крае свойственна лицам трудоспособного возраста, принявшим решение не менять место жительства в ситуации неопределенности. Эта категория составляет около 73% как среди прибывших, так и выбывших [Сергиенко, 2019].

Механический прирост населения (разница между прибывшими и убывшими) отрицателен за весь рассматриваемый период (превышение числа убывших над прибывшими), но до 2009 г. наблюдается уменьшение этой разницы, а с 2010 г. устойчивых трендов не наблюдается. Корреляция между населением и механическим приростом населения (разница между прибывшими и убывшими) статистически незначима, то есть изменение разницы значений показателей миграции не являются существенными для объяснения динамики населения края, так как значительно большее влияние в абсолютных значениях оказывает разница между рождаемостью и смертностью (естественная убыль населения).

5. В динамике средней продолжительности жизни наблюдаются два четких линейных тренда: 1) снижающийся в 2000-2005 гг. с 66,6 до 64,6 лет и 2) повышающийся с 66,5 до 71,6 лет в период 2006-2019 гг., что может быть связано с общим улучшением экономической ситуации, развитием системы медицинской помощи населению и эффектом от мер предотвращения преждевременной смертности от отравлений, убийств, ДТП, самоубийств и др., но в 2020 этот показатель вновь снизился до 70,2. Коэффициент корреляции этого показателя с численностью населения

статистически значимый и отрицательный ($r=-0,89$; $p<0,05$), что демонстрирует тенденцию увеличения средней продолжительности жизни на фоне уменьшения численности населения.

6. Все рассматриваемые экономические показатели развития края (ВРП, ВРП на душу населения, среднедушевой доход в абсолютных и приведенных значениях) демонстрируют устойчивую тенденцию роста, но наблюдается замедление его темпов в 2008-2009 гг., 2012-2014, 2017-2020, что связано с общемировыми кризисами 2008 и 2014 г., а также ухудшением экономической ситуации в целом в стране после 2014 г. из-за гео- и внутривнутриполитических и экономических сложностей. Наблюдается очень сильная отрицательная корреляция численности населения со всеми рассматриваемыми экономическими показателями в абсолютных и приведенных значениях ($|r|>0,94$, $p<0,05$), поскольку тенденции изменения этих показателей противоположны. С индексом цен корреляция численности населения сильная положительная ($r=0,82$, $p<0,05$), поскольку оба ряда значений демонстрируют нисходящие тренды за рассматриваемый период.

Таким образом, ни один из рассматриваемых показателей не определяет динамику численности края, которая сложным образом зависит и от нелинейной конфигурации рассматриваемых параметров, и от ряда других факторов, не представленных в официальной статистике. Корреляционный анализ не может в данном случае характеризовать действительную связанность различных показателей. Во-первых, связь между рядом рассматриваемых показателей является нелинейной; во-вторых, в силу мультиколлинеарности (сильной корреляционной связи показателей друг с другом) из-за общего влияния “третьего” фактора (в данном случае времени) возникает эффект ложных корреляций [Дубина, 2010], как например в случае смертности и среднедушевых доходов; в третьих динамика ряда показателей, в силу ее сложности, не может быть объяснена одним факторным признаком. Поэтому далее мы используем методы многофакторного регрессионного анализа.

3. Регрессионный анализ

На первом этапе исследования был проведен содержательный анализ совокупности факторов с целью оценки их влияния на изменение численности населения Алтайского края и дальнейшего их отбора, на основе визуально-графического и корреляционного анализа, в эконометрическую модель. На основе построенной корреляционной матрицы, показывающей количественную оценку тесноты и направления связи между численностью населения и совокупностью основных демографических и социально-экономических региональных показателей, включенных в базу данных, с учетом оценки их мультиколлинеарности и статистической значимости, были отобраны три фактора для дальнейшего включения в эконометрическую модель, которые достаточно сильно и статистически значимо связаны с численностью населения: численность выбывшего населения, реальные

среднедушевые доходы населения и валовый региональный продукт на душу населения в сопоставимых ценах (все парные коэффициенты корреляции между численностью населения и указанными факторами являются статистически значимыми).

Следует обратить внимание на то, что связь между численностью населения и отобранными факторами носит обратный характер. Если обратная связь между численностью населения региона и числом населения, выбывшего из региона, является закономерной, то наличие обратной связи между численностью населения с реальными среднедушевыми доходами населения и валовым региональным продуктом на душу населения, на первый взгляд, непонятна. По нашему мнению, обоснованием такой обратной связи являются имеющие место обратные тенденции изменения, с одной стороны, численности населения региона, а с другой стороны - реального среднедушевого дохода населения и ВРП на душу населения за исследуемый период времени с 2000 по 2020 годы, где из года в год прослеживается сокращение численности населения и «экстенсивный» рост вышеперечисленных социально-экономических показателей, т.е. чем меньше численность населения, тем выше их реальные среднедушевые доходы и, соответственно, выше ВРП на душу населения в сопоставимых ценах, что в частности подтверждает экстенсивный путь развития экономики региона.

Проведенный визуально-графический анализ также позволил сделать вывод о том, что наибольшее влияние на изменение численности населения Алтайского края за исследуемый период времени оказали вышеперечисленные факторы.

На основании построенной корреляционной матрицы можно сделать вывод, что наблюдается статистически значимая и достаточно тесная связь ($r > 0,6$, $p < 0,05$) численности населения с отобранными факторными переменными. Однако, ввиду анализируемых нами ранее причин установленной тенденции убыли населения, выявленные связи численности населения с демографическими и социально-экономическими факторами носят порой противоречивый характер, что может иметь место при линейной форме связи между исследуемыми показателями. Поэтому мы пришли к выводу о целесообразности использования при проведении регрессионного анализа нелинейной формы связи, где за основу исследования взяли производственную функцию Кобба-Дугласа, суть которой состоит в определении изменения объемного показателя за счет влияния только двух групп факторных переменных, а именно, труда и капитала, как главных составляющих элементов производственных ресурсов [Зиновьев и др., 2022]. В соответствии с нашим исследованием, к первой группе факторов, характеризующих условно «труд» мы отнесли демографические факторы, в частности – численность выбывшего населения, а к второй группе факторов, характеризующих условно «капитал» - социально-экономические факторы, в частности - реальные среднедушевые доходы населения и валовый региональный продукт на душу населения в сопоставимых ценах.

Таким образом, выбор производственной модели Кобба-Дугласа, в качестве инструмента анализа изменения численности населения Алтайского края, позволяет одновременно проследить за изменением сразу нескольких основных показателей, характеризующих состояние и развитие региона.

По проведенным вычислительным процедурам с использованием пакета прикладного статистического анализа Statistica было установлено, что множественный коэффициент корреляции (R) равный 0,99 подтверждает тесную связь между численностью населения с совокупным влиянием отобранных факторов, а рассчитанный коэффициент детерминации (R²) по построенной модели, показывает высокую степень влияния на изменение численности населения, включенных в модель системы таких факторных переменных как валового регионального продукта на душу населения в сопоставимых ценах, численности выбывшего населения и реальных среднедушевых доходов населения.

В результате, построенная модель имеет следующий вид:

$$Y_t = 8,47 * K^{-0,1} * L^{-0,004} * I^{-0,02}.$$

Представленная модель показывает степень влияния валового регионального продукта на душу населения в сопоставимых ценах (K), численности выбывшего населения (L) и реальных среднедушевых доходов населения (I) на изменение численности населения Алтайского края. При этом, параметры данной модели характеризуют показатель эластичности численности населения по двум группам факторов – демографических и социально-экономических, т.е., предполагается, что при увеличении численности выбывшего населения из региона на 1% численность населения в среднем уменьшается на 0,004%. Соответственно, при увеличении реальных среднедушевых доходов населения на 1% численность населения уменьшается на 0,02%, а при увеличении валового регионального продукта на душу населения в сопоставимых ценах на 1% численность населения уменьшается в среднем на 0,1%, что характеризует уже неадекватную ситуацию, вызванную обратной связью численности населения со второй группой факторов. Такая ситуация обосновывается недостаточными темпами роста социально-экономических показателей региона, что ведет к сокращению численности населения.

На основе сравнительной характеристики рассчитанных коэффициентов эластичности, можно предположить, что в настоящее время уменьшение численности населения региона весьма чувствительно реагирует на изменение объема валового регионального продукта и реального среднедушевого дохода и незначительно на прирост численности выбывшего населения. Видим, что наблюдается не только тенденция снижения численности населения экономика региона, но и непропорциональное снижение производственной функции, т.е имеет место снижение эффективности социально-экономических факторов. Это означает, что если исследуемые нами демографические факторы (численность выбывшего населения) и социально-экономические факторы (реальные среднедушевые

доходы населения и ВРП на душу населения в сопоставимых ценах) увеличиваются в некоторой пропорции, то численность населения региона уменьшается в меньшей пропорции, а именно темпы снижения численности населения не превышают темпы роста демографических и социально-экономических факторов. Поэтому, говорить об интенсивном влиянии социально-экономических факторов, направленных на рост численности населения региона, преждевременно. Данный вывод подтверждается относительными изменениями общей численности населения региона, численности выбывшего населения, реальных среднедушевых доходов населения и валового регионального продукта на душу населения в сопоставимых ценах за исследуемый период по статистическим данным. Общая численность населения за исследуемый период сократилось на 13%, хотя реальные среднедушевые доходы населения выросли в 22,7 раза, ВРП на душу населения в сопоставимых ценах вырос в 2,6 раза, при этом численность выбывшего населения сократилась на 4%.

В связи с этим возникает вопрос о взаимозаменяемости факторов, а именно: на какую величину необходимо увеличить затраты одного фактора при снижении затрат другого фактора на единицу. Вопрос соотношения затрат замещающих друг друга факторов решается при помощи введения такого понятия, как эластичность замещения демографических и социально-экономических факторов, которая определяется соотношением затрат замещающих друг друга факторов при неизменной общей численности населения [Зиновьев и др., 2022].

На основе построенной модели Кобба-Дугласа дана оценка изменения общей численности населения Алтайского края в результате влияния основных демографических и социально-экономических факторов. Можно сделать вывод о тенденции снижения численности населения региона за исследуемый период при увеличении масштаба социально-экономических факторов, что указывает на экстенсивное развитие экономики региона.

Литература

Дубина И.Н. Математико-статистические методы эмпирических социально-экономических исследований. – М.: Финансы и статистика, 2010. – 416 с.

Еремин А.А. Динамика и территориальная дифференциация региональной демографической ситуации на современном этапе (на примере Алтайского края): автореферат диссерт. на соиск. уч. ст. канд. геогр. наук. - Воронеж, 2011.

Еремин А.А. Динамика смертности в Алтайском крае на современном этапе // Известия АлтГУ. 2013. №3 (79).

Зиновьев А. Г., Дубина И. Н., Тарасов Д. О. АНАЛИЗ ЭКОНОМИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ТЕНДЕНЦИЙ В АЛТАЙСКОМ КРАЕ // Экономика Профессия Бизнес, 2022. № 3. С. 56-68.

Максимова С.Г., Гончарова Н.П., Ноянзина О.Е. Трудовая миграция в Алтайском крае: Состояние, динамика и социально-экономические последствия // Вестник АГАУ. – 2013. - №5 (103). – С. 129-133.

Миграция сельской молодежи: в фокусе – Алтайский край [Текст]: коллективная монография / под общ. ред. А.М. Сергиенко. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – 325 с.

Сергиенко А.М. «Не все мечтают уехать»: как миграция меняет качественный состав населения Алтая // Алтайский филиал РАНХиГС, 18.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.alt.ranepa.ru/pressroom/news/ne_vse_mechtayut_uehat_kak_migratsiya_menyayet_kachestven_6330.html (дата обращения: 27.02.2022).

АНАЛИЗ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕГИОНАХ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Н.Р. Зангеева

Байкальский институт природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ
zangeeva@binm.ru

*Работа выполнена в рамках бюджетного проекта БИП СО РАН
№ 122021800169-0*

Аннотация. Демографическое развитие является главным краеугольным камнем стратегического развития. В этом аспекте особенно актуальными являются территории, имеющие особый статус геостратегического развития. В работе проведен анализ демографических процессов в геостратегических регионах Азиатской России, отражающий динамику основных структурных трансформаций.

Ключевые слова: демографические процессы, геостратегические территории, Азиатская Россия.

В современных условиях демографическое пространственное развитие является одной из ключевых проблем научного анализа. Россия занимает первое место в мире по площади территории, при этом сокращение численности населения создает угрозы стабильного пространственного развития. В этом аспекте большого внимания заслуживают регионы, имеющие особый геостратегический статус, к таким территориям относятся регионы, выделенные стратегией пространственного развития РФ.

Согласно редакции Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, от 28 декабря 2024 г. № 4146-р, к геостратегической территории относится территория в границах одного или нескольких субъектов Российской Федерации (части субъектов Российской Федерации), имеющей существенное значение для обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности, развитие которой требует дополнительных ресурсов в связи со специфическими условиями жизни и ведения хозяйственной деятельности [Стратегия..., 2024].

В перечень геостратегических территорий среди регионов Азиатской России вошли все регионы Дальневосточного федерального округа, занимающие более 50 % территории (Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ) [Стратегия..., 2024].

С учетом приоритетов пространственного развития демографическая ситуация в этих регионах крайне неблагоприятная. За период с 1990 по 2023 гг. численность населения регионов сократилась на 2,6 млн человек, что

свидетельствует о масштабной депопуляции населения, за исключением Республики Саха (Якутия), где прирост составил (3,1%). Основными лидерами потери населения являются Чукотский автономный округ (-69,6%), Магаданская область (-65,3%), Камчатский край (-44,1%), Сахалинская область (-36%) (таблица 1) [Госкомстат; Регионы России].

Таблица 1
Численность населения геостратегических регионов Азиатской России, тыс. чел.

Геостратегические территории	Численность населения, тыс. чел.				
	1990 г.	2019 г.	2023 г.	прирост/убыль на 2023 г. к 1990 г., %	прирост/убыль на 2023 г. к 2019 г., %
Республика Бурятия	1052	986	971,9	-7,6	-1,4
Республика Саха (Якутия)	1119	972	1001,7	-10,4	3,1
Забайкальский край	1389	1060	984,4	-29,1	-7,1
Камчатский край	517	313	288,9	-44,1	-7,7
Приморский край	2310	1896	1806,4	-21,8	-4,7
Хабаровский край	1625	1316	1278,1	-21,3	-2,9
Амурская область	1054	790	750,1	-28,8	-5,1
Магаданская область	385	140	133,4	-65,3	-4,7
Сахалинская область	715	488	457,6	-36	-6,2
Еврейская автономная область	219	158	145,8	-33,4	-7,7
Чукотский автономный округ	158	50	48	-69,6	-4,0

Следует отметить, что определенный геостратегический статус за последние годы не способствовал стабилизации численности населения в регионах. За период с 2019 по 2023 гг. сокращение общей численности населения в этих регионах составило 302,7 тыс. чел.

В разрезе по основным демографическим параметрам отмечается снижение уровня рождаемости. Практически во всех регионах максимальный

уровень рождаемости фиксировался в период с 2007 по 2016 гг., в результате вхождения в детородный возраст поколения, родившихся в 80-х годах и стабилизацией политической и экономической обстановки в стране.

В динамике суммарного коэффициента рождаемости отмечаются общероссийские тенденции к снижению (рисунок 1) [Регионы..., 2020; 2024]. Уровень суммарного коэффициента необходимого для простого воспроизводства населения фиксировался только в 2015 – 2016 гг., в последующие годы отмечается его снижение. Несмотря на реализацию различных мер государственной поддержки федерального и регионального уровней во всех регионах за 2015 – 2023 гг. общее сокращение среднего значения коэффициента составило 0,4 %. Во многом это связано со снижением доли женщин репродуктивного возраста, с трансформацией возрастной структуры населения, где отмечается старение населения, а также с изменением репродуктивного поведения, сформировавшегося за последние годы.

Рисунок 1. Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на 1 женщину)

По соотношению миграционного и естественного прироста (убыли) населения, за последние 30 лет, следует отметить сокращение численности населения в результате естественной убыли [Рассчитано..., 2015]. Основной причиной сложившейся депопуляции является масштабный рост уровня смертности, начавшийся в 90-е годы. По сравнению с другими регионами страны основной пик роста смертности в регионах Дальнего Востока начался чуть позже в конце 90-х годов, это связано с более молодой возрастной структурой, сложившейся к тому времени. Однако социально-экономические трансформации в результате смены политического строя, крайне негативно отразились в целом на демографической ситуации и привели к большому оттоку населения и росту смертности среди лиц трудоспособного возраста.

В разрезе параметров демографических процессов все регионы геостратегического развития на 2022 г. вошли в группу с преобладающим уровнем естественной убыли и миграционного оттока населения, за исключением Республики Саха (Якутия) и Чукотского автономного округа, где уровень миграции преобладает над естественным приростом (таблица 2).

Таблица 2

*Группировка регионов Азиатской России
по динамике основных демографических процессов*

Годы	2008	2015	2022
Число субъектов АР, в которых население сократилось за счет:			
естественной убыли и миграционного оттока населения	1. Алтайский край 2. Приморский край 3. Амурская область 4. Иркутская область 5. Магаданская область 6. Омская область 7. Сахалинская область	1. Алтайский край 2. Приморский край 3. Амурская область 4. Кемеровская область 5. Курганская область 6. Еврейская авт. область	1. Республика Бурятия 2. Республика Хакасия 3. Алтайский край 4. Забайкальский край 5. Приморский край 6. Камчатский край 7. Хабаровский край 8. Амурская область 9. Иркутская область 10. Кемеровская область 11. Курганская область 12. Магаданская область 13. Омская область 14. Свердловская область 15. Сахалинская область 16. Томская область 17. Еврейская авт. область
превышения естественной убыли над миграционным приростом	1. Красноярский край 2. Хабаровский край 3. Кемеровская	-	1. Красноярский край 2. Новосибирская область 3. Челябинская

	область 4. Курганская область 5. Свердловская область 6. Челябинская область 7. Еврейская автономная область		область
превышения миграционного оттока над естественным приростом	1. Республика Саха (Якутия) 2. Забайкальский край 3. Камчатский край 4. Чукотский автономный округ	1. Забайкальский край 2. Камчатский край 3. Хабаровский край 4. Иркутская область 5. Магаданская область 6. Сахалинская область 7. Чукотский авт. округ 8. Ямало-Ненецкий авт. округ	1. Республика Алтай 2. Республика Саха (Якутия) 3. Ямало-Ненецкий авт. округ 4. Чукотский авт. округ
Число субъектов АР, в которых население увеличилось за счет:			
естественного и миграционного приростов	1. Республика Алтай 2. Республика Хакасия 3. Тюменская область 4. Ханты- Мансийский Югра автономный округ	1. Республика Хакасия 2. Красноярский край 3. Новосибирская область 4. Свердловская область 5. Томская область 6. Тюменская обл. 7. Челябинская область	1. Ханты- Мансийский авт. округ-Югра 2. Тюменская область
превышения естественного прироста над	1. Республики Бурятия 2. Республика	1. Республики Алтай 2. Республика	1. Республика Тыва 2. Ямало-Ненецкий

миграционным оттоком	Тыва 3. Ямало-Ненецкий авт. округ	Бурятия 3. Республика Саха (Якутия) 4. Республика Тыва 5. Омская область 6. Ханты-Мансийский Югра авт. округ	авт. округ
превышения миграционного прироста над естественной убылью	-	-	-

Примечание: геостратегические регионы выделены курсивом

Как показывает пространственный анализ демографических изменений, численность населения сокращается повсеместно, в особенности на приоритетных территориях геостратегического развития. Происходит интенсивный процесс сжатия заселенного пространства, что требует повышенного внимания, комплексного подхода к разработке и реализации региональных и федеральных программ демографического развития.

Литература

Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года, от 28 декабря 2024 г. № 4146-р. Госкомстат. Демография. <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2020: Стат. сб. / Росстат. – М., 2020. – 1242 с.

Регионы России. Социально-экономические показатели. 2024: Стат. сб. / Росстат. – М., 2024. – 1081 с.

Рассчитано в среднем с 2015 – 2022. по Численность и миграция населения Российской Федерации за 2015 – 2019 гг. [Эл. ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204> (дата обращения: 17.05.2024).

СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА УРОВНЯ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Иванова Е.И.

Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, Москва
Eligivan@ecfor.ru

Аннотация. С 2021 по 2024 гг. в России происходит рост доходов населения, что прослеживается по динамике показателей уровня бедности, реальных доходов и реальных располагаемых доходов. Сохраняются ли при этом региональные различия в показателях уровня дохода населения или наблюдается тенденция к их выравниванию? Цель доклада – выявить тенденции изменения значений показателей уровня жизни населения Сибирского федерального округа (СФО) в сравнении с другими субъектами Российской Федерации за 2005-2023 гг. Методы: в работе применены метод вариационного анализа и индексный метод, на основе которого исследована динамика суммарного индекса денежных доходов населения (рассчитан как сумма частных индексов: индекса доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума (ВПМ) и индекса отношения среднедушевых денежных доходов (СД) населения к ВПМ). Результаты распределения субъектов Сибирского ФО по величине суммарных индексов доходов показали устойчивое повышение доли регионов с высокими и средними значениями индекса, сокращение – доли регионов с низкими значениями. Среди основных факторов, определяющих направление региональной дифференциации, автор выделяет социально-экономические, социально-управленческие, акцентирует внимание на изменении методики расчета ВПМ с 2021 г.

Ключевые слова: Уровень жизни, среднедушевые денежные доходы, региональная дифференциация, величина прожиточного минимума, факторы дифференциации.

Keywords: Living standards, per capita incomes, regional differentiation, cost of living, differentiation factors

Повышение уровня жизни населения Российской Федерации не только остается актуальной проблемой в области социально-экономической политики, направленной на преодоление социального неравенства, но и приобретает социально-политическую значимость в качестве социального

критерия обеспечения безопасного состояния экономики России и ее регионов¹.

Темпы роста реальных располагаемых денежных доходов населения СФО за 2019-2024 гг. составили 7,1%, что выше среднероссийского значения (6,1%)². Наиболее значимый прирост значений показателя за пять лет наблюдался в Центральном и Северо-Западном федеральном округах: 11,7% и 10%, соответственно. Следует отметить, что рост был прерван в кризисном 2020 г. и быстро восстановился с 2021 г. При этом в предшествующий период происходило снижение реальных денежных доходов: за период 2014 - 2017 гг. совокупное значение убыли составило 9,1%.

Тенденция к росту реальных доходов населения – важный стимул для экономического развития России, сохранения социальной стабильности. Но отмеченный рост может быть вызван влиянием временных факторов, таких как повышение зарплат и доходов от собственности, наблюдаемых в последние годы. Тенденции к росту противостоят дефицит кадров, отставание производительности труда от темпов роста его оплаты во многих регионах России, что способствует сохранению регионального социально-экономического неравенства.

Региональные оценки дифференциации уровня жизни населения учитывают различный набор показателей. Наиболее часто встречается классификация субъектов РФ и муниципальных образований региона по структуре и уровню доходов и потребительских расходов населения. Разработаны методологические рекомендации по оценке влияния различий в стоимости жизни на неравенство в размерах дохода (Суринов, 2021). Эксперты учитывают воздействие региональных различий в соотношении социальных расходов консолидированного бюджета на душу населения с ВПМ (Митяков и др., 2023), различий в социально-демографической структуре, состоянии жизненного потенциала населения, которые сказываются на размерах и структуре доходов и расходов домашних хозяйств (например, Елизаров, 2018, Иванова, 2023).

Целью предлагаемого доклада является выявление тенденций изменения показателей уровня жизни населения Сибирского ФО в сравнении с другими субъектами Российской Федерации за 2005-2023 гг. Оценка уровня жизни

¹ Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208. 18 с. Стр.5-6. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921> (дата обращения 10.08.2025).

² Рассчитано по данным Росстата. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43278> (дата обращения 5.09.2025).

основывается на расчете показателей, в состав которых входит категория «прожиточный минимум», позволяющих оценить как социальные условия жизнедеятельности людей, так и их экономические возможности.

Среди показателей, характеризующих региональное неравенство в уровне жизни населения, исследуются доля населения с доходами ниже величины прожиточного минимума (ВПП) и соотношение среднедушевого дохода и величины прожиточного минимума (СД и ВПП). Показатель доли населения с доходами ниже ВПП оценивает долю бедного населения, уровень бедности (до конца 2020 г., с 2021 г. уровень бедности оценивается на основе границы бедности). Показатель соотношения СД и ВПП характеризует покупательную способность населения.

В исследовании была проведена комплексная оценка показателей дохода населения (доли населения с доходами ниже ВПП и соотношения СД и ВПП) за исследуемый период на основе индексного подхода. Исходные показатели были преобразованы в индексы с помощью метода нормирования. Максимальные и минимальные значения определялись исходя из эмпирических оценок значений показателей. Чем больше разрыв между значениями показателей для каждого региона и их минимальными оценками среди субъектов Российской Федерации, тем выше индекс и, соответственно, данный регион занимает более высокое положение в рейтинге относительно других. Итоговое значение индекса, назовем его «суммарный региональный индекс дохода», было получено путем суммирования двух частных индексов. Суммарные индексы доходов были рассчитаны за 2005, 2013, 2021, 2022 и 2023 гг. Всего было выделено семь групп регионов: первый – с самыми высокими значениями индекса, седьмой – с самыми низкими его значениями.

Для каждого показателя, в том числе, и индексов, были рассчитаны коэффициенты региональной вариации, что позволило сопоставить между собой средние отклонения значений показателей и индексов для субъектов РФ от их средних величин (чем больше отклонение, тем большее значение будет иметь коэффициент вариации).

Результаты исследования

1. Различия в показателях уровня жизни по всем субъектам РФ. За период 2005–2023 гг. наблюдалось значительное снижение межрегиональных различий в уровне СД населения: различия между максимальными и минимальными значениями показателя сократились с 10,2 до 5,7 раз. Изменение соотношения максимальных и минимальных региональных значений ВПП также значимо: в 2005 г. соотношение составило 7,5 раза, в 2023 г. – 3,1 раза.

Доля населения с денежными доходами ниже ВПП за период 2005–2023 гг. в целом по России уменьшилась более чем в 2 раза - с 17,8 % до 8,5 %. За тот же период минимальное значение для субъектов РФ снизилось

в 4,5 раза – до 3.6% (Ямало-Ненецкий АО), максимальное – в 3,6 раз до 27,7% (республика Ингушетия). В Сибирском ФО наиболее значительное снижение максимальных величин отмечалось в республиках Алтай – с 35,9% до 16,5%, и Тыва – с 44,4 % до 23,5%. Однако, несмотря на снижение, республики так и сохранили лидерство по значению показателя. Наименьшее значение доли бедного населения в 2023 г. отмечалось в Новосибирской области – 9,6%, оно снизилось более чем в 2 раза с 2005 г. Разрыв между максимальными и минимальными значениями показателя составлял в 2023 г. 2,5 раза.

В 2005-2015 гг. наблюдалось повышение минимальных значений и снижение максимальных значений соотношения СД и ВПМ, вследствие чего произошло выравнивание межрегиональных различий в покупательной способности СД населения. В 2015 гг. разрыв между ними сократился до 2,7 раз, это самый низкий уровень за наблюдаемый период, с 2016 г. до 2023 г. различия углублялись. В Сибирском ФО в 2024 г. минимальное значение соотношения СД и ВПМ отмечалось в Республике Тыва – 215%, максимальное – в Новосибирской области (382%).

2. Классификация субъектов Сибирского федерального округа по показателям уровня жизни.

Результаты классификации субъектов Сибирского федерального округа Российской Федерации по значениям суммарного регионального индекса дохода приведены в таблице 1.

В 2005 г. наблюдалось резкое разграничение регионов по показателям уровня жизни населения: половина находилась в отстающих 6 и 7 группах (включая Новосибирскую область), к относительно благополучным относилась только Кемеровская область (3 группа), и четыре региона занимали промежуточное положение в классификации (4 группа). К 2013 г. Новосибирская область, Республика Хакасия и Алтайский край переместились на более высокие позиции – в 4 и 5 группы. С 2021 г. число регионов, входящих в низкодходные группы, уменьшается, а входящих в группы с более высокими значениями показателей доходов – увеличивается. Научно и экономически развитая Новосибирская область значительно улучшила свои показатели, и с 2021 г. она заняла лидирующую позицию. Отстающая по значениям показателей Республика Тыва к 2023 г. относится к 6 группе, республики Алтай и Хакасия – к 5 группе. Однако значение индекса по сравнению с субъектами – лидерами других федеральных округов невысокое, оно соответствует лишь третьей группе классификации.

Таблица 1.

*Классификация субъектов Сибирского федерального округа
Российской Федерации по значениям суммарного регионального индекса
дохода.*

*2005, 2013, 2021, 2022, 2023 гг.**

Гр.	2005	2013	2021	2022	2023
II					Новосибирская
III	Кемеровская	Омская	Новосибирская	Новосибирская, Омская, Кемеровская	Красноярский кр., Кемеровская, Омская, Томская
IV	Томская, Омская, Иркутская, Красноярский кр.	Новосибирская, Красноярский кр., Кемеровская, Томская, Иркутская	Омская, Кемеровская, Томская, Красноярский кр.	Красноярский кр., Томская, Алтайский кр., Иркутская	Иркутская, Алтайский кр.
V		Р. Хакасия, Алтайский кр.	Иркутская, Алтайский кр., Р. Хакасия	Р. Хакасия	Р. Алтай, Р. Хакасия
VI	Новосибирская, Алтайский кр.	Р. Алтай	Р. Алтай	Р. Алтай	Р. Тыва
VII	Р. Хакасия, Р. Алтай, Р. Тыва	Р. Тыва	Р. Тыва	Р. Тыва	

* В современных границах: на основании Указа Президента РФ 3 ноября 2018 года Республика Бурятия и Забайкальский край были переведены из СФО в ДФО

3. Дифференциации уровней доходов населения по значениям расчетного суммарного регионального индекса дохода

Динамика дифференциации суммарных индексов дохода за 2021-2023 гг. имела сглаживающий характер в пяти федеральных округах: Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Южном, Дальневосточном. В Сибирском округе в 2022 г. значение КРВ возросло, по сравнению с 2021 г., но к 2023 г.

также снизилось. Сглаживание значений показателей происходило вследствие постепенного приближения значений индекса к средним величинам субъектов федеральных округов с невысоким уровнем дохода населения. Существенные отклонения от средних для федерального округа значений сохраняются только в Уральском федеральном округе.

Тенденция к сокращению КРВ в субъектах Сибирского ФО к 2021 г. объяснялась, в основном, повышением минимальных значений показателя в субъектах округа (в республиках Тыва и Алтай). Снижение максимальных значений было слабо выражено. К 2022 г. КРВ повысился за счет снижения минимального значения (в Республике Тыва), а также повышения значений в более богатых субъектах округа – Омской и Кемеровской областях. В 2023 г. показатель дохода увеличился в большинстве субъектов округа: он достиг значений второй группы классификации для Новосибирской области, значений третьей группы – для Красноярского края, Кемеровской, Омской, Томской областей. В группах с наименьшим значением показателя дохода рост отмечался в республиках Алтай и Тыва, перешедших в более высокие группы классификации.

4. Оценка дохода по данным социологического опроса.

Распределение ответов на вопрос о направлении изменения материального положения людей в рамках социологического опроса «РМЭЗ» НИУ ВШЭ (31 волна) показало, что самооценки респондентов Сибирского федерального округа близки к средним. На вопрос о направлении изменения материального положения за 2022-2023 гг. семьи больше половины опрошенных всех возрастов (58,5%) ответили, что оно осталось без изменений. Улучшили свое материальное положение за год 24,7% респондентов, это одно из наибольших значений среди ответов респондентов всех федеральных округов. В то же время, ухудшение отметили 15,2%, что соответствует минимальному значению среди федеральных округов.

Результаты сопоставления оценок уровня материального благосостояния по 9-бальной шкале по данным того же опроса показали, что в 2023 г. доля опрошенного населения в Сибирском ФО, оценившего уровень как средний, составила 53,2 %.

Выводы. Отсутствие выраженной асимметрии показателей дохода в Сибирском федеральном округе - доказательство выравнивания региональных различий в уровне жизни населения. Этот вывод важен с точки зрения оценки эффективности реализации ряда федеральных и региональных программ, ставивших целью повышение качества жизни и благосостояния граждан. Сокращение региональной дифференциации ключевых показателей уровня дохода населения, их выравнивание является

результатом реализации комплекса мер государственной политики. К социально-управленческим и социально-экономическим факторам, создающим благоприятные условия для роста реальных доходов населения Сибирского федерального округа, как и других регионов, относятся меры, стимулирующие развитие регионов. К ним относятся: формирование ТОСЭР, внедрение новых механизмов управления, создание льготных условий ведения бизнеса, налоговая реформа, учитывающая уровень доходов граждан, повышение МРОТ, рост заработных плат, создание новых рабочих мест.

Литература

Елизаров В.В., Сеница А.Л. Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности // Уровень жизни населения регионов России. – 2018. – Т. 14. – № 2. – С. 24–33.

Иванова Е.И. Жизненный потенциал как фактор дифференциации доходов и структуры расходов населения России // Муниципальная академия. – 2023. – № 4. – С. 245–258.

Митяков С.Н., Назарова Е.А. Эмпирический анализ краткосрочных индикаторов экономической безопасности // Экономическая безопасность. Том 6. №3. Июль-сентябрь 2023. С. 849-864. DOI: 10.18334/ecsec.6.3.118238.

Суринов А. Е., Луппов А. Б. Влияние региональных различий в стоимости жизни на национальные оценки неравенства по доходам // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 3. С. 814-827. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-3-7>.

Экономическая безопасность России: методология, стратегическое управление, системотехника: монография / В. П. Бауэр, И. И. Беляев, А. В. Булавин [и др.] ; под научной редакцией С. Н. Сильвестрова ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. — Москва : Ruscience, 2018. — 348 с.

ДИНАМИКА НАСЕЛЕНИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ РЕГИОНАХ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

С.Н. Иванова

Байкальский институт природопользования СО РАН, Улан-Удэ, Россия

*Исследование осуществлено в рамках государственного задания
Байкальского института природопользования СО РАН.*

Аннотация. В исследовании представлены результаты комплексного анализа демографического развития национальных регионов Азиатской части России на основе данных переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 годов. Целью исследования является выявление ключевых трендов динамики численности и структуры населения, оценки вклада естественного и миграционного движения. Применены методы сравнительного статистического анализа. Выявлена значительная пространственная дифференциация: максимальные потери характерны для периферийных северных и восточных субъектов, в то время как в национальных республиках и регионах с крупными научно-образовательными центрами демографическая ситуация относительно стабильна. Социально-экономическое развитие национальных регионов характеризуется низким уровнем медицинского обеспечения, высокой смертностью и ограниченной миграционной привлекательностью, что требует целевых мер государственной политики.

Ключевые слова: Сибирь, Дальний Восток, миграция, депопуляция, рождаемость, смертность

Демографическое развитие восточных регионов России, обладающих значительным ресурсным и геополитическим потенциалом, остается одной из наиболее острых проблем национальной безопасности. Несмотря на провозглашение данных территорий стратегическим приоритетом на весь XXI век и реализацию многочисленных государственных программ развития, депопуляция продолжается, усугубляя пространственное неравенство.

Исторически сложилось, что на протяжении всего периода освоения Азиатской России именно миграционные процессы выступали ключевым фактором роста её населения. Распад СССР оказал существенное влияние на протекающие в обществе демографические процессы и для обширной территории Сибири и Дальнего Востока – Азиатской России, этот период трансформаций стал особенно болезненным и не позволил реализоваться имевшемуся в макрорегионе потенциалу, в т.ч. в демографической сфере.

Усилению негативных тенденций демографического развития восточных регионов также способствует недостаточный уровень развития их транспортных систем [Безруков, Дашпилов, 2010; Тер-Акопов, 2017] и природно-климатические факторы [Виноградова, 2021]. Остро стоит

проблема загрязненности атмосферного воздуха и города Азиатской России включены в Федеральный проект “Чистый воздух”, представляя большую часть ее участников [Ivanova et al., 2022]. Показатели социо-эколого-экономического развития приграничных территорий Азиатской России уступают аналогичным среднероссийским показателям [Иванова, Тулохонов, 2022].

Эмпирическую базу исследования составили данные Всесоюзной и Всероссийских переписей населения 1989, 2002, 2010 и 2021 гг., а также официальная статистика Росстата. Выбор хронологических периодов обусловлен их репрезентативностью для отражения ключевых этапов социально-экономической трансформации страны. Сравнительный анализ национальных регионов Азиатской России проведен по значимым для воспроизводства человеческого потенциала показателям.

Анализ итогов переписей населения свидетельствует о том, что в целом за период 1989-2021 гг. население Азиатской части России сократилось на 5.1 млн. чел. (17.2 %) (табл. 1).

Таблица 1

*Динамика численности населения Азиатской России**

	Прирост/убыль (-), в %			Прирост/убыль (-), 1989-2021 гг.	
	1989-2002 гг.	2002-2010 гг.	2010-2021 гг.	%	тыс. чел.
Российская Федерация	-1.5	0.0	1.4	-0.1	-218.5
<i>Азиатская часть России</i>	-9.6	-5.5	-3.1	-17.2	-5141.2
<i>Сибирский федеральный округ</i>	-6.8	-5.2	-2.2	-13.6	-2640.7
Республика Алтай	6.3	1.6	2.3	10.4	19.9
Республика Тыва	-0.8	0.8	9.3	9.3	28.7
Республика Хакасия	-3.7	-2.5	0.5	-5.7	-32.2
Алтайский край	-0.9	-7.2	-10.6	-17.8	-467.3
Красноярский край	-17.7	-6.5	1.0	-22.3	-818.8
Иркутская область	-8.4	-10.6	-2.4	-20.1	-596.8
Кемеровская область	-8.6	-4.7	-5.9	-18.0	-570.1
Новосибирская область	-3.1	-1.0	4.9	0.7	18.2
Омская область	-2.9	-4.9	-6.0	-13.2	-283.2
Томская область	4.4	0.1	1.5	6.1	60.7

<i>Дальневосточный федеральный округ</i>	-14.8	-6.2	-4.7	-23.9	-2500.5
Республика Бурятия	-5.5	-0.9	0.7	-5.7	-59.4
Республика Саха (Якутия)	-13.2	1.0	3.9	-9.0	-98.3
Забайкальский край	-15.6	-9.8	-9.3	-31.0	-450.9
Камчатский край	-24.0	-16.1	-9.4	-42.3	-213.8
Приморский край	-8.2	-5.5	-5.7	-18.2	-410.8
Хабаровский край	-10.1	-6.5	-3.8	-19.1	-305.1
Амурская область	-14.0	-8.1	-7.6	-27.0	-283.1
Магаданская область	-53.4	-14.1	-13.3	-65.3	-255.9
Сахалинская область	-23.0	-8.9	-6.3	-34.3	-243.4
Еврейская автономная область	-10.8	-7.5	-14.8	-29.7	-63.5
Чукотский автономный округ	-67.2	-6.1	-6.0	-71.0	-116.5

* Рассчитано автором границах 2019 г. по переписям населения.

Период наибольших потерь приходится в первое постсоветское десятилетие 1989-2002 гг., когда процессы депопуляции населения имели выраженный характер: население Сибири сократилось на 1314 тыс. чел. (6.8 %), Дальнего Востока на 1549 тыс. чел. (14.8 %), на территории 19 регионов наблюдалась депопуляция населения, прирост зафиксирован в Республике Алтай и Томской области. Такая динамика является отражением кризиса социальных процессов и начала рыночных реформ. В последующие межпереписные периоды население продолжало сокращаться: за 2002-2010 гг. численность населения Сибири уменьшилась на 941.9 тыс. чел. (5.2 %), Дальнего Востока на 554.5 тыс. чел. (6.2 %), снижение численности населения отмечается в 17 регионах, а прирост населения зафиксирован в республиках Алтай, Тыва, Саха (Якутия) и Томской области. За период 2010-2021 гг. население Сибири сократилось на 384.3 тыс. чел. (2.2 %), Дальнего Востока – 396.3 тыс. чел. (4.7 %), убыль населения отмечена на 13 территориях, прирост населения зафиксирован в национальных республиках (Алтай, Тыва, Хакасия, Бурятия, Саха (Якутия)), а также в Красноярском крае, Новосибирской, Томской областях. Данный прирост обеспечен благодаря городам-миллионникам, научно-образовательным и студенческим центрам.

Ядро расселения жителей данного макрорегиона формируется в основном за счет уроженцев этих территорий. Наибольшая доля уроженцев по данным переписи 2021 г. наблюдалась в Республике Тыва – 91,87 %, Республике Бурятия – 81,60 %, Республике Алтай – 75,49 %, Чукотском автономном округе – 59,37 %, и Республике Хакасия – 56,57 %. Данный

показатель в Сибирском федеральном округе составил 72,98 % и Дальневосточном – 72,46 %. Отмечается увеличение численности представителей титульных народов в национальных субъектах, как в абсолютном значении, так и их доли в структуре населения регионов, за исключением Республики Хакасия (рис. 1). Отмечается тесная корреляция между сокращением населения и долей коренного населения. Трансформация этнической структуры затронула регионы, где в советское время была достаточно высокая доля русского населения, а затем стала снижаться в постсоветский период [Манаков, 2021].

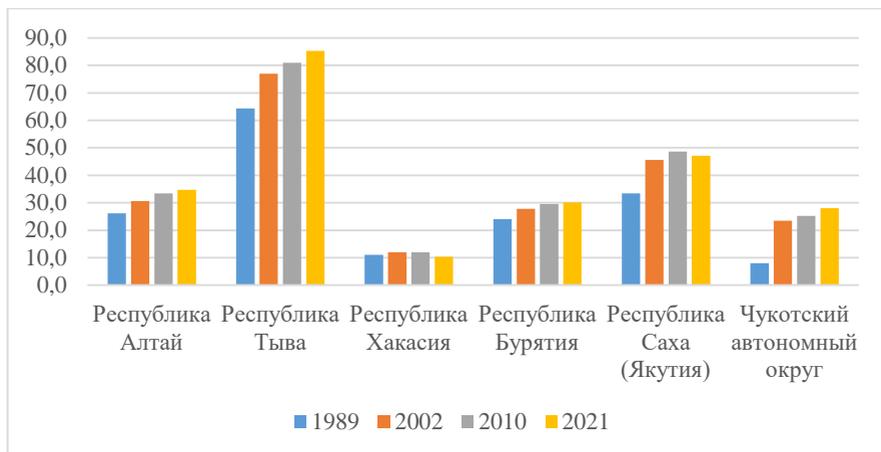

Рис. 1. Динамика титульного населения в национальных регионах, в %

Анализ показателей рождаемости 2005-2020 гг. показывает, что в национальных субъектах РФ, благодаря традиционной ориентации на многодетность, показатель суммарного коэффициента рождаемости выше среднероссийских показателей, при этом данный коэффициент, обеспечивающий воспроизводство населения, демонстрируют лишь Республика Тыва (2.971) и Республика Алтай (2.086). Вместе с тем за данный период уменьшилось число регионов с показателями рождаемости, превышающими среднероссийский (табл. 2).

Таблица 2.

Показатели рождаемости и смертности в Азиатской части России*

	Суммарный коэффициент рождаемости			Общий коэффициент смертности (число умерших на 1000 чел.)		
	2000 г.	2010 г.	2020 г.	2000 г.	2010 г.	2020 г.
Российская Федерация	1.195	1.567	1.505	15.4	14.2	13.4

Количество регионов Азиатской России с показателями выше среднероссийского уровня	17	15	16	1	8	16
Республика Алтай	1.819	2.480	2.086	12.9	12.2	19.3
Республика Тыва	1.832	3.027	2.971	13.4	11.6	26.3
Республика Хакасия	1.318	1.798	1.573	14.0	13.9	15.3
Алтайский край	1.239	1.625	1.417	14.3	15.0	12.9
Красноярский край	1.199	1.614	1.495	14.7	13.5	13.8
Иркутская область	1.363	1.824	1.697	14.9	14.4	16.2
Кемеровская область	1.207	1.618	1.367	16.5	16.1	12.9
Новосибирская область	1.125	1.598	1.550	14.1	13.9	13.2
Омская область	1.124	1.602	1.449	13.3	13.9	14.9
Томская область	1.190	1.487	1.267	13.1	12.6	12.6
Республика Бурятия	1.478	1.990	1.951	12.7	12.7	18.3
Республика Саха (Якутия)	1.771	1.998	1.863	9.6	9.8	19.4
Забайкальский край	1.501	1.871	1.755	13.7	13.8	17.6
Камчатский край	1.195	1.512	1.677	10.6	12.6	12.4
Приморский край	1.138	1.492	1.518	13.6	14.3	14.6
Хабаровский край	1.083	1.564	1.587	13.7	14.6	15.1
Амурская область	1.287	1.690	1.541	13.5	15.3	16.2
Магаданская область	1.250	1.438	1.509	10.2	13.0	13.6
Сахалинская область	1.211	1.561	1.970	12.7	14.9	14.2
Еврейская автономная область	1.235	1.666	1.711	14.2	15.5	17.8
Чукотский автономный округ	1.581	1.888	1.761	8.1	13.8	13.8

*составлено автором по: ^{2, 3}.

Однако рождаемость не может оперативно повлиять на рост трудовых ресурсов. Более показателен в этом отношении рост смертности, который в восточных регионах значительно превышает среднероссийские значения. На смертность населения влияет комплекс факторов. За данный период увеличилось количество регионов с показателями смертности, превышающими среднероссийский уровень с 1 до 16 территорий из 21 (табл. 2). При этом наиболее высокие темпы роста смертности показательны для национальных автономий. За межпереписной период с 2010 по 2020 г. в Республике Тыва коэффициент смертности вырос с 11.6 до 26.3, а в Республике Саха с 9.6 до 19.4, в Республике Алтай с 12.2 до 19.3, в Республике Бурятия с 12.7 до 18.3. Для сравнения отметим, что по России смертность уменьшилась с 15.4 до 13.4.

Анализ динамики возрастной структуры населения Сибирского и Дальневосточного федеральных округов за период 1990–2023 гг. на основе данных Росстата выявил [Регионы, 2024, С. 53-58] следующие тренды: устойчивое старение населения, сокращение доли лиц трудоспособного возраста и значительная региональная дифференциация.

Регионы Азиатской России, несмотря на общероссийскую тенденцию старения, сохраняют более молодую возрастную структуру по сравнению со среднероссийскими показателями. В 2023 г. доля населения в возрасте моложе трудоспособного в СФО и ДФО составила 20.0 % и 20.1 % соответственно против 18.4 % по РФ. Однако Дальневосточные регионы демонстрируют наиболее тревожные тенденции: за постсоветский период доля пожилого населения выросла почти в два раза с 10.9 % до 20.3 %. Это является следствием не только естественного старения населения, но в большей степени интенсивного миграционного оттока молодежи в другие регионы страны.

Анализ регионов Азиатской России демонстрирует значительную неоднородность. Национальные республики с традиционно высокой рождаемостью (Тыва, Алтай, Бурятия, Саха (Якутия) характеризуются наиболее молодой структурой. Например, в Республике Тыва доля детей в 2023 г. составила 32.9 % (18.4 % в среднем по РФ), а доля пожилых – 10.2 % (23.6 %).

Северные Дальневосточные регионы (Магаданская область, Чукотский АО) претерпели кардинальные изменения. Если в 1990 г. для них была характерна сверхвысокая доля трудоспособного населения (свыше 67 %) и минимальная – пожилого (на Чукотке – 2,7 %), связанная с притоком рабочей

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2003. Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2003. С. 59.

³ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2021: Стат. сб. / Росстат. М., 2022. С. 77-78.

силы по программам освоения и «северными» надбавками, то к 2023 г. доля пожилых на Чукотке выросла до 13.0 %, в Магаданской области — до 19.1 % с 5.2 %. Это результат массового оттока молодежи после распада СССР и старения оставшегося населения.

Регионы с выраженным демографическим старением (Алтайский край, Омская, Кемеровская, Новосибирская области с высокой долей населения старше трудоспособного возраста (24.9 %, 24.2 %, 23.9 % и 23.2 % в 2023 г. соответственно) и низких долей населения в возрасте моложе трудоспособного (19.3 %, 19.5 %, 18.5 % и 19.2 %).

Проведенное исследование позволяет констатировать, что демографическое развитие Азиатской России в постсоветский период характеризуется устойчивой депопуляцией, обусловленной комплексом взаимосвязанных факторов. Ключевыми из них являются:

Миграционный отток, носящий ярко выраженный центростремительный характер и усиливающийся с увеличением географической удаленности региона.

Кризис воспроизводства населения, выражающийся в длительной естественной убыли, которая даже в регионах с положительным естественным приростом (национальные республики) нивелируется аномально высоким уровнем смертности.

Низкая эффективность мер государственной политики указывает на необходимость разработки дифференцированной стратегии демографического развития восточных регионов, учитывающей их этнокультурную и природно-климатическую специфику.

Существование факторов, препятствующих притоку населения и его закреплению в Азиатской части России, обуславливают необходимость создания условий для развития данных территорий, способствующих улучшению ключевых показателей качества и уровня жизни населения и превышению их значений в других более успешных российских регионах.

Литература

Безруков Л.А., Дашилов Ц.Б. Транспортно-географическое положение микрорегионов Сибири: методика и результаты оценки // География и природные ресурсы. 2010. № 4. С. 5–13.

Виноградова В.В. Районирование России по природным условиям жизни населения с учетом экстремальных климатических событий // Изв. РАН. Сер геогр. 2021. Т. 85. № 1. С. 5–13. doi: 10.31857/S2587556621010167.

Всероссийская перепись населения 2002 г.
<http://www.perepis2002.ru/index.html?id=11> (дата обращения: 13.01.2024).

Всероссийская перепись населения 2010 г.
https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
(дата обращения: 12.01.2024).

Всероссийская перепись населения 2020 <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020>
(дата обращения: 12.01.2024).

Всероссийская перепись населения 1989 г. Численность населения СССР, РСФСР и ее территориальных единиц по полу http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus89_reg1.php (дата обращения: 12.01.2024).

Иванова С.Н., Тулохонов А.К. Социальная устойчивость территорий Азиатской России // *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*. 2022. Т. 14. № 5. С. 318–336. doi: 10.12731/2658-6649-2022-14-5-318-336.

Манаков А.Г. Оценка этнической трансформации регионов постсоветского пространства // *Изв. РАН. Сер. геогр.* 2021. Т. 85. № 5. С. 687–698. doi: 10.31857/S2587556621050058.

Регионы России. Социально-экономические показатели. Стат. сб. / Росстат. М., 2024. 1081 с.

Тер-Акопов А.А. Демографические и геополитические аспекты развития транспортных систем Сибири и Дальнего Востока // *Научное обозрение. Сер. 2: Гуманитарные науки*. 2017. № 6. С. 43–51. doi: 10.26653/2076-4685-2017-6-05.

Ivanova S.N. [et al.] Air Quality in a Large City in the Baikal Natural Territory: the Social Dimension (a Case Study of Ulan-Ude) // *WSEAS Transactions on Environment and Development*. 2022. Vol. 18. P. 769–776. doi: 10.37394/232015.2022.18.72.

ОЦЕНКА МИГРАЦИОННОЙ СИТУАЦИИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ В 2022-2025 ГОДЫ

М.А. Магомедова

Региональный центр этнополитических исследований
Дагестанского федерального исследовательского центра
Российской академии наук, г. Махачкала
muslimat-rci@mail.ru

Аннотация. На основе анализа официальной статистики и материалов экспертного опроса рассматриваются современные региональные особенности миграционных процессов на Северном Кавказе. Проведенный анализ показал, что в период с 2022 по 2025 год генеральной тенденцией миграционного движения Северного Кавказа остается долговременная устойчивая отрицательная динамика миграционного прироста. В основном люди уезжают из горной и высокогорной местности. Основными причинами, обуславливающими массовый отток населения с территории Северо-Кавказского федерального округа, остаются высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов, слабое развитие социальной сферы и инфраструктуры. Рассмотрены процессы урбанизации в регионе, которые затрагивают проблемы нарастания дисбаланса в территориальном распределении населения, увеличения нагрузки на энергоресурсы, обострения земельных конфликтов. В обобщенном виде предложены меры улучшения миграционной ситуации в рамках реализации миграционной политики на Северном Кавказе.

Ключевые слова: Северный Кавказ, миграция, миграционная политика, статистика, население.

Одним из сложных регионов России в плане обеспечения миграционной политики является Северный Кавказ. Факторами, влияющими на современные миграционные процессы на Северном Кавказе, являются геополитическое, транзитное и приграничное положения; социально-экономические и политические факторы, а также уникальная этническая неоднородность, разные типы воспроизводства населения и климатические особенности.

По данным госстатистики все население Северо-Кавказского федерального округа на начало 2025 года составляет 10310935 человек. Кроме того, в регионе почти половина населения проживает в сельской местности. Практически все республики Северного Кавказа сохраняют лидирующие позиции в стране в области демографического развития. Численность населения округа по настоящее время продолжает увеличиваться, несмотря на то, что в его состав входят несколько регионов с отрицательным общим приростом численности населения (таблица 1.).

Таблица 1

Численность постоянного населения региона СКФО
на 1 января, человек⁴

	2022	2023	2024	2025	Прирост за 2022- 2025 гг.
СКФО	10174103	10205730	10251083	10310935	136832
Республика Дагестан	3186902	3209781	3232224	3259890	72988
Республика Ингушетия	511316	519078	527220	534491	23175
Кабардино- Балкарская Республика	904338	903266	905464	908214	3876
Карачаево- Черкесская Республика	469096	468444	468322	468599	-497
Северная Осетия-Алания	685393	680748	678879	678826	-6567
Чеченская Республика	1514603	1533209	1552866	1576552	61949
Ставропольский край	2902455	2891204	2886108	2884363	-18092

Значительное влияние на демографическую ситуацию оказывает миграция. На современном этапе можно выделить целый комплекс миграционных потоков и направлений: внутреннюю миграцию в рамках СКФО, межрегиональную миграцию, международную миграцию – поток мигрантов из стран ближнего зарубежья и выезд населения Северо-Кавказского региона за рубеж.

⁴ Численность населения по полу и возрасту по субъектам Российской Федерации на 1 января 2022 года [Электронный ресурс] // <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 7.05.2025); Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 г. [Электронный ресурс] // [https://26.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nas2\(2\).pdf](https://26.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/nas2(2).pdf) (дата обращения: 19.05.2025); Население. Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу [Электронный ресурс] // <https://26.rosstat.gov.ru/folder/29768> (дата обращения: 24.07.2025); Численность постоянного населения по городским округам и муниципальным районам Республики Дагестан по состоянию на 1 января 2023 года [Электронный ресурс] // <https://05.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 24.07.2025).

В приведенных ниже таблицах отмечены общие итоги миграции населения СКФО за 2022-2025 годы⁵.

Таблица 2

Общие итоги миграции населения СКФО 2022-2025 гг.
(число прибывших, человек)

Годы	Число прибывших, человек				Миграционный прирост (отток)
	2022	2023	2024	2025	
Северо-Кавказский федеральный округ	152843	161210	22089	25985	-126858
Республика Дагестан	43323	40413	5943	7691	-35632
Республика Ингушетия	8252	7763	952	1923	-6252
Кабардино-Балкарская Республика	10901	10551	1367	1448	-9453
Карачаево-Черкесская Республика	-	11395	1753	1473	-9922
Республика Северная Осетия-Алания	6860	7683	842	1295	-5565
Чеченская Республика	13221	12625	2059	2827	-10394
Ставропольский край	70286	70780	9173	9328	-60958

⁵ Население. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Управление Федеральной службы государственной статистики по Северо-Кавказскому федеральному округу. URL: <https://26.rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 4.06.2025); Население. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Дагестан. URL: <https://05.rosstat.gov.ru/naselenie> (дата обращения: 2.06.2025); Население. Официальная статистика [Электронный ресурс] // Официальный сайт территориального Федерального службы государственной статистики по Чеченской Республике. URL: <https://95.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 4.06.2025); «Статистический ежегодник». Республика Ингушетия. 2024: стат. сб./С78 Северо-Кавказстат. Ингушетия, 2024. С. 25-27.

Таблица 3

Общие итоги миграции населения СКФО 2022-2025 гг.
(число выбывших, человек)

Годы	Число выбывших, человек				Миграционн ый прирост (отток)
	2022	2023	2024	2025	
Северо-Кавказский федеральный округ	170929	171611	2613 4	2447 6	-146453
Республика Дагестан	46726	45724	8085	7430	-39296
Республика Ингушетия	6648	5838	1069	1462	-5186
Кабардино-Балкарская Республика	14154	11485	1611	1507	-12647
Карачаево-Черкесская Республика	-	11998	1843	1401	-10597
Республика Северная Осетия-Алания	11324	10055	1268	1370	-9954
Чеченская Республика	18933	17219	2946	2872	-16061
Ставропольский край	73144	69292	9312	8434	-64710

Как видно из вышеуказанных таблиц, за весь анализируемый период численность выбывающих людей превышает численность прибывающих, за исключением Республики Ингушетии и этот отток с каждым годом все увеличивается. Наиболее высокий миграционный отток за весь анализируемый период зафиксирован в Республике Дагестан. Это обусловлено трудоизбыточностью республики, низкими темпами социально-экономического развития. В основном молодежь уезжает из горной и высокогорной местности, где фиксируется высокая безработица, слабое развитие социальной сферы и инфраструктуры. Часто сокращение численности сельского населения сопровождается прекращением существования, функционирования и разрушения населенных пунктов.

Одной из значимых причин, обуславливающих массовый отток населения с территории Северо-Кавказского федерального округа является высокий уровень безработицы, низкий уровень доходов. Одним из

отрицательных последствий миграции является отток квалифицированного населения.

Серьезной проблемой для всех республик Северного Кавказа является также процесс урбанизации. Внутриреспубликанские миграционные процессы затрагивают проблемы нарастания дисбаланса в территориальном распределении населения, увеличение доли национальностей, которые исторически на этих территориях не проживали; увеличение нагрузки на энергоресурсы; обострение земельных конфликтов.

Надо отметить, что конфликтогенность отношений между местными и мигрантами по поводу их территориальных противоречий может быть обусловлено не только следствием стихийных потоков этого процесса, но и результатом формально организованного ресурсопотребления [3, 2019]. В качестве примера властной организации миграционного процесса в регионе можно привести государственную программу переселения лакского и чеченского населения с целью образования новых административно-территориальных единиц в регионе – Новоллакского и Ауховского районов Дагестана. Данная проблема, не сходящая с региональной повестки с момента принятия программы в 1991 г., поддерживает перманентную межэтническую конфликтогенность всю постсоветскую историю региона.

Для более детального изложения ситуации в миграционных процессах региона автором был проведен экспертный опрос. В качестве экспертов выступили представители научного сообщества, органов государственной власти, общественных организаций и журналистов. По мнению большинства экспертов, процессы урбанизации в республиках Северного Кавказа порождают определенные конфликты, которые носят экономический, социальный, культурный, эмоциональный характер.

«Процесс урбанизации конечно влияет на общественно-политическую ситуацию в республике, но он влияет в каком ключе? Идет колоссальная нагрузка на энергоресурсы, канализация, водопровод, газопровод, электрические сети, это все хозяйство у нас очень плачевное, давно туда не было серьезных вложений. Соответственно нагрузка колоссальная и перебои в электроснабжении, в водоснабжении, газоснабжении они конечно же приводят к усилению протестных настроений горожан. Особенно это характерно для неблагополучных микрорайонов, которые регулярно сталкиваются с этой проблемой и эти микрорайоны отличаются как раз-таки тем, что они заселены в основном первым поколением мигрантов. Это недавние сельские жители, которые захотели стать горожанами»⁶.

«На перспективу надо создавать условия на местах. Махачкала тоже не резиновая. В отличие от той же Москвы, Махачкала не расширяется, здесь люди строят друг на друге. Вопрос в том, что если на перспективу не создавать условия и возможности на местах, откуда эти ребята

⁶ Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.

приезжают, я думаю, что мы с определенными проблемами будем сталкиваться. Мы уже сталкиваемся с определенными проблемами. Современная инфраструктура не может просто выдержать такого потока. Вместе с тем, миграция неизбежна, потому что человек как правило ищет себе место там, где хорошо. С этим можно решить вопрос только с созданием условий на местах»⁷.

Острота миграционных проблем, а также их влияние на возможности развития региона обуславливают необходимость формирования государственного регулирования миграционных процессов.

Во время интервью эксперты большее внимание уделяли деятельности органов федеральной и местной власти по урегулированию миграционных процессов. Ниже приведем в обобщенном виде экспертное мнение по поводу того, какие действия должна предпринять федеральная и региональная власть в рамках реализации миграционной политики на Северном Кавказе.

- улучшение условий жизни населения;
- создать благоприятные условия для мирного и взаимовыгодного сосуществования различных этносов на конкретной территории;
- поддерживать сельские районы, оказывать социальную поддержку;
- решение социально-экономических проблем;
- определить полномочия и функции по регулированию рынков труда между федеральным центром, субъектами Российской Федерации, органами местного самоуправления, работодателями и профессиональными союзами в процессе проведения административной реформы;
- миграционным службам следовало бы изучать миграционное движение, направление основных потоков, поддерживать служебные контакты с органами власти других регионов, оказывать потенциальным мигрантам профессиональную и культурно-просветительскую помощь для их безболезненной адаптации в новых условиях;
- создание условий и соблюдение закона является основным решением возникающих конфликтов;
- нужно содействовать социальной адаптации мигрантов;
- обеспечить выпускников вузов достойной высокооплачиваемой работой.

Литература

Абдуллаев, А.А. *Внутренняя миграция как фактор регионального политического процесса в Республике Дагестан*. Дис. ... к. политич. н., Калининград. 2019. С. 115-116.

⁷ Материалы опроса хранятся в личном архиве автора.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ДИСБАЛАНСЫ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ВОСПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ В РЕГИОНАХ

Э.Р. Мамадалиева

Институт макроэкономических и региональных исследований,
г. Ташкент
mamadaliyeva.elvira@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются социально-экономические дисбалансы регионального развития и их влияние на воспроизводство человеческих ресурсов. Показано, что различия в доходах, занятости, инфраструктуре и доступе к социальным услугам напрямую отражаются на рождаемости, смертности и миграции. Проведен корреляционный анализ по регионам Узбекистана, выявивший сильные положительные и отрицательные взаимосвязи между демографическими и экономическими показателями. Отмечена роль экологических факторов как дополнительного риска для репродуктивного здоровья. На основе международного опыта предложены подходы к снижению дисбалансов через фискальное выравнивание, инвестиции и place-based политику, направленные на укрепление человеческого потенциала.

Ключевые слова: демография, дисбаланс, регион, качество жизни, человеческие ресурсы.

Социально-экономические дисбалансы в региональном развитии представляют собой устойчивые различия в уровне и качестве жизни, развитии инфраструктуры, доступе к ресурсам и возможностям. Они проявляются в резкой неоднородности социально-демографических и экономических показателей: от уровня доходов и занятости до обеспеченности медицинской и образовательной инфраструктурой. Региональные различия затрагивают ключевые сферы, определяющие воспроизводство человеческих ресурсов, такие как рождаемость, смертность, миграцию, структуру занятости и доступность социальных услуг. По данным Всемирного банка, в африканских странах самая высокая рождаемость в мире (46,4 живорожденных на 1000 человек населения в Центральной Африканской Республике, в Сомали – 43,0, ЧАД – 42,2), а самая низкая смертность приходится на арабские страны (в Катаре и ОАЭ по 0,93 смертей на 1000 человек, в Кувейте – 1,5, в Омане – 1,9).

В исследовании [Овод, 2020; Степаненкова, 2022], посвященном изучению влияния социально-экономических условий на рождаемость, выявляется устойчивая зависимость показателей рождаемости от уровня доходов населения, занятости женщин, обеспеченности жильем и доступности объектов детской инфраструктуры. При этом отмечается, что государственные меры поддержки семей оказывают разный результат в

разных регионах, а их эффективность во многом определяется особенностями местных рынков труда и возрастной структурой населения.

Другое исследование [Бежанов, 2024; Трофимов, 2016] рассматривает демографические процессы в тесной связи с социально-экономическим развитием территорий, также подчеркивается, старение населения и естественная убыль, превращается в самостоятельный барьер для экономического роста. Эти тенденции усиливают нагрузку на систему социальной поддержки и региональные бюджеты, одновременно снижая инвестиционную привлекательность. Таким образом, демографический фактор выступает не только как объект воздействия социально-экономических условий, но и как источник их дальнейшего дисбаланса.

Анализ мировой практики межрегионального выравнивания уровня социально-экономического развития показывает, что существуют эффективные подходы к решению данного вопроса. Обзоры Всемирного банка и ОЭСР подчеркивают: схемы должны быть прозрачными, ориентированными на потребности и способность генерировать доходы, с регулярным пересмотром параметров и «стимулирующей» логикой, чтобы не подрывать мотивацию к развитию; координация между трансфертом и региональной политикой повышает совокупную эффективность обеих систем.

Для анализа влияния социально-экономических детерминантов на демографические процессы был проведен корреляционный анализ по регионам Узбекистана. Целью анализа было определение наличия статистически значимой связи между численностью населения и внешнеторговым оборотом (X_1), удельным весом инвестиций в ВРП (X_2), инвестиций на душу населения (X_3), долей субъектов малого бизнеса в общей занятости населения (X_4), количеством занятых в малом бизнесе (X_5), числом действующих субъектов предпринимательства (X_6), выброшенными в атмосферу загрязняющими веществами (X_7), числом выпускников вузов (X_8).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа*

	X_1	X_2	X_3	X_4	X_5	X_6	X_7	X_8
Респ. Каракалпакстан	0,81		0,94	0,66	0,97	0,92		0,68
Андижанская	0,67	0,61	0,95	-0,58	0,57	0,67		0,71
Бухарская	0,70		0,93	-0,72		0,89	-0,71	0,69
Джизакская	0,81	0,61	0,92	-0,58	0,97	0,87		0,80
Кашкадарьинская			0,90	0,53	0,85	0,77	-0,65	0,80
Навоийская	0,58		0,94	-0,77	-0,69	0,90		0,61
Наманганская	0,92	0,68	0,96		0,94	0,84		0,71

Самаркандская	0,96	0,76	0,95		0,67	0,89	-0,71	0,77
Сурхандарьинская		0,74	0,95		0,84	0,85	0,83	0,73
Сырдарьинская	0,87	0,83	0,93	-0,84		0,80		0,74
Ташкентская	0,87	0,74	0,90	-0,64		0,86		0,54
Ферганская	0,91	0,58	0,95		0,73	0,86		0,71
Хорезмская	0,86	0,62	0,94		0,86	0,91		0,72
г. Ташкент	0,95		0,95	-0,94		0,92		0,69

Источник: расчеты автора по данным Национального комитета Республики Узбекистан по статистике.

* зеленый – сильная корреляция, оранжевый – средняя, красный – отрицательная.

Представленные данные корреляционного анализа позволяют выявить структурные особенности взаимосвязей социально-экономических показателей в регионах Республики Узбекистан. В большинстве регионов наблюдается преобладание сильных положительных корреляций. Это может быть связано с унифицированной экономической структурой и схожими демографическими характеристиками. В ряде регионов (например, Ташкентская и Кашкадарьинская области) встречаются значения в пределах 0,64–0,80. Подобные результаты могут отражать наличие косвенных связей или влияние дополнительных скрытых переменных, например уровня миграции, отраслевой специализации или инфраструктурного развития. Особого внимания заслуживают регионы с устойчивыми отрицательными связями: Навоийская область ($X_4 = -0,77$; $X_5 = -0,69$), Сырдарьинская область ($X_4 = -0,84$) и город Ташкент ($X_4 = -0,94$). Такие значения свидетельствуют о противоположной динамике показателей, что может указывать на структурные противоречия в развитии. Отрицательные корреляции в г. Ташкенте могут быть обусловлены спецификой урбанизационных процессов: рост одних социально-экономических параметров сопровождается снижением других.

В международной практике межрегионального выравнивания используется широкий спектр инструментов, ориентированных на снижение социально-экономических дисбалансов и укрепление человеческого потенциала. К примеру, В Германии система *Länderfinanzausgleich* сочетает вертикальное и горизонтальное выравнивание: после реформы 2020 года основным механизмом стало перераспределение долей НДС, что позволило уменьшить конфликтность и повысить прозрачность. В Европейском союзе политика *Cohesion Policy* через структурные и инвестиционные фонды поддерживает развитие инфраструктуры, занятости, образования и инноваций в отстающих регионах, что доказало эффективность в повышении их ВВП на несколько процентов в долгосрочной перспективе. Китай

реализует стратегию «Go West», направленную на поддержку западных регионов и развитие средних городов для уменьшения миграционного давления на мегаполисы, сочетая трансферты с политикой «нового урбанизма». Эти примеры показывают, что успешное выравнивание требует комбинации фискальных трансфертов, адресных инвестиций и place-based подхода, ориентированного на долгосрочное укрепление человеческого капитала.

Адаптация международных практик выравнивания для Узбекистана предполагает не простое копирование моделей, а их корректировку с учетом национальных особенностей. Как показывает опыт Германии, важнейшим элементом является прозрачная система межбюджетного перераспределения, которая учитывает реальный фискальный потенциал регионов и гарантирует минимальные социальные стандарты. Китайский опыт «Go West» может быть полезен в стимулировании средних городов и региональных центров, чтобы снизить давление мегаполисов и создать более равномерное распределение человеческого капитала. Таким образом, оптимальная стратегия для Узбекистана – это сочетание финансового выравнивания с активной инвестиционной и социальной политикой, направленной на сокращение территориальных дисбалансов и укрепление человеческого потенциала.

Таким образом, проведенный анализ подтвердил, что социально-экономические дисбалансы оказывают прямое влияние на воспроизводство человеческих ресурсов, формируя долгосрочные демографические и институциональные риски. Сильные корреляционные связи численности населения с экономическими индикаторами указывают на зависимость демографической динамики от уровня развития производственной базы, инвестиций и образовательного потенциала. Вместе с тем отрицательные связи с занятостью в малом бизнесе демонстрируют структурные проблемы рынка труда. Международный опыт подтверждает, что эффективное выравнивание достигается при сочетании фискальных трансфертов, стимулирующих инвестиций и place-based подхода.

Литература

Бежанов М.К., Бозян А.П. (2024). Влияние демографических проблем на развитие территории. *Вестник экспертного совета*. №3 (38). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-demograficheskikh-problem-na-razvitiie-territorii> (дата обращения: 25.08.2025).

Овод А.И., Хорляков К.В., Комиссинская И.Г. (2020). Влияние социально-экономических факторов на число рожениц в Российской Федерации. *АНИ: экономика и управление*. №1 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-ekonomicheskikh-faktorov-na-chislo-rozhenits-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 25.08.2025).

Степаненкова Н.М., Степаненкова М.А. (2022). Оценка влияния социально-экономических факторов на демографические процессы в

Российской Федерации. *Креативная экономика*. № 2. С. 771-786. DOI <https://doi.org/10.18334/ce.16.2.114233>

Трофимов В.И., Сунтеев А.Н., Куценко Е.И. (2016). Социально-демографическая ситуация и ее роль в формировании эффективной экономики. *Проблемы современной экономики*. №2 (58). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-demograficheskaya-situatsiya-i-ee-rol-v-formirovanii-effektivnoy-ekonomiki> (дата обращения: 25.08.2025).

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРОИЗВОДСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РЕСУРСА В РЕСПУБЛИКЕ ТЫВЕ

И. М. Орехова

Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия, г. Москва

22376369@mail.ru

Аннотация. Тезисы содержат результаты исследования «Проблемы неполных семей в Республике Тыве», проведённого в 2022 г. Актуальность темы социологического исследования обусловлена изменениями института семьи, в частности, снижением уровня рождаемости и ростом числа разводов. В России растёт число неполных семей. В республике эта тенденция, совершенно не характерная для брачных традиций тувинского общества, выражена в наибольшей степени. Представлены результаты исследования, которые позволили выявить проблемы, в наибольшей степени волнующие неполные семьи, а также анализ влияния этих проблем на количественные и качественные характеристики человеческого ресурса республики.

Ключевые слова: человеческий ресурс; человеческий капитал; неполная семья; полная семья; занятость; бедность.

Понятие «человеческий ресурс» включает в себя как количественные, так и качественные характеристики населения определённой страны, её регионов, отдельных организаций и предприятий. В исследовательской практике российских и зарубежных учёных этот термин обычно отождествляется с термином «трудовые ресурсы», когда изучаются количественные характеристики человека, его способности и умения, необходимые для успешной трудовой деятельности. Подробный анализ современных подходов к управлению человеческими ресурсами в работах российских и зарубежных исследователей приведён в статье Л. Карташовой и М. Мусимович «Управление человеческими ресурсами: глобальные вызовы и возможности». [Карташова, Мусимович 2024] Качественной составляющей понятия «человеческий ресурс» является человеческий капитал - знания, навыки, умения человека. Этот потенциал индивид может использовать для своего профессионального и социального роста, а общество для наиболее эффективного социально-экономического развития в целом. Основополагающим в этой области исследований является фундаментальный труд Г. Беккера «Человеческий капитал». [Becker 1964]

Республика Тыва наряду с Красноярским краем и Республикой Хакасией входит в состав Енисейской Сибири. В состав Советского Союза Тува вошла последней – в 1944 г. Республика относится к так называемым «традиционным» регионам, что априори предполагает сохранение и приверженность вековым национальным ценностям. В Тыве процесс встраивания в советскую реальность привёл к некоему симбиозу традиционного и современного в разных областях социально-

экономического развития общества. Именно сохранение традиционного уклада в значительной степени влияет на воспроизводство человеческого ресурса в республике. В частности, количественные характеристики воспроизводства населения региона имеют принципиальные отличия от показателей по России в целом.

Тува в течение двух последних десятилетий является одним из лидеров по коэффициенту естественного прироста населения. В настоящее время она занимает второе место (после Чеченской Республики) в рейтинге. Численность сельского населения почти вдвое выше, чем в среднем по стране. [Население регионов...] В регионе сохраняется положительный общий прирост населения несмотря на отрицательные значения миграционного прироста. [Миграция населения...] Население Тувы демонстрирует высокий уровень самовоспроизводства.

В 2021 г. в республике было зафиксировано резкое увеличение – в три с половиной раза - числа разводов. С этим явлением непосредственно связано и увеличение количества неполных семей, в том числе, многодетных. Эта тенденция совершенно не характерна для брачных традиций тувинского общества, в рамках которых социальное сиротство совершенно исключается. Необходимо отметить, что на количественных характеристиках человеческого ресурса Тувы – общей численности населения, рождаемости - эта тенденция практически не отразилась. Но предположение властных органов республики (в частности, Министерства труда и социального развития Тувы) о её негативном влиянии на качество человеческого капитала и, в целом, на социально-экономическое развитие региона вполне обосновано.

Для более полного изучения проблемы неполных семей в Туве в 2022 г. учёными Института социологии РАН было проведено социологическое исследование. Объем выборки с учётом погрешности $\pm 3\%$ - 1200 ед. Выборка репрезентативна по полу, возрасту и территориальной принадлежности респондентов. Метод исследования - анкетный опрос.

Анализ результатов исследования позволил выявить проблемы, которые в наибольшей степени волнуют неполные семьи. Главная из этих проблем бедность. Остальные – в основном те, которые приводят к бедности: безработица, рост цен, низкий уровень оплаты труда, жилищные проблемы. Хотя по данным Росстата уровень бедности в России в 2024 году снизился на 1,1% до 7,2%, проблема бедности остаётся одной из ощутимых социальных проблем страны. В Туве и по данным статистики, и по данным исследования она наиболее острая. Бедность – главная проблема именно для неполных семей Тувы. Полные семьи также отмечают эту проблему в числе наиболее волнующих. Но в их «рейтинге» она занимает шестое место. Между тем, именно бедность во многом ограничивает доступ значительной части населения к ресурсам развития: услугам образования и здравоохранения, возможностям успешной социализации молодежи, то есть, непосредственно влияет на качество человеческого капитала и человеческого ресурса региона.

Уровень бедности напрямую зависит от уровня занятости в регионе, потребностей его рынка труда. Дальнейший анализ результатов исследования показал, что в области занятости различия между полными и неполными семьями практически отсутствуют. Работу или свой бизнес имеют 76,6% активных членов неполных семей и 79,8% активных членов полных семей. Работа в основном постоянная как в неполных, так и в полных семьях – 77,8% и 79,5% соответственно и официальная – 94,3% и 94,8% соответственно. Безработных, как зарегистрированных, так и незарегистрированных в службе занятости в неполных семьях 15,1%, в полных – 12,1%. Разница во всех случаях находится в пределах ошибки выборки.

В целом необходимо отметить большую степень однородности поведенческих стратегий в области трудовых отношений респондентов из обеих исследуемых групп. Чтобы повысить материальный уровень семьи, в обеих исследуемых группах используют проверенные методы, характерные для страны в целом: дополнительную работу или подработку. В неполных семьях подработку или дополнительную работу имеют 23,8%, в полных – 29,4%. Разница составляет 5,6% в пользу полных семей. Это статистически значимая и вполне объяснимая разница, поскольку для семей с одним родителем недостаток времени является большой проблемой.

Второй источник дополнительных доходов является характерным именно для традиционных регионов с их укладом жизни, в котором «род» - основополагающее понятие, а сельскохозяйственная работа (в Туве это в основном скотоводство) – одно из основных занятий независимо от места проживания. Поэтому в неполных и полных семьях дополнительно работают в своём фермерском хозяйстве или у родственников за плату 13,4% и 16,8% соответственно.

Трудовая миграция является одним из способов решения проблем занятости, включая безработицу и материальные проблемы. В исследовании респондентов спрашивали о возможности для них прибегнуть к такому способу. На вопросы: «Вы рассматриваете или нет возможность поехать на сезонные работы в другой регион?» и «Вы рассматриваете или нет возможность переезда в другой город или республику для поиска более подходящей работы?» - ответы распределились следующим образом. На первый вопрос определённые ответы «да» или «нет» в неполных семьях дали 15,1% и 49,5% соответственно, в полных 13,7% и 55,8% соответственно. На второй вопрос определённые ответы «да» или «нет» в неполных семьях дали 20,0% и 52,4% соответственно, в полных 14,6% и 56,1% соответственно. То, что трудовая миграция не является желательным, а, тем более, предпочтительным способом решения проблем занятости, свидетельствует также достаточно большая доля неопределённых ответов – около 30% в обеих группах респондентов.

Анализируя результаты проведённого исследования, учёные пришли к выводу, что в области занятости поведенческие стратегии респондентов в

обеих группах как осуществлённые, так и предполагаемые достаточно одинаковы. Однако «рамки» возможностей у неполных семей сильно сужены. Например, в сфере занятости на рынке труда существует конкуренция между потенциальными работниками, даже в настоящее время, когда в стране самая низкая в новейшей истории безработица, а в некоторых случаях кадровый спрос превышает предложение. Но такое положение на рынке труда основано на чисто количественных показателях. В стране же сейчас идёт структурная перестройка экономики, а, следовательно и кадровые потребности, и безработица, и конкуренция на рынке труда носят качественный характер. Конечно, в этой ситуации неполные семьи, главной проблемой которых по их собственной оценке является бедность, на конкурентном «поле» рынка труда находятся в наиболее уязвимом положении.

Властные структуры республики не менее самих граждан заинтересованы в исправлении такого положения, поскольку бедность населения означает бедность Тувы, которая по этому показателю на протяжении долгих лет занимает одно из «лидирующих» мест в России. Для неполных семей в России существуют общегосударственные меры поддержки, такие как единое социальное пособие, налоговый вычет. Кроме этого, существуют региональные социальные льготы. В Туве кроме непосредственно денежных пособий - **ежемесячного пособия на ребёнка в возрасте от 8 до 17 лет, единовременного пособия при рождении ребёнка** существуют **меры поддержки, облегчающие этой категории населения получение различных качественных услуг.** Для детей одиноких родителей предусмотрены, например, льготы на получение места в дошкольных образовательных учреждениях, путёвок в оздоровительные лагеря, бесплатного питания в школах. Ежемесячное пособие на ребёнка может получать один из родителей, если второй умер, пропал без вести, не вписан в свидетельство о рождении и **в случаях развода, когда не проживающему с ребёнком родителю судом назначены алименты.** При этом, размер пособия не является фиксированным, он назначается с учётом комплексной оценки материального положения семьи. Пытаясь найти объяснение резкому скачкообразному увеличению числа разводов в республике, исследователи предположили, что в Туве это стало своеобразной адаптивной мерой в непростой социально-экономической ситуации. Поскольку рост числа разводов продолжается, эта адаптивная мера населением признана удачной.

Литература

Карташова, Л., Мусимович, М. (2024) Управление человеческими ресурсами: глобальные вызовы и возможности. *Лидерство и менеджмент*. Том 11. № 1. С. 13-32.

Becker, G. Human Capital. (1964). N.Y.: Columbia University Press.

Миграция населения Тувы [Электронный ресурс]. URL: <https://tmgnews.ru/novosti/migracziya-naseleniya-tuvy/amp/> (дата обращения 5 августа 2025 г.)

Население регионов России [Электронный ресурс]. URL: http://www.statdata.ru/largest_regions_russia (дата обращения 5 августа 2025 г.)

АССАМБЛЯЖИ ВЛАСТИ: ОПЫТ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОДХОДА К АНАЛИЗУ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКИ ГОРОДОВ СИБИРИ

Ю.А. Пустовойт

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск

Томский государственный университет, г. Томск

pustovoit1963@gmail.com

Аннотация. На основе принципов процессуального подхода М. Деланды рассмотрены процессы политической динамики в городах Сибири, где властные отношения были на протяжении тридцати лет сформированы по одному из паттернов ассамбляжа власти: координации или контроля. Выделены основные факторы, обеспечивающие траектории движения: модель города, мозаичность и модели порядка. В предложенных теоретико-методологических рамках, на основе сравнительного подхода, рассмотрены политические процессы в сибирских городах, приведены вероятные сценарии развития социальных ситуаций и возможные конфигурации местного политического дизайна.

Ключевые слова: города Сибири, ассамбляж власти, политическая динамика

Пригодна ли Сибирь для качественной жизни? Известно, что проблему «Сибирского проклятья» в наиболее острой форме поставили американские ученые Ф. Хилл и К. Гэди, заявившие об «экономической глупости» развития городов в экстремально холодных регионах и предложившие радикальные рекомендации по переселению населения в европейскую часть и освоению Сибири как «сырьевого придатка. Российское научное сообщество не осталось в стороне, и профессора В.М. Зубов и В. Л. Иноземцев ответили альтернативной, оптимистичной версией исследования «Сибирского благословения», где в качестве проклятья уже рассматривалась предельно централизованная политика федерального центра. Вне зависимости от хода и результатов этой дискуссии с каждым годом обостряется проблема управления обширными территориями, расположенными в сложных климатических условиях и населением, мигрирующим из регионов промышленных центров в относительно успешные крупные сибирские города, что усугубляет межрегиональное неравенство с сопутствующим комплексом нерешаемых экологических и экономических вопросов. В этих условиях основным фактором развития будет рост человеческого капитала, под которым мы понимаем в широком смысле комплекс интеллектуальных и коммуникативных способностей индивида к производительному труду и поддержанию высокого качества жизни. Исследовательский вопрос с учетом современного российского политического бэкграунда можно сформулировать следующим образом: «Какая совокупность политических факторов наиболее благоприятна для увеличения индивидуальных и групповых способностей к

созданию и поддержанию связей, укрепляющих традиционные ценности (жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм и т.д.).

Одним из направлений исследований, релевантных современным обществам высокой сложности, мы считаем исследовательский дизайн, заданный принципами и онтологией, разработанной М. Деландой. Это одно из направлений рассмотрения взаимодействий в процессуальной оптике (Б. Латур, Дж. Ло, Э. Амин, Н. Трифт и др.), где власть представляет собой децентрализованный распределённый эффект, возникающий в ходе взаимодействия человеческих и нечеловеческих акторов (инфраструктуры и технологий), где постоянно происходит воспроизводство и разрушение связей, распределённых по всем сетям. Здесь в фокусе внимания – возникновение динамических самоорганизующихся неединичных целостностей (ассамбляжей). Власть рассматривается не как волевой акт, а как стабилизирующий процесс действия распределённых по сети ассамбляжа совокупных сил. Эти силы в ходе кодирования (создания правил, идеологий, символов) и територизации (установления границ) организуют и делают предсказуемым поведение разномасштабных акторов (людей, сетей, организаций, правительств, городов, государств), производя новые модели политического порядка.

В рамках этих теоретических положений и для эмпирического анализа механизмов и факторов политической динамики в современных городах введем понятие ассамбляж власти – исторически складывающиеся динамическое образование, состоящее из гетерогенных элементов (людей, сетей, институтов, организаций, инфраструктуры, городов и государств), которые вступают в отношения экстерности и обеспечивают стабилизацию (территоризацию) ассамбляжа, через совокупность процессов формируют и поддерживают паттерны координации (властные отношения на основе договора в обозначенных временных и процессуальных границах) и контроля (отношения постоянного доминирования одних групп). Результаты выборов позволяют рассмотреть ассамбляж власти в статичном измерении как городской режим – политический порядок, зафиксированный в конкретный момент времени и в конкретных территориальных границах по двум паттернам, координации или контроля, в зависимости от сочетания оценок по трем биполярным маркерам: альтернативность – безальтернативность, прозрачность процедур – абберрация; инфраструктурное благополучие – неблагополучие.

Кризис ассамбляжа власти происходит при разрушении связей в материальной составляющей ассамбляжа (нехватка ресурсов для поддержания и обеспечения инфраструктуры). Все стратегии установления нового социального равновесия могут быть сведены к двум противоположным выходам: либо уменьшить количество альтернатив, что означает структурирование власти по паттерну контроля, либо уменьшить абберрацию норм, сосредотачиваясь на установлении общих правил взаимодействия и привлекая ресурсы для их поддержания. Конкретный набор

действий, обеспечивающих территориализацию по паттерну координации или контроля, зависит от географического положения, исторически сложившихся условий и места в экономике. Эти факторы, в свою очередь, определяются типом городской модели, мозаичностью и моделью порядка. Город-сетевая столица (хаб) выступает связкой для других регионов и экономик, город-центральное место может быть как индустриальным, являющимся элементом промышленной цепочки, так и административным центром, оказывающим услуги деревенской местности. Мозаичность определяется числом взаимодействующих в городе самодостаточных, самостоятельных сетей и организаций. Модель порядка, горизонтальная или вертикальная, представляет собой идеал, на который ориентировались победители первых выборов в 90-е годы.

Сопоставление методом логико-эвристического анализа (вариант QCA) ассамбляжей власти в 13 сибирских городах к 2019 г. подтверждает этот вывод. Паттерн координации сложился в городах-хабах (Новосибирске, Томске, Красноярске, Иркутске) с высокой мозаичностью: здесь развиты все типы сетей (особенно сети справедливости и сети поколений) с поддерживающей инфраструктурой; есть разнообразные экономические организации, среди которых значительный сектор услуг и новых технологий; существуют масштабные центры идеологического производства (крупные университеты и конкурентоспособные на федеральном уровне СМИ). В 90-е годы определяющей в публичной политике была горизонтальная модель порядка. На противоположном полюсе паттерн власти-контроля возникает и стабилизируется в городах - индустриальных и административных центрах (Кемерово, Новокузнецк, Кызыл). Здесь наблюдается невысокая мозаичность (социальные сети в основном построены на сильных связях, в основе экономики – предприятия тяжелой индустрии, города являются центрами управления и развития крупных экономических вертикально интегрированных корпораций, нет сильных вузов и влиятельных независимых от властей СМИ), а лидеры 90-х ориентировались на авторитарные модели порядка. Города, находящиеся в промежуточной зоне, подтверждают основные положения теории ассамбляжей об уникальности исторического становления. В городах, относящихся к паттерну координации и индустриальным центрам Омске, Барнауле, Чите, снижение мозаичности на уровне сетей и организаций произошло из-за уменьшения объемов городских ресурсов. В административном центре Абакане основную роль сыграла горизонтальная модель порядка, которой придерживался первый, долгое время несменяемый, мэр города. Административные центры Улан-Удэ и Горно-Алтайск – это города, где на сетевом уровне преобладают сильные связи и локальные сообщества, выступающие основным фактором политической жизни. Оценка инфраструктурного благополучия в 2019 г. не показывает существенных различий между городами с противоположными паттернами власти в отношении содержания дорог и общего благоустройства. Тем не менее существенная разница есть по составляющим символическую

инфраструктуру компонентам: возможности получения и использования информационных услуг (доступа к медиаресурсам), исторической и массовой городской репрезентации.

Каждый город представляет собой уникальное сочетание материальных и экспрессивных компонентов, обеспечивающих собственный ритм процессов территориализации и детерриторизации и уже сложившихся ассамбляжей власти. В рассмотренной нами теоретико- методологической модели универсальный процесс территориализации по паттерну контроля означает переход от экстериторных отношений к квазиинтериторным, что усилит процесс детерриторизации, и вместо ожидаемого централизованного порядка приведет к серьезным деформациям социальной и материальной инфраструктуры. Это проявится как распад социальных связей, атомизация и рост числа аварий. Для каждого из городов необходим свой комплекс конгруэнтных ассамбляжам власти институтов, обеспечивающих реализацию курса федеральных программ и сочетающих местную самостоятельность и инициативу с соблюдением конституционных норм и гарантий. Вероятно, для городов-сетевых столиц оптимальной моделью будет смешанная система, где сильный избираемый горожанами мэр контролирует администрацию и уравновешивается сильным советом, осуществляющим надзор и развитие механизмов участия (платформ обсуждения «умного города» и референдумов). Индустриальные города требуют создания механизмов модерирования мэрии и промышленных предприятий, что требует создания альянсов местной власти и горожан по вопросам экологии. Небольшие города-административные центры национальных республик, вероятно, требуют максимально приближенного к населению самоуправления, что может принимать формы как прямых выборов, так и действия районных советов по вопросам партисипаторного бюджетирования.

ТЕНДЕНЦИИ МИГРАЦИОННОЙ СВЯЗАННОСТИ РЕГИОНОВ АЗИАТСКОЙ РОССИИ

Т.Ю. Черкашина

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
touch@nsu.ru

Н.Л. Мосенко

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН,
Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
nlmosienko@yandex.ru

Статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект «Акторы, драйверы, последствия социальных изменений в современном обществе: теория и эмпирика», № 121040100280-1

Аннотация. Представлены результаты исследования связанности регионов Азиатской России на основе показателей постоянной (безвозвратной) миграции населения как одной из разновидностей межрегиональных взаимодействий. О связанности свидетельствует наличие интенсивных миграционных обменов между регионами, а также их устойчивость, стабильность во времени. Используются статистические данные о межрегиональной миграции населения Сибирского и Дальневосточного федеральных округов и Тюменской области за 2015, 2019, 2023 гг. Показаны общие тенденции миграционных процессов, выделены группы связанных регионов, объединенных по географическому признаку, интенсивность миграционных обменов внутри которых выше, чем с территориями за их пределами: западная и южная группы в Западной Сибири, Енисейская и Прибайкальская группы в Восточной Сибири и группа регионов Дальнего Востока.

Ключевые слова: миграционная связанность, интенсивность миграции, постоянная миграция, Азиатская Россия.

Концентрируясь в исследовании на показателях постоянной (безвозвратной) миграции населения, мы идентифицируем связанные пространства Азиатской России, описываем особенности связанности регионов этой части страны. Масштаб миграционных потоков используется как один из показателей связанности экономического пространства наряду с показателями специализации производства, занятости населения, развития инфраструктуры и пр. [Положенцева, 2018; Полякова, Симарова, 2014]. Наше исследование ориентировано на решение проблемы недостатка знаний о пространственной связанности Азиатской России, отличающейся низкой

плотностью и неравномерностью расселения, концентрацией населения в городах и вдоль транспортных магистралей. Мы предполагаем, что о связанности свидетельствует наличие интенсивных миграционных обменов (связей) между регионами (а не однонаправленные перемещения), а также их устойчивость, стабильность во времени. При этом связанность понимается нами как свойство пространства, а миграционные связи – это проявление, индикатор связанности.

В исследовании использованы статистические данные о межрегиональной миграции населения Сибирского федерального округа, Дальневосточного федерального округа и Тюменской области за 2015, 2019, 2023 гг.⁸ Были рассчитаны значения коэффициента интенсивности (скорости) межрегиональных потоков миграции попарно между всеми регионами Азиатской России, затем выбраны пары регионов с наиболее интенсивным миграционным обменом, а также выделены группы связанных регионов, объединенных по географическому признаку (географическая близость, наличие общих границ), с более интенсивным внутригрупповым миграционным обменом, чем с территориями за их пределами (табл. 1).

Для измерения интенсивности миграционных процессов использовался показатель «скорость миграционного потока» как относительная мера миграции.⁹ Данный коэффициент позволяет скорректировать влияние численности населения регионов на оценки миграционных потоков выбывающих из и прибывающих в различные территории, т.е. на показатели межтерриториальных миграционных связей.

Отметим *общие тенденции миграционных процессов*. Во-первых, заметно общее снижение миграционных обменов, как по сокращению среднего значения коэффициента интенсивности миграции, так и по снижению его значений практически во всех парах регионов. Интенсивность межрегиональных миграций в регионах Азиатской России постепенно снижалась в рассматриваемый период за исключением нескольких регионов. Во-вторых, в ряде связанных групп регионов наблюдается «западный дрейф», зафиксированный и другими исследователями миграций, когда интенсивность потока миграции в западном направлении выше интенсивности в восточном направлении [Коломак, 2019; Шворина, Фалейчик, 2018].

⁸ ЕМИСС. Число выбывших. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513>; Число прибывших. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43514>. Дата обращения 03.09.2025.

⁹ Энциклопедия статистических терминов. Том 5. Демографическая и социальная статистика / Росстат, НИУ ВШЭ. М., 2011. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/528>. Дата обращения: 03.09.2025.

Таблица 1

Пары регионов Азиатской России, интенсивно связанные миграционными обменами, значения коэффициентов интенсивности (скорости) миграции

Пары регионов	2015	2019	2023
<i>Западная Сибирь. Западная группа регионов</i>			
Тюменская обл. → Омская обл.	0,356	0,267	0,230
Омская обл. → Тюменская обл.	0,447	0,435	0,366
<i>Западная Сибирь. Южная группа регионов</i>			
Новосибирская обл. → Алтайский край	0,307	0,289	0,260
Алтайский край → Новосибирская обл.	0,453	0,434	0,347
Новосибирская обл. → Кемеровская обл.	0,243	0,232	0,204
Кемеровская обл. → Новосибирская обл.	0,393	0,374	0,285
Алтайский край → Кемеровская обл.	0,259	0,213	0,166
Кемеровская обл. → Алтайский край	0,203	0,178	0,149
Кемеровская обл. → Томская обл.	0,537	0,429	0,251
Томская обл. → Кемеровская обл.	0,395	0,382	0,283
Республика Алтай → Алтайский край	1,026	0,930	0,899
Алтайский край → Республика Алтай	1,048	0,997	0,802
Новосибирская обл. → Республика Алтай	0,265	0,245	0,200
Томская обл. → Республика Алтай	0,214	0,194	0,115
<i>Восточная Сибирь. Енисейская группа регионов</i>			
Красноярский край → Республика Тыва	0,360	0,433	0,308
Республика Тыва → Красноярский край	0,558	0,479	0,579
Красноярский край → Республика Хакасия	1,271	1,129	1,098
Республика Хакасия → Красноярский край	1,273	1,207	1,252
Республика Хакасия → Республика Тыва	0,218	0,305	0,284
Республика Тыва → Республика Хакасия	0,517	0,573	0,675

Пары регионов	2015	2019	2023
<i>Восточная Сибирь. Прибайкальская группа регионов</i>			
Иркутская обл. → Республика Бурятия	0,413	0,379	0,298
Республика Бурятия → Иркутская обл.	0,491	0,354	0,286
Республика Бурятия → Забайкальский край	0,379	0,366	0,270
Забайкальский край → Республика Бурятия	0,593	0,557	0,408
Забайкальский край → Иркутская обл.	0,239	0,172	0,145
<i>Дальневосточная группа регионов</i>			
Приморский край → Камчатский край	0,309	0,293	0,234
Камчатский край → Приморский край	0,325	0,259	0,180
Приморский край → Сахалинская обл.	0,324	0,228	0,172
Сахалинская обл. → Приморский край	0,348	0,273	0,180
Приморский край → Чукотский АО	0,185	0,277	0,113
Чукотский АО → Приморский край	0,218	0,236	0,236
Приморский край → Хабаровский край	0,541	0,514	0,412
Хабаровский край → Приморский край	0,530	0,520	0,417
Хабаровский край → Сахалинская обл.	0,341	0,241	0,207
Сахалинская обл. → Хабаровский край	0,388	0,318	0,213
Хабаровский край → Амурская обл.	0,349	0,360	0,247
Амурская обл. → Хабаровский край	0,512	0,428	0,330
Еврейская АО → Хабаровский край	1,463	1,402	1,028
Хабаровский край → Еврейская АО	0,795	1,068	0,961
Хабаровский край → Чукотский АО	0,206	0,264	0,171
Чукотский АО → Хабаровский край	0,258	0,253	0,206
Амурская обл. → Еврейская АО	0,223	0,168	0,133
Еврейская АО → Амурская обл.	0,227	0,175	0,103
Магаданский обл. → Чукотский АО	0,203	0,225	0,241
Чукотский АО → Магаданская обл.	0,291	0,249	0,286
Амурская обл. → Приморский край	0,219	0,201	0,166
Еврейская АО → Приморский край	0,264	0,255	0,211

Пары регионов	2015	2019	2023
Пары регионов из разных групп			
Красноярский край → Иркутская обл.	0,209	0,215	0,196
Иркутская обл. → Красноярский край	0,342	0,306	0,365
Республика Саха (Якутия) → Новосибирская обл.	0,237	0,204	0,150
Чукотский АО → Алтайский край	0,187	0,358	0,322
Алтайский край → Чукотский АО	0,191	0,358	0,292
Чукотский АО → Омская обл.	0,466	0,554	0,546
Омская обл. → Чукотский АО	0,532	0,534	0,533
Республика Алтай → Сахалинская обл.	0,083	0,132	0,211
<i>Средние значения коэффициентов интенсивности миграции между всеми регионами Азиатской России</i>	0,093	0,091	0,079

Источник: расчеты авторов на данных Росстата.

Цветовая легенда к таблице: значения коэффициентов скорости (интенсивности) миграции

0,100– 0,199	0,200– 0,299	0,300– 0,499	0,500– 0,999	выше 1,000
-----------------	-----------------	-----------------	-----------------	------------

Межрегиональная миграционная связанность описана по ряду параметров.

Интенсивность миграционных обменов существенно дифференцирована по регионам Азиатской России. Пары связанных регионов различаются интенсивностью миграции, измеряемой через коэффициенты интенсивности (скорости) миграционного потока, значения которых были разделены на интервалы до 0,199, 0,200-0,299, 0,300-0,499, 0,500-0,999, выше 1,000. На уровне макрорегионов – групп связанных территорий, объединенных по географическому признаку, по интенсивности внутригрупповых миграционных обменов, – выделяются западная и южная группы в Западной Сибири, Енисейская и Прибайкальская группы регионы в Восточной Сибири и Дальневосточная группа. Между всеми субъектами федерации, входящими в один макрорегион, миграционные обмены интенсивнее внешних, исключением является пара Иркутская область – Красноярский край, входящая в разные макрорегионы, но связанная достаточно интенсивными миграционными потоками.

Природа связанности – *естественная*, обусловленная географической близостью, наличием общих границ между регионами, близкими также социокультурно, и *институциональная*, при которой

относительно сильная и устойчивая во времени миграционная связанность возникает между удаленными друг от друга регионами вследствие целенаправленных усилий по стимулированию миграционных перемещений (например, региональными программами по стимулированию трудовой мобильности и/или сложившимися моделями трудовой миграции).

По параметру *симметричности потоков миграции в паре регионов* есть группы связанных регионов, в которых миграционные связи построены по типу «донор – реципиент», когда интенсивность потока в одном направлении существенно превышает интенсивность в другом направлении. Существует также «симметричный обмен», когда интенсивность потоков в обоих направлениях является сопоставимой. Пары с наиболее устойчивой симметрией в миграционном обмене: Алтайский край – Республика Алтай, Красноярский край – Республика Хакасия, Иркутская область – Республика Бурятия, Приморский край – Хабаровский край и ещё несколько пар регионов Дальнего Востока.

Внутренняя структура и формы связанности выделенных групп регионов различаются. Так, Енисейская и Прибайкальская группы в Восточной Сибири – это триады интенсивно связанных между собой регионов, тогда как Южная группа в Западной Сибири и Дальневосточная группа – это наборы диад (пар) регионов, связанных интенсивными миграционными обменами. Особенность Дальневосточной группы заключается в наличии в ней двух центров миграционного притяжения – Приморского края и Хабаровского края, которые при этом интенсивно и симметрично связаны между собой. Цепочную форму миграционной связанности олицетворяют, к примеру, миграционные потоки через регион-посредник Иркутскую область: «входящие» в нее потоки из Забайкальского края и Республики Бурятия сочетаются с интенсивным «исходящим» потоком в Красноярский край. Другой пример «цепочки», в которой «посредником» является Алтайский край: Республика Алтай – Алтайский край – Новосибирская область.

Устойчивость миграционных связей регионов подразумевает воспроизводимость интенсивности миграционных связей во времени. Для оценки устойчивости, во-первых, определялись значения коэффициента скорости (интенсивности) миграционного потока для трех точек восьмилетнего периода; во-вторых, использовались данные Всероссийской переписи населения – 2020 (2021) о месте проживания родившихся в разных регионах,¹⁰ чтобы определить «накопленный эффект» миграции: в каких регионах концентрируются выходцы из тех или иных субъектов федерации. Ожидаемо и закономерно, что максимальная доля рожденных в том или ином регионе в нем же и остается, но в большинстве регионов географической Сибири она выше, чем в большинстве регионов Дальнего Востока. Регионы,

¹⁰ Росстат. Итоги ВВП-2020. Том 6 Миграция населения. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Том6_Migraciya_naseleniya. Дата обращения 03.09.2025.

следующие за территорией рождения, в которые уехала наибольшая доля родившихся в том или ином регионе, как раз отражает накопленный эффект миграции. Практически для всех рассматриваемых территорий это субъекты федерации из того же миграционного макрорегиона.

Результаты свидетельствуют о фрагментированности пространства Азиатской России, что проявляется в существовании нескольких групп регионов с более интенсивными внутренними миграционными связями по сравнению с внешними. При управлении пространственным развитием целесообразно учитывать реальную социально-пространственную структуру и устойчивые модели межрегиональных взаимодействий, ориентируясь не на конкуренцию регионов за население, а на их сотрудничество в связанных пространствах.

Литература

Коломак, Е. А. (2019). Пространственное развитие России в XXI в. // Пространственная экономика. Т. 15. № 4. С. 85–106.

Положенцева, Ю. С. (2018). Количественная оценка уровня развития межрегиональной связанности экономического пространства // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. № 3 (29). С. 116–128.

Полякова, А. Г., Симарова, И. С. (2014). Обоснование регионального развития с учетом связанности экономического пространства. Тюмень: ТюмГНГУ.

Шворина, К. В., Фалейчик, Л. М. (2018). Основные тренды миграционной мобильности населения регионов Сибирского и Дальневосточного Федеральных округов // Экономика региона. Т. 14, вып. 2. С. 485–501.

МИГРАЦИИ И МИГРАЦИОННЫЕ СВЯЗИ СИБИРСКИХ РЕГИОНОВ: ИССЛЕДОВАНИЕ НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИОННЫХ И ЦИФРОВЫХ ИСТОЧНИКОВ ДАННЫХ

К.А. Чернышев

Федеральный научно-исследовательский центр РАН, г. Москва
kochern81@gmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ, проект № 25-78-30004 «Цифровая демографическая обсерватория: разработка системы мониторинга демографических процессов в регионах России с использованием ГИС-технологий и больших данных», <https://rscf.ru/project/25-78-30004/>

Аннотация. Статья посвящена исследованию миграционных процессов в сибирских регионах России на основе традиционных и цифровых источников данных. На основе метода демографического баланса выявлен недоучет миграционной убыли населения по данным текущего учета в ряде субъектов РФ. С помощью анализа цифровых следов пользователей в социальной сети изучены миграционные связи и зоны влияния городов Сибири.

Ключевые слова: миграции, Сибирь, переписи населения, текущий учёт, социальные сети

Миграционные процессы являются ключевым индикатором социально-экономического развития регионов. Исследование миграций в Сибири, крупнейшем макрорегионе страны, приобретает особую актуальность в контексте анализа современных демографических вызовов и использования новых видов данных. Изучение миграции в крупнейшем территориальном образовании страны связано с дискуссионным вопросом определения границ Сибири. Несмотря на передачу забайкальских субъектов РФ в состав Дальневосточного федерального округа, в нашей работе сибирский макрорегион рассматривается в границах Сибирского федерального округа 2000-2018 гг., т.е. включая Бурятию и Забайкальский край в силу выявленного их более выраженного тяготения к сибирским, а не дальневосточным центрам. Исключены из рассмотрения Тюменская область, Ханты-Мансийский-Югра и Ямало-Ненецкий автономные округа, обычно относящиеся к Западной Сибири, но изначально включённые в состав Уральского федерального округа. В указанных границах в Сибири в 12 субъектах РФ проживает 18,5 млн человек.

К традиционным источникам демографической информации относятся данные текущего учёта и переписей населения. В большинстве случаев исследователи сибирских миграций прибегают к её оценке на основе данных текущей статистики, которая в течение большей части советского периода

была основным, практически единственным, источником информации о миграции [Переведенцев, 1966]. Научные работы последних лет подробно описывают объёмы миграции сибирских регионов, они также преимущественно опираются на информацию о текущей регистрации переселяющихся по месту жительства и пребывания и рассматривая факторы и территориальные различия в миграционном приросте или убыли населения [Воробьёв, 2019; Самаруха, Краснова, Плотникова, 2018 и другие], анализируя скорость миграционного потока и сложившиеся связи между сибирскими территориями [Черкашина, Мосиенко, Калашникова, 2023] и других вопросов. В настоящей работе для оценки миграционного прироста (убыли) в регионах мы используем сведения о численности населения согласно Всероссийским переписям 2010 и 2020–2021 гг., а также данные о естественном приросте с 14 октября 2010 г. по 2021 г. включительно.

Переписи населения проводятся через довольно продолжительный период и, при условии качественной организации, считаются надёжным источником данных о численности и составе населения на определённый момент времени. Система регистрации рождений и смертей также может рассматриваться как относительно надёжный источник информации о демографической динамике. Наличие данных о численности постоянного населения по итогам переписей 2010 и 2020–2021 гг. в сочетании с данными о естественном движении населения в межпереписной период позволяют оценить миграционный прирост методом демографического баланса. Такая косвенная оценка миграционного прироста представляет собой разницу между общим и естественным приростом численности населения (при условии отсутствия административно-территориальных преобразований). Балансовый метод имеет недостатки, но применяется демографами, в том числе для оценки миграционного прироста в регионах РФ [10]. Правильность расчёта определяется точностью определения численности населения и полнотой учёта естественного движения. Разность между миграционным приростом по данным текущего учёта и его оценкой, рассчитанной методом демографического баланса может рассматриваться как возможный недоучёт миграционного прироста.

Миграционный прирост регионов Сибири в 2010-2023 гг.

Регион	2010-2021 гг.			2022-2023 гг.
	текущий учёт	косвенная оценка на основе демографического баланса	недоучёт миграционного прироста	текущий учёт
Республика Алтай	-624	-11 268	-10 644	-800
Республика Бурятия	-29876	-33 969	-4 093	-3 729
Республика Тыва	-22274	-18 271	4 003	-4 552
Республика Хакасия	-3238	3 206	6 444	-807
Алтайский край	-59292	-163 981	-104 689	-9 490
Забайкальский край	-77731	-117 198	-39 467	-10 374
Красноярский край	34211	41 705	7 494	10 655
Иркутская область	-68505	-55 898	12 607	-16 490
Кемеровская область	-45092	-48 750	-3 658	-8 666
Новосибирская область	150505	167 016	16 511	13 332
Омская область	-67429	-88 782	-21 353	-14 819
Томская область	22614	16 852	-5 762	-11 419

Наиболее высокие миграционные потери за 2010-2021 гг. понесли Алтайский и Забайкальский края, Омская область, причём в Алтайском крае миграционная убыль, рассчитанная методом косвенной оценки, более чем на 100 тыс. чел. превысила данные текущего учёта миграции (таблица 1). В относительном выражении наиболее значительные миграционные потери выявлены в Забайкальском крае, Алтайском крае, республиках Алтай и Тыва. Данные регистрации мигрантов 2022 и 2023 гг., в основном, подтвердили тенденции межпереписного периода, но наиболее крупными миграционными донорами стали Иркутская, Омская и Томская области. Выраженным миграционным реципиентом в Сибири за 2010-2023 гг. является Новосибирская область, а в меньшей мере Красноярский край.

Для оценки миграционных связей внутри сибирского макрорегиона нами использовалась база данных «Межмуниципальная образовательная миграция в России» [Чернышев и др., 2023], включающая информацию о пользователях «ВКонтакте», имеющих открытую страницу, в которой отмечено место рождения или окончания школы (на территории России), а также указаны возраст и вуз, где обучается или в прошлом обучался пользователь. Число пользователей социальной сети, родившихся или закончивших школу в 12 сибирских субъектах РФ составило 483,4 тыс., что примерно соответствует числу указавших в своих профилях обучение в 39 городах-вузовских центрах Сибирского федерального округа, Забайкальского края и Бурятии – 484,6 тыс. чел. Данные цифровых следов мигрантов позволили определить для каждого сибирского муниципалитета главный город-центр высшей школы, куда направлялось большинство образовательных мигрантов.

Наиболее цельной с точки зрения территориальной организации высшей школы является Новосибирская область. Главный город данного субъекта РФ является основным центром получения высшего образования для выходцев из всех муниципалитетов региона, несмотря на то, что в качестве центров высшей школы пользователи «ВКонтакте» указывали также Бердск и Куйбышев. Для остальных сибирских регионов характерно тяготение отдельных муниципалитетов к центрам соседних субъектов РФ или наличие внутрирегиональных центров высшего образования. Муниципальные образования, выходцы из которых выбирают для получения высшего образования города-центры в соседних субъектах РФ, в основном расположены на окраине своих регионов. Среди муниципальных образований регионов Сибири наиболее значительное притяжение центра соседнего субъекта РФ характерно для Тайгинского района Кузбасса, Северобайкальского района Бурятии и Орджоникидзевогo района Хакасии, тяготеющих соответственно к Томску, Иркутску и Красноярску. Предполагаем, что в сибирских условиях большое значение имеет территориальная доступность городов-центров высшего образования, в том числе наличие железнодорожных магистралей, связывающих с главными городами-центрами высшего образования. Также важны исторически сложившиеся связи по получению образования в сочетании с недостаточной развитостью высшей школы в региональных центрах (республики Хакасия, Алтай). Интересен пример населённого преимущественно бурятами Могоутуйского района Забайкалья, выходцы из которого предпочитают получать высшее образование в Улан-Удэ: вероятно, значение имеет национальный фактор [Чернышев, Мирязов, Петров, 2023].

Проведенное исследование демонстрирует существенные расхождения в оценках миграционного прироста по данным текущего учета и демографического баланса, что указывает на значительный недоучет миграции в официальной статистике. Анализ цифровых следов образовательных мигрантов выявил сложную структуру миграционных

связей и зон влияния городов Сибири, выходящих за административные границы субъектов РФ. Полученные результаты подчеркивают необходимость комплексного использования традиционных и цифровых источников для мониторинга и анализа миграционных процессов.

Литература

Черкашина, Т. Ю. Мосиенко, Н. Л., Калашникова, К. Н. (2023) Связанность регионов Юга Западной Сибири в индикаторах пространственной мобильности населения. *Регион: Экономика и Социология*. № 4 (120). С. 134-169. DOI 10.15372/REG20230406.

Самаруха, В. И., Краснова Т. Г., Плотникова Т. Н. (2018). Миграционное движение населения регионов Сибири. *Известия Байкальского государственного университета*. Т. 28. № 1. С. 56-62. DOI 10.17150/2500-2759.2018.28(1).56-62.

Воробьев, Н. В. (2019). Миграция населения Сибири: постсоветские тенденции. *География и природные ресурсы*. № S5(159). С. 172-177. DOI 10.21782/GIPR0206-1619-2019-5(172-177).

Переведенцев, В.И. (1966). *Миграция населения и трудовые проблемы Сибири*. Новосибирск: Наука.

Чернышев К. А., Петров Е. Ю., Митягина Е. В., Чернышева Н. В., Гойко В. Л. (2023). База данных «Межмуниципальная образовательная миграция в России». 2023. Номер регистрации (свидетельства): 2023624209 от 27.11.2023. DOI: 10.17632/nk8k7b998x.1

Чернышев, К. А. Мирязов Т. Р., Петров Е. Ю. (2023). Образовательные миграции в Сибири: исследование на основе данных социальной сети. *Географический вестник*. С. 41-51. DOI 10.17072/2079-7877-2023-4-41-51.

Секция 4.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПОДХОДЫ К ИЗМЕРЕНИЮ, ДИНАМИКА, РЕГИОНАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ

МЕСТО И РОЛЬ НАУКИ В МЕСТНЫХ СООБЩЕСТВАХ РЕСПУБЛИК СИБИРИ

А.М. Аблажей

ИФПР СО РАН, г. Новосибирск

ablazhey63@gmail.com

Аннотация. Доклад посвящен анализу динамики отношения к науке (речь идет главным образом о социо-гуманитарном знании) и к профессии ученого в местных сообществах национальных республик южной Сибири (Хакасия, Алтай, Тыва). Эмпирическую базу составили результаты полевых социологических количественных и качественных исследований, проведенных автором в первой половине 2000-х гг. Зафиксировано падение престижа науки как социального института, в том числе ее социогуманитарных областей и профессии ученого. Установлено, что наука сохраняет свою роль важного канала социальной мобильности, прежде всего пополнения национальной интеллигенции. Для региональных органов власти характерен преимущественно утилитарный подхода в науке и ее результатам. Четко прослеживается усиление тенденции к воспроизводству региональной гуманитарной интеллигенции за счет выходцев из других социальных слоев. Сделан вывод о сохранении уважения к образованию и образованным людям в сообществах, относительно недавно вставших на путь социальной модернизации.

Ключевые слова: социогуманитарный, знание, сообщество, регион, отношение, престиж, перспективы.

На уровне экспертного сообщества сегодня сформировалось относительно общая позиция относительно того, что такое региональная наука. При Комитете по образованию и науке Государственной Думы создан Экспертный совет по вопросам развития региональной и муниципальной науки (председатель Совета – академик РАН В.Л. Макаров, зам председателя – член-корреспондент РАН В.В. Иванов). Совершенно очевидно, что это специфическая часть российского научного ландшафта, к которой необходимо предъявлять особые требования.

Региональная и муниципальная наука – это специфическая практико-ориентированная часть российской науки, результаты деятельности которой

технологизированы и востребованы в целях устойчивого социально-экономического развития регионов и муниципальных образований. Такой вид науки не сводится только к исследованиям и публикациям, она должна быть технологичной, прикладной, которая переводит весь комплекс фундаментальных знаний на конкретный язык практики социально-экономического развития российских регионов.

Сегодня сложилась парадоксальная ситуация: ученые на местах жалуются, что власти не слышат науку – при этом власти на местах объективно нуждаются в экспертно-аналитической поддержке. С этой целью начали формировать учреждения, созданные специально для обсуждения и сопровождения управленческих решений в области региональных и муниципальных проблем; создаются собственные платформы для привлечения научных организаций и решения региональных и муниципальных проблем. В Белгороде – Институт муниципального развития и социальных технологий; в Воронеже – Институт экономки и социального управления, один из немногих вузов муниципального подчинения, выполняющий в т.ч. научные исследования в интересах органов власти региона. В этой логике, т.е. рассматривая научные учреждения прежде всего как консультативные, проектные и экспертные организации, следует анализировать и научные учреждения национальных республик Сибири (Тыва, Алтай, Хакасия).

Основной массив исследований, посвященных научным сообществам национальных республик Сибири, сделан на бурятских материалах. Наиболее фундаментальными здесь являются работы С.А. Панарина, посвященные этнополитической ситуации в Республике Бурятия в середине 1990-х гг. Автор много внимания уделяет «бурятскому феномену» – непропорционально большому, по сравнению с другими этническими группами, представительству бурят в органах власти, учреждениях культуры, здравоохранения, науки. По его мнению, причины подобного положения необходимо искать в специфике процессов этнической консолидации. Что касается тюркских республик Сибири, то здесь отсутствуют специальные социолого-научоведческие исследования, посвященные именно научной интеллигенции. Имеется несколько исторических (диссертационное исследование Р.Ш. Харунова, статья О.С. Дардын) работ, посвященных истории интеллигенции в Туве. Особо следует выделить цикл исследований Ч.К. Ламажаа, посвященных на этот раз «тувинскому феномену» социальной аризации.

Результаты проведенных нами исследований показали, что в современных условиях налицо трансформация функций науки, которая становится важным каналом социальной мобильности, способом сделать карьеру, прежде всего в сфере государственного управления. Весомым подтверждением подобного вывода может служить радикальная трансформация института ученых степеней. В современных условиях для

многих соискателей, особенно из числа так называемых *практиков*, защита кандидатской, а тем более докторской диссертации имеет значение отнюдь не в качестве подтверждения научной квалификации и средства успешного продвижения прежде всего научной карьеры, но выступает своего рода пропуском в более престижные сферы деятельности, в первую очередь в органы власти республиканского и федерального уровней. Один из респондентов, пожилой доктор наук, прямо заявил о том, что сплошь и рядом защита диссертации воспринимается как возможность выдвинуться, получения определенных должностей («У нас в правительстве очень много наших выпускников, они защитились»), ни о какой науке в истинном смысле слова речь не идет. Печальный парадокс ситуации заключается в том, что никакой выгоды наука из сложившейся ситуации практически не извлекает, научные учреждения выполняют, зачастую, роль исправно функционирующей кузницы кадров для властных структур, мало что получая взамен.

С другой стороны, в условиях падения престижа академической профессии, появления иных, более привлекательных возможностей для городской молодежи, наука становится шансом для мотивированной сельской молодежи осесть в городе и повысить свой социальный статус. Как отметил один из респондентов, наука становится нишей для молодежи из небогатых сельских семей: приезжая в город и заканчивая университет, они выбирают науку. Как следствие, в том научном учреждении, которое представлял данный упомянутый собеседник, «все научные сотрудники в основном из деревни». Теряя социальный престиж, наука все еще сохраняет свою роль «лифта». Вполне вероятно, что в результате национальная, в том числе гуманитарная, интеллигенция испытывает серьезные проблемы в области воспроизводства. (Подобную тенденцию мы наблюдали и в Республике Алтай, где молодое поколение ученых – в подавляющем большинстве случаев выходцы из сельской местности, интеллигенция в первом поколении).

По мнению респондентов из числа научной и вузовской интеллигенции, ярким подтверждением резкого понижения оценки науки, когда, по сути, мы являемся свидетелями ее падения на шкале социальных приоритетов, стало как заметное снижение внимания к нуждам научного сообщества со стороны общества, так и явная недооценка ее возможностей науки со стороны региональной элиты. Как следствие, чиновники, не вполне понимая возможную роль и значение науки, в большинстве случаев не видят никакой практической пользы от экспертной оценки тех или иных вопросов со стороны ученых: «в республике вообще такое отстраненное отношение к науке... все делают вид, что науки нет». Учитывая описанную выше специфику взгляда на науку в первую очередь как на средство, но не цель, не удивительно, что положение не спасает даже то обстоятельство, что тот или иной чиновник высокого ранга является обладателем ученой степени. Если

представители власти и выходят на диалог с наукой, то в первую очередь упрекают ее в излишнем «академизме», оторванности от реальных проблем: «Ученые работают сами по себе, государство функционирует само по себе».

Тревожный момент состоит в том, что прямым следствием подобного отношения к науке становится взгляд на нее как на обслуживающую структуру. Многие респонденты обращали особое внимание на тот факт, что речь идет об утрате основополагающих принципов труда ученого, таких как известная свобода научного поиска. По сути, налицо факт перехода сотрудников региональных научных и вузовских учреждений на положение плохо оплачиваемых экспертов. Ученые на местах сетовали на то, что люди из министерств считают подобное положение дел абсолютно нормальным: «Вы получаете деньги, зарплату – вы ее отработываете». Никакой речи об отдельной оплате такого рода заданий даже не идет. На языке людей из сферы государственного управления, подобный подход обозначается как «научное сопровождение республиканских программ социально-экономического развития», как правило, не предполагающий никаких специальных исследований.

В подобной ситуации одной из наиболее сложных для решения является проблема сохранения достигнутого уровня фундаментальности знания, что крайне сложно в условиях растущего спроса прежде всего на прикладные, скорее, даже технологические, аспекты научного знания. Наш собеседник из числа естественников выразился в данном случае предельно четко: «Есть люди глобального мышления, они делают новые теории, новое видение... а у нас опять все раздадут по регионам... и будет опять отраслевая наука». Опасность скатывания в своеобразный дурной регионализм и консервации эффекта «туземной» науки сами ученые понимают очень хорошо. Выходом из такого положения могло бы стать взаимовыгодное сочетание локального и глобального подходов, когда в процессе решения общих вопросов будут создаваться прикладные технологии; ученые могли бы на этом зарабатывать и помогать республике, одновременно получая факты, которые можно использовать для фундаментальных теоретических разработок.

Важнейшим результатом проведенного исследования следует считать констатацию переходного периода в развитии региональной науки: постепенно теряя многие черты привилегированного социального института, что проявляется в степени общественного престижа и отношения к науке, прежде всего со стороны власти, она сохраняет свою роль в качестве важнейшего института культуры и канала восходящей социальной мобильности, если речь идет о сельских жителях. В текущих условиях жизненно важной задачей для региональных научных сообществ становится выработка и реализация тщательно продуманной и реалистичной стратегии взаимодействия с местной властью, от которой в условиях дефицита ресурсов зависит очень и очень многое. Необходима разработка новых,

эффективных механизмов взаимодействия научных учреждений с курирующими министерствами (сельского хозяйства, образования, здравоохранения). При формировании госзадания в проектной форме (цели, задачи, результаты, сроки) необходим учет пожеланий госорганов, что даст возможность реального научного сопровождения тех или иных программ, что позволит де-факто перевести фундаментальные знания на «конкретный язык практики социально-экономического развития региона».

Социально-психологическое состояние членов республиканских научных сообществ более благоприятно, чем в крупных научных центрах; гораздо более благоприятны также оценки учеными своего уровня жизни. В провинции сохраняется уважительное отношение к профессии ученого, в том числе в социогуманитарной сфере – несмотря на скепсис самих ученых. Есть основания утверждать, что налицо большее уважение респондентов к своей профессии; веским аргументом здесь является тот факт, что значительная часть из них желала бы, чтобы их дети тоже пошли в науку. Несмотря на падение престижа профессии ученого, в обществе вовсе не упал престиж интеллектуального труда, к которому прислушиваются, и, если интеллект сконцентрирован в научном сообществе, его мнение становится тем более весомым.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ: КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ

С.Г. Карпова, С.В. Некрасов, А.Н. Пинчук

Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва

Svetlan@mail.ru, sv_79@inbox.ru, antonina.pinchuk27@bk.ru

Аннотация. Материал посвящен анализу ценностных основ российской цивилизации, а также ее ключевым направлениям и динамике развития. Бифуркационные процессы рубежа XX-XXI веков и современности повлекли за собой глубокий мировоззренческий кризис российского общества, что сопровождается изменением ценностных ориентиров и ставит под вопрос устойчивость его традиционных конструктов. Значительная актуализация тематики обусловлена разрывом между устоявшимися нормами и реальным содержанием массового мировоззрения, а также необходимостью сохранения традиционных ценностей как неотъемлемой части национальной безопасности страны. Выделяется ряд ключевых, с авторской точки зрения, параметров, оказывающих решающее воздействие на традиционные ценности современного социума. В статье используются эмпирические данные ведущих аналитических центров. Отмечается чрезвычайная важность исследуемой проблематики.

Ключевые слова: культурный код, идентичность, национальная гордость, традиционные ценности.

Социально-политические процессы рубежа XX-XXI веков и современности повлекли за собой глубокий мировоззренческий кризис. Влияние, западной идеологией на сознание общества подвергло испытанию традиционные российские ценности. Социальная реальность и общество оказались в состоянии, требующем изучения и контроля. В соответствии с чем, данная проблематика актуализируется как на правовом, так и научном уровнях.

Правовой уровень нормативно закреплён в третьей редакции Стратегии национальной безопасности РФ от 02 июля 2021 года № 400 «...Именно эта редакция Стратегии с учетом современных трансформаций и угроз, отраженных в перечне основных девяти приоритетов национальной безопасности, определила новый этап реализации государственной политики на третье десятилетие XXI века» [Указ Президента РФ..., 2021]. Ценностные аспекты вошли в такие ее приоритеты как: защита традиционных российских и духовно – нравственных ценностей, культуры и исторической памяти, сбережение народа России и развитие человеческого потенциала, информационная безопасность и др. Управление в обозначенной сфере также актуализировано в последней редакции 2024 года Доктрины военной РФ, а

также Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017-2030 гг. от 31.12.2015 г. № 683 и т.д.

Актуальность научного изучения проблематики определяется необходимостью сохранения традиционных ценностей как неотъемлемой части национальной безопасности страны.

Ценностные основы российской цивилизации целесообразно рассматривать как результат диалектического взаимодействия традиций и современности, где «...традиционные ценности и формы интеракций социума, претерпевая трансформации, начинают терять свою привлекательность, уступая в ключевых сферах (общение, дружба, любовь и т.д.) процессам виртуализации» [Каропова, Некрасов, 2025, с. 51], что подтверждают социологические опросы. По данным исследования, проведенного ВЦИОМ, еще в 2012 году советам друзей и знакомых респонденты доверяли больше (73 %), чем интернет-форумам (47 %) и отзывам на сайтах (48 %). Печатные издания и телевизионные выпуски новостей также пользовались большим доверием, чем Интернет-СМИ (63 и 70 % против 56 %). В то же время социальные сети вызывали у респондентов больше доверия (62 %), чем незнакомые люди на улице (54 %), а информации в печатных справочниках респонденты доверяли меньше, чем той, что размещена в интернет-энциклопедиях (54 % против 57 %) [Виртуальная реальность vs реальная жизнь..., 2012]. В обществе 2012 года, не смотря на разброс мнений в отношении к цифровому контенту, СМИ и т.д. присутствовала тенденция доверия «живому» общению и близкому кругу, больше, чем электронным источникам.

Дальнейшие результаты ВЦИОМ за 2022 год, через десять лет, показывают уже другую динамику восприятия, в соответствии с которой среди опрошенных россиян всех возрастных групп источником информации, которой они доверяют служат российские интернет-источники (блогеры, интернет-порталы) – 57 %, российские СМИ – 55 %, Telegram-каналы – 45 %, социальные сети – 30 %, друзья, знакомые, сослуживцы и коллеги – 26 %, семья и родственники – 21 %. Молодые люди в возрасте от 18 до 35 лет среди каналов информации больше всего доверяют Telegram-каналам (60 %). Популярностью также среди молодежи пользуются интернет-источники (блогеры, интернет-порталы) – 44 % и социальные сети (38 %). На фоне СВО и кризиса после пандемии центральному телевидению доверяют 60 % россиян, только 24 % говорят, что не доверяют [ВЦИОМ: большинство россиян..., 2022].

Решающее значение для культурных ценностей имеет и так называемый «культурный код» [Паршукова, 2015, с. 105-108], который понимается чаще всего как единое культурное наследие страны (36 %). К другим трактовкам этого понятия сограждане относят нормы поведения и воспитание (11 %), традиции (10 %), менталитет (9 %), историческую память (7 %), единые ценности (4 %), веру, духовность и религию (4 %). Тем не

менее 63 % опрошенных считают, что наибольший вклад в культурное объединение жителей России вносит отечественная литература. Значительное влияние на культурную идентичность россиян оказывают народное творчество (36 %), музыка (30 %), изобразительное искусство (27 %), а индустрия видеонигр (4 %) и мода (5 %) – наименьшее. Самыми яркими представителями различных направлений культуры, известные большинству россиян, являются А. Пушкин (80 %), П. Чайковский (23 %), И. Репин (23 %), М. Плисецкая (19 %), Л. Толстой (16 %), Ю. Лермонтов (13 %), Н. Михалков (13 %) и др. В области архитектуры россиян объединяют такие достижения, как московский Кремль (8 %), Эрмитаж (5 %) и Храм Василия Блаженного (4 %); в сфере фольклора – росписи хохлома и гжель (13 %), матрешка (7 %) и сказки (5 %); в области гастрономии – пельмени (19 %), окрошка (6 %), квас и пироги (5 %); в области современных медиа – социальные сети «ВКонтакте» (34 %) и «Одноклассники» (19 %) [Пушкин, сила воли и богатыри..., 2022].

Другое исследование, проведенное Центром социального проектирования «Платформа» и Центром социально-политических исследований и информационных технологий РГГУ в 2023 году показало, что больше половины россиян (64 %) считают российскую культуру самобытной, среди них 85 % чувствуют гордость от принадлежности к России, 9 % – равнодушные, 3 % – негативное отношение. Полностью российскую культуру называют самобытной в Южном федеральном округе (66 %) и Центральном федеральном округе (66 %), в Москве – 64 %, в Санкт-Петербурге – 63 % [Опрос: 64 процента россиян..., 2023].

Неоспоримой частью культурного кода современной России является связь между личным вкладом индивидов в развитие государства и их стремлением к самосовершенствованию. Согласно данным ВЦИОМ за 2024 год, 86 % респондентов полагают, что упорный труд и обучение являются условиями достижения успеха, что высвечивает проактивную установку современного гражданина. Такой подход демонстрирует тренд к саморазвитию в контексте национальных и культурных ценностей. В свою очередь, вера в будущее страны, выраженная 68% гражданами, подчеркивает оптимистичный настрой, способствующий укреплению национальной идентичности и единства [ВЦИОМ рассказал, что вызывает национальную гордость..., 2024].

Аспект «национальной гордости» [Крысько, 1999] также влияет на ценностный ряд социума. Результаты анализа исследований ВЦИОМ за 2024 год свидетельствуют о том, что гордость за историю страны, достижения в области военных технологий, атомной энергетики и др. являются элементами коллективного сознания и национальной гордости. В опросах отмечается, что 92 % граждан придают высокую значимость чувству национальной гордости, что подчеркивает психологическую потребность индивидов в идентификации себя с великой историей, достижениями нации.

В частности, акцент на технологическом развитии страны (отражённый данными о том, что 68 % респондентов относятся к технологически продвинутым) указывает не только на оценку прошлых побед, но и на ожидание дальнейших успехов [ВЦИОМ рассказал, что вызывает национальную гордость..., 2024]. Также, динамика гордости, зафиксированная в виде усиления данного чувства у 64 % опрошенных за последний год (2023 г. – 62 %), демонстрирует структурное преобразование культурного самоопределения. У 41% россиян чувство гордости за Россию вызывают ее достижения и богатство (величие страны – 9 %, природные ресурсы – 7 %, большая территория, сильная армия, культура и искусство – по 5 % и другое). Также 39 % россиян отмечают, что чувство гордости за страну вызывает народ и его качества. Еще 30 % гордятся внутренней политикой государства (развитием страны – 10 %, социальной политикой, заботой о людях, экономикой, бизнесом – по 5 %, повышением качества жизни, инфраструктурой, промышленностью, сельским хозяйством и пр.). Ещё 8 % указывают на историю страны, а 14 % – на тот факт, что родились и выросли в России [О национальной гордости великороссов, 2024].

Важность семейных ценностей в социуме. По данным ВЦИОМ за 2024 год в опросах россиян и их концепциях личного счастья и социального порядка, семейные отношения и традиционные ценности, занимают центральное место. В этом ключе сохранение института крепкой семьи воспринимается не только как личное достижение, но и как опора общественной стабильности. Определяющим моментом становится тот факт, что 84 % россиян выступают за сохранение традиционных семейных ценностей, подтверждая роль родственных уз в формировании моральных ориентиров и общественного капитала [Семья в системе российских ценностей, 2024]. При этом имеет место разрыв между идеалами многодетности и реальными жизненными выборами [Крисанов, Крисанова, 2022, с. 149-153].

Таким образом, в совокупности результаты опросов позволяют выявить глубокую взаимосвязь между традиционными ориентирами и современными социокультурными процессами.

Источники

Виртуальная реальность vs реальная жизнь: выбор «интернетчиков». (2012). *ВЦИОМ* [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/virtualnaya-realnost-vs-realnaya-zhizn-vybor-internetchikov?ysclid=mb0mwdcftw633792109> (дата обращения: 25.08.2025).

ВЦИОМ: большинство россиян до 35 лет больше всего доверяют новостям в Telegram-каналах. (2022). *ГИА «ТАСС»* [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16517333?ysclid=masi12r41z302563019> (дата обращения: 25.08.2025).

ВЦИОМ рассказал, что вызывает наибольшую национальную гордость у россиян. (2024). *ГИА «ТАСС»* [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obshchestvo/23648379?ysclid=maeb5v3wkg755001769> (дата обращения: 07.05.2025).

Крысько В.Г. Этнопсихологический словарь. (1999). *Cult-lib.ru* [Электронный ресурс]. URL: <http://cult-lib.ru/doc/dictionary/ethnopsychology/fc/slovar-205-1.htm#zag-225> (дата обращения: 25.08.2025).

Опрос: 64 процента россиян считают российскую культуру полностью самобытной. (2023). *РИА Новости «Культура»* [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230912/opros-1895811985.html?ysclid=maf6j3175334888949> (дата обращения: 25.08.2025).

О национальной гордости великороссов. (2024). *ВЦИОМ* [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/o-nacionalnoi-gordosti-velikorossov?ysclid=mac899vq8r307950900> (дата обращения: 25.08.2025).

Пушкин, сила воли и богатыри: что составляет культурный код россиян. (2022). *Аналитический центр НАФИ* [Электронный ресурс]. URL: <https://nafi.ru/analytics/pushkin-sila-voli-i-bogatyri-chto-sostavlyaet-kulturnyy-kod-rossiyan/?ysclid=maecv2bmb7688977985> (дата обращения: 25.08.2025).

Семья в системе российских ценностей. (2024). *ВЦИОМ* [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 25.08.2025).

Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». (2021). *Сайт Президента РФ* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 25.08.2025).

Литература

Кареева С.Г., Некрасов С.В. (2025). Социокультурные факторы в трансформационных процессах современного российского общества и их воздействие на сознание и традиционные ценности социума. *Социально-гуманитарные знания*. № 5. С. 51. DOI: 10.24412/0869-8120-2025-5-49-54.

Крисанов А.А., Крисанова Т.Н. (2022). Общественное сознание (пост)традиционного российского общества как социально-онтологическое понятие // *Современные проблемы цивилизации и устойчивого развития в информационном обществе* (Москва, 31 октября 2022 г.). Сб. материалов XII Международной научно-практической конференции. Махачкала: Издательство «Алеф». С. 149-153.

Паршукова Г.Б. (2015). Формирование профессиональной и общекультурной компетенции обещающихся как становления культурного кода. *Сибирский педагогический журнал*. №6. С. 105-108.

ОТ КОЛЛЕКТИВИЗМА К ИНДИВИДУАЛИЗМУ: НА ПРИМЕРЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ Г. НОВОСИБИРСКА

И. В. Милованов

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
igor.milovanov.90@mail.ru

Аннотация. В статье приводятся результаты эмпирического исследования ценностных ориентаций студентов в рамках антиномии «коллективизм-индивидуализм». В качестве метода сбора первичной информации был выбран анкетный опрос, в котором принял участие 131 респондент.

Ключевые слова: студенческая молодежь, ценностные ориентации, коллективизм, индивидуализм.

Масштаб государства и его равнинный ландшафт оказали огромное влияние на психологию российского народа. Равнинный тип местности предполагает высокий уровень социальной солидарности, основанной на сходстве трудовой занятости населения. "Русский народ всегда любил жить в тепле коллектива, в какой-то растворенности в стихии земли, в лоне матери." – писал Н.А. Бердяев [Бердяев, 2007, с. 6]. Российское общество долгий промежуток времени было аграрным и в нем преобладало именно сельское хозяйство. Поэтому главным капиталом в нем была земля, качество которой определяется объективными природными факторами. Такие трудности как, например, голод из-за плохого урожая или набег кочевников, общины переносили вместе. На равнине слишком много опасностей, с которыми можно справиться исключительно вместе. Нападения, низкая производительность индивидуального труда, суровый климат послужили причиной для консолидации общества в восточной Европе, а потом и за Уралом. Коллективизм на Руси, таким образом, стал необходимой для выживания ориентацией населения. Которая, в свою очередь, заложила зерна в морально-нравственное сознание народа. Основными чертами которого стали: обостренное чувство справедливости, умение довольствоваться малым, самоотверженность, сострадательность и т.д. [Семьянинов, 2018]

Исходя из этого, был разработан проект "Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". В нем утверждаются основные направления внутренней политики России по развитию культуры. Целью данного документа является, прежде всего, сохранение культурного кода России, а также противостояние деструктивной, разрушительной для российского общества, пропаганды со стороны западных держав. А также, создание солидарного и справедливого общества на основа традиционных ценностей и

морально-нравственных идеалов. Задачей государственного аппарата утверждается работа с обществом, в большей степени с молодежью, по усвоению и укреплению традиционных ценностей путем распределения культурных, финансовых и политических приоритетов, исходя из положений проекта. Таким образом, в сфере внешней политики, в данном проекте, РФ утверждается в статусе страны, защищающей традиционные ценности [Указ президента РФ от 9 ноября 2022 г. Н. 809, 2022]. В.В. Путин, 9 ноября 2022 года, своим указом утвердил положения документа и вступление его в силу.

В 1960-1967 годы Институт общественного мнения провел исследование ценностных ориентаций молодежи СССР, в ходе которого были выявлены основные идеалы молодых людей того времени. Среди которых были: образование, коллективизм, благо Родины и народа и др. Несмотря на преобладание таких ценностей, которые всегда ассоциируются с советским человеком, уже в те годы можно было понять, что ценности молодого поколения все больше уходят в сторону индивидуализма и утилитаризма.

Исследование, проведенное ВЦИОМ в 2021 году, показывает, что коллективная этика все же не потеряла свою актуальность и 47% опрошенных выступают за ограничение своих личных интересов в пользу государства и общества, против них же выступают 38% респондентов, считающих, что личные интересы личности – главное для человека [Государство и общество: цели, приоритеты, императивы, 2021]. Такие результаты говорят нам о неувядаемости в коллективном сознании Россиян такой ценности как самопожертвование во благо своего общества. Быть частью чего-то большего остается одной из основных ориентаций граждан РФ.

Для подтверждения нашего предположения о преобладании в сознании современных студентов просоциальных ценностных ориентаций, а конкретно – коллективных, нами было проведено эмпирическое исследование. В качестве метода сбора информации был выбран анкетный опрос, в котором принял участие 131 студент НГУЭУ (Новосибирский государственный университет экономики и управления).

В первом блоке было проанализировано мнение респондентов о ценности коллектива во времена СССР. Вопрос звучал так: «Как Вы считаете, во времена СССР ценность коллектива и объединяющих мероприятий была выше, чем сейчас?» На что 78,6% опрошенных ответили утвердительно. В сознании респондентов сохраняются представления об основных ценностях советской эпохи.

Для более глубокого анализа ценностных ориентаций молодежи, связанных с коллективными или индивидуальными настроениями, в нашем исследовании была использована пятибалльная шкала Лайкерта. Респондентам были предложены 3 положительных и 3 отрицательных суждения. Баллы по которым распределялись в соответствии с оценками респондентов. Где 5 – коллективные ценности, а 1 – индивидуальные. Для

отрицательных суждений в процессе обработки полученных данных шкала была инвертирована в соответствии с задачами исследования. Анализ результатов показал, что большинство студентов по своим убеждениям находятся между двух назначенных пределов, то есть между индивидуализмом и коллективизмом (сумма баллов большинства респондентов ограничивается интервалом «12-18»). Медианное значение баллов по всем суждениям составило 3. Что говорит нам о высоком уровне неопределенности респондентов, либо же о преобладании в сознании студентов универсальных ценностей. Ценностей, игнорирующих намеченные полюса. Последний вывод подтверждается ответами на следующий вопрос, который звучал так: «Как для Вас предпочтительнее выполнять какую-либо работу?» В котором 58% студентов выбрали вариант «В зависимости от характера работы». Данный вариант ответа был предложен для респондентов, неуверенных в своем отношении к предельным вариантам ответов в континууме «коллективизм-индивидуализм». Таким образом, остальные 42% распределились в таком порядке: «Самостоятельно, так как результат зависит от самого себя, а выгода не расплывется» – 27,5%; «В коллективе, так как работа выполняется быстрее и интереснее» – 14,5%. Исходя из данных, можно сделать вывод, что в среде студентов непопулярны ценностные ориентации, лежащие на полюсах континуума «коллективизм-индивидуализм».

Следующий и заключительный вопрос данного блока, касался ощущения респондентами необходимости обдумывать свои действия с учетом интересов коллектива. В нем 38,9% выбрали вариант «И да, и нет», на втором же месте по популярности вариант «Скорее да, чем нет» – 32,1%. Что также говорит нам о неопределенности студентов в вопросах, касающихся их же отношения с коллективом.

Можно сказать, что студенты находятся в некой неопределенности по поводу коллективных или индивидуальных ценностей. В сознании молодежи преобладают скорее универсальные ценности, зависящие от конкретной ситуации, что и доказал анализ ответов вопросы анкеты.

Литература

Указ президента РФ от 9 ноября 2022 г. N. 809 "Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей". Доступ из СПС "Гарант" [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/>

Бердяев Н. А. Судьба России. М.: Эксмо, 2007.

Государство и общество: цели, приоритеты, императивы (2021). ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gosudarstvo-i-obshchestvo-celi-prioritety->

[imperativy?ysclid=180gbp6g5m322513496&cHash=14de7969ab0d6834586f672921499629](https://www.yourpaper.ru/impervativy?ysclid=180gbp6g5m322513496&cHash=14de7969ab0d6834586f672921499629) (дата обращения: 05.08.2025)

Семьянинов В. П. (2018) О некоторых особенностях цивилизационных типов (к проблеме "Россия и Запад"). Вестник ТГУ. №3 (173). С. 189-194.

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНА

Д.Х. Мухсимова

Институт макроэкономических
и региональных исследований, г.Ташкент
mdh_dimond@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу человеческого капитала как ключевого ресурса экономической устойчивости Сибири в условиях глобальных трансформаций. Рассматриваются демографические вызовы региона, включая депопуляцию, миграцию и старение населения, а также возможности, связанные с развитием университетов, научных центров и инновационных кластеров. Показано, что человеческий капитал оказывает решающее влияние на долгосрочную устойчивость региона и его интеграцию в евразийское пространство. Сформулированы рекомендации для региональной политики, направленные на укрепление социальной среды, цифровизацию и поддержку «экономики знаний».

Ключевые слова: человеческий капитал, демографическая динамика, экономическая устойчивость, Сибирь, инновационное развитие.

Современные глобальные трансформации и усиливающаяся нестабильность делают устойчивость региональных социально-экономических систем критическим фактором развития. Ключевым ресурсом устойчивости сегодня выступает человеческий капитал – совокупность знаний, навыков, здоровья и инновационного потенциала населения. Согласно данным Индекса человеческого развития (HDI) за 2023 год, Россия относится к категории стран с очень высоким уровнем развития (HDI = 0,832 > 0,800), однако её рейтинг снизился с 64-ого места против 61-го в 2022 году.

По данным Индекса человеческого развития (HDI), показатель «GNI rank minus HDI rank» для России составляет –18, что отражает более высокий уровень дохода по сравнению с её общей позицией в рейтинге. Иными словами, по уровню валового национального дохода на душу населения Россия ближе к развитым экономикам, однако по параметрам здравоохранения и образования уступает. К числу сильных сторон можно отнести высокий уровень образования: средняя продолжительность обучения превышает 12 лет, а также относительно высокий доход населения. В то же время слабыми сторонами остаются сравнительно низкая ожидаемая продолжительность жизни (73 года против более чем 80 лет в странах-лидерах) и снижение позиции в международном рейтинге. Таким образом, ключевые ограничения для повышения показателей HDI связаны прежде всего с состоянием здоровья населения и качеством социальной среды, что влияет на формирование человеческого капитала и устойчивость регионов, включая Сибирь.

Современные глобальные изменения — такие как цифровизация, переход к «зеленой» экономике, демографические сдвиги и усиление устойчивости к внешним потрясениям — существенно влияют на устойчивость регионов и требуют адаптивных стратегий на местах. ОЭСР подчёркивает, что именно цифровизация, экологический переход и демографические изменения делают необходимыми гибкие, территориально ориентированные меры, а также усиление местных институтов и механизмов финансирования.[OECD, 2025] В своём отчёте 2025 года ПРООН акцентирует внимание на том, что человеческий капитал — здоровье, образование и навыки — является основным ресурсом для устойчивого развития, особенно в эпоху искусственного интеллекта. Всемирный банк в рамках своей программы Human Capital Project отмечает, что инвестиции в человеческий капитал стимулируют как экономический рост, так и социальную устойчивость, а дефицит этого капитала ограничивает долгосрочное развитие стран.[World Bank, 2025]

Сибирь характеризуется крайне низкой плотностью населения – около 3 человек на км² против среднероссийских 8–9 человек на км², а многие города Сибири (например, Новосибирск, Томск, Красноярск) пережили значительный отток населения. При этом регион обладает мощной образовательной и научной инфраструктурой: 118 вузов, включая 4 национальных исследовательских университета и 1 федеральный университет, обучающие около 476 тыс. студентов.[NSTU NETI]

Критерии оценки человеческого капитала. В современной экономической литературе человеческий капитал рассматривается как ключевой фактор устойчивого развития регионов. Его измерение требует комплексного подхода, включающего несколько взаимосвязанных критериев.

Во-первых, образование является базовым показателем накопления человеческого капитала. Традиционно оно оценивается через количество лет обучения и уровень охвата образовательными программами. Однако международные исследования подчеркивают, что именно качество образования оказывает решающее воздействие на экономический рост: оно в три-четыре раза значимее для развития человеческого капитала, чем лишь количественные показатели.

Во-вторых, важнейшим элементом является здоровье населения, которое оценивается по таким индикаторам, как уровень выживаемости детей, ожидаемая продолжительность жизни и функциональное здоровье взрослого населения. Согласно данным The Lancet, именно здоровье определяет способность общества поддерживать экономическую и социальную устойчивость в долгосрочной перспективе.[The Lancet, 2018]

В-третьих, в условиях глобализации все большее значение приобретает мобильность человеческого капитала. Она отражает возможности населения к пространственной, образовательной и профессиональной мобильности. Международная мобильность специалистов и студентов рассматривается как

важный механизм циркуляции знаний и технологий, способствующий формированию инновационных. [ОЕСD, 2010]

Важным направлением является инновационная активность, которая позволяет оценить трансформацию человеческого капитала в реальный экономический и технологический эффект. Ключевыми индикаторами выступают участие населения в научно-исследовательской деятельности, число патентов, инвестиции в НИОКР и развитие нематериальных активов. [Maximova S.G., 2022]

Таким образом, совокупность критериев, таких как образование, здоровье, мобильность и инновационная активность, позволяет комплексно оценить состояние человеческого капитала региона. Их интегративный анализ обеспечивает выявление сильных и слабых сторон развития и служит основой для формирования стратегий долгосрочной экономической устойчивости.

Факторы формирования человеческого капитала. Демографическая ситуация в Сибири отражает общероссийские тренды, но имеет более выраженные негативные проявления. С 2002 по 2021 годы численность населения Сибирского федерального округа сократилась с 20,1 до 16 млн человек, что связано как с естественной убылью, так и с миграционным оттоком. Одновременно фиксируется ускоренное старение: доля лиц старше 60 лет в России достигла 23,1 %, что формирует нагрузку на трудоспособное население. [ESCAP, 2025]

Социальная инфраструктура Сибири характеризуется высоким образовательным и научным потенциалом. В регионе функционируют ведущие университеты (Новосибирский государственный университет, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Сибирский федеральный университет), а также более 80 институтов Сибирского отделения РАН. Новосибирский академгородок, получивший неофициальное название «Силиконовая тайга», играет ключевую роль в формировании инновационного пространства.

Институциональная среда Сибири постепенно адаптируется к вызовам цифровой экономики. Исследования показывают, что Красноярский край и Новосибирская область лидируют среди регионов России по уровню цифрового человеческого капитала и развитию цифровых сервисов. [Капелюк С.Д., 2023]. При этом сохраняются дисбалансы в доступе к здравоохранению, образованию и культурным услугам, особенно в удалённых территориях.

Человеческий капитал и экономическая устойчивость. Главные вызовы для Сибири связаны с депопуляцией, «утечкой мозгов» и территориальными диспропорциями. Красноярский край и Кемеровская область теряют значительную часть молодежи, выезжающей в центральные регионы России и за рубеж. Вместе с тем регион обладает уникальным потенциалом: сильной университетской базой, инновационными кластерами, а также

традиционными знаниями коренных народов, которые могут быть интегрированы в устойчивое развитие.

Примеры успешных практик включают развитие технопарков и научных центров в Новосибирске, создание образовательных и инновационных кластеров в Томске, а также формирование исследовательских платформ в Красноярске. Эти инициативы подтверждают, что человеческий капитал становится ключевым ресурсом не только для локальной экономики, но и для интеграции Сибири в глобальное научное и технологическое пространство.

Для укрепления человеческого капитала региона стратегически значимыми направлениями являются:

поддержка воспроизводства населения и повышение качества жизни;
развитие «экономики знаний» и стимулирование инновационных отраслей;
создание институтов удержания и привлечения кадров;
масштабная цифровизация образования, здравоохранения и социальной сферы.

Таким образом, будущее экономической устойчивости Сибири во многом определяется динамикой человеческого капитала, где решающими факторами становятся качество социальной среды, институциональная поддержка и способность региона трансформировать свой научно-образовательный потенциал в реальные конкурентные преимущества.

Литература

OECD. (2025). Strengthening regional policy for resilient places [Электронный ресурс]. URL: https://www.oecd.org/en/publications/strengthening-regional-policy-for-resilient-places_ea24eab5-en.html (дата обращения: 28.08.2025).

World Bank. (2025). Human Capital Project [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/human-capital> (дата обращения: 28.08.2025).

NSTU NETI is the second largest university in Siberia [Электронный ресурс]. URL: <https://en.nstu.ru/news/news/nstu-neti-is-the-second-largest-university-in-siberia> (дата обращения: 29.08.2025).

The Lancet. (2018). Article on Global Health and Human Capital [Электронный ресурс]. URL: <https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736%2818%2931941-X/fulltext> (дата обращения: 29.08.2025).

OECD (2010), Measuring Innovation: A New Perspective, OECD Publishing, Paris, <https://doi.org/10.1787/9789264059474-en>

Maximova S.G., Omelchenko D.A., Noyanzina O.E. Human development, satisfaction with human capital and security in the Siberian and Far Eastern border

regions // RUDN Journal of Sociology. - 2022. - Vol. 22. - N. 3. - P. 646-660. doi: 10.22363/2313-2272-2022-22-3-646-660

United Nations ESCAP. (2025). Russian Federation (the): Key population indicators [Электронный ресурс]. URL: <https://www.population-trends-asiapacific.org/data/RUS> (дата обращения: 30.08.2025).

Капелюк С.Д., Карелин И.Н. Цифровой капитал рабочей силы в России: региональная дифференциация // Экономика труда. - 2023. - Т. 10. - №8. - С. 1169-1184. doi: 10.18334/et.10.8.118335.

МЕДИАСРЕДА И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМНОГО ВЛИЯНИЯ

Т.К. Скрипкина

Институт философии и права СО РАН, г. Новосибирск
Skripkina-BSC11@yandex.ru

Аннотация. В работе обоснована взаимосвязь цивилизационных процессов и медиасреды как одного из значимых элементов современной культуры. Поставлена цель реконструировать механизмы взаимного влияния медиасреды и цивилизационных процессов, а также выявить ключевые риски и точки роста, связанные с указанными механизмами. Показано, что регулирование медиасреды со стороны цивилизационных процессов осуществляется за счет правового и дискурсивного механизмов, а также социального запроса, а воздействие медиасреды на цивилизационные процессы – за счет специфики формы и содержания транслируемых сообщений. Установлено, что ключевыми рисками являются возможные конфликты между указанными механизмами, а точками роста – поиск путей их конструктивного взаимодействия.

Ключевые слова: медиа, коммуникация, цивилизационные процессы, кризис цивилизации

Согласно позиции, общепринятой в современном научном дискурсе, цивилизационные и культурные процессы находятся в тесном взаимодействии, хотя трактовка специфики такого взаимодействия может различаться в зависимости от конкретного подхода [Петрова, 2024, с. 202]. Столь тесная связь обосновывается несколькими ключевыми факторами. Во-первых, культура становится источником способа «понимания бытия», что оказывает влияние на идентичность членов общества и их представления о собственной принадлежности к той или иной цивилизации [Библер, 1991, с. 4]. Во-вторых, специфика культуры оказывает влияние на то, каким способом в рамках данной социальной системы будет осуществляться социальный и технологический прогресс [Сараф, Сараф, 2019, с. 124]. В совокупности эти тенденции приводят к тому, что цивилизационные процессы оказываются тесно связаны с культурными.

Одним из важнейших элементов современной культуры является медиасреда, которая опосредует не только освещение событий, напрямую связанных с современными цивилизационными процессами, но и формирование ключевых дискурсов, в рамках которых осуществляется коммуникация представителей той или иной культуры [Анненкова, 2010, с. 40]. Особую значимость это влияние приобретает применительно к кризисным аспектам цивилизационных процессов [Панферова, Зверева, 2011,

с. 60], поскольку именно в рамках гибкой и оперативно реагирующей на социальные процессы медиасреды зачастую можно оперативно обнаружить как риски, связанные с данными процессами, так и возможные точки роста для выхода из кризисной ситуации.

Однако для оценки указанных выше рисков и точек роста необходимо провести реконструкцию механизмов взаимодействия между медиасредой и цивилизационными процессами: это позволит конкретизировать специфику взаимного влияния данных процессов. В современной теории медиа можно выделить несколько традиций, описывающих специфику взаимодействия социальной системы и медиасреды. С точки зрения сторонников социального детерминизма, состояние медиаландшафта представляет собой отклик на социальный запрос, сформированный теми или иными обстоятельствами [Johns, 2003, р. 5]. Их оппоненты (преимущественно представители постмодернистской традиции, а также Торонтской школы) утверждают, что напротив, медиасреда, наряду с некоторыми другими факторами, оказывает структурирующее влияние на состояние социальной реальности, и в частности, на цивилизационные процессы [Бурчик, 2016, с. 136]. Однако, на наш взгляд, данные два подхода не являются взаимоисключающими: влияние двух систем можно рассматривать как двусторонний и взаимонаправленный процесс. В связи с этим в рамках данной работы будет предпринята попытка реконструировать механизмы взаимного влияния медиасреды и цивилизационных процессов с опорой на данные двух вышеуказанных подходов.

Для начала реконструируем воздействие социальной системы на медиасреду. Можно выделить несколько ключевых механизмов такого влияния в зависимости от актора такого воздействия. Первый из них – прямой, законодательный механизм регулирования, актором которого выступают локальные, государственные и надгосударственные властные структуры [Евлоев, 2025, с. 72]. В этом случае цивилизационные процессы формируют медиасреду за счет прямого нормативного воздействия со стороны легитимной власти. Ключевыми рисками в данном случае являются, во-первых, случаи системного нарушения законодательных норм, а во-вторых, возможные конфликты с другими механизмами регулирования медиасреды.

Второй механизм – дискурсивный контроль медиасреды. Агентом в данном случае выступают авторы текстов (будь то конкретные люди или организации). Согласно подходу М. Фуко, дискурс формирует реальность посредством совокупности высказываний, текстов и практик, определяя, что и как можно говорить, а также кто имеет право говорить и с каким авторитетом [Фуко, 2018, с. 111]. Авторы текстов в медиасреде, сами будучи продуктом того или иного дискурса (в рамках медиасреды их, как правило, несколько [Пром, 2022, с. 49]), обеспечивают его воспроизводство, транслируя те или иные идеи и тем самым поддерживая функционирование

соответствующего сегмента культуры в рамках цивилизационных процессов. Риски в данном случае могут быть связаны с транслированием деструктивных идей или поддержанием функционирования дискурса, не соответствующего социальному запросу.

Третьим механизмом, посредством которого цивилизационные процессы регулируют функционирование медиасреды, является социальный запрос. Актором в данном случае выступает аудитория, задействуя два ключевых инструмента: во-первых, экономический спрос, а во-вторых, уровень доверия тому или иному каналу медиа [Назаров и др., 2019, с. 278]. Если содержание определённого медиа не соответствует социальным ожиданиям, оно теряет свою аудиторию [Малахов, 2018, с. 69]. Более того, даже при использовании технических методов поддержания популярности контента (например, «накрутка»), уровень доверия продолжает снижаться, что негативно сказывается на эффективности этого медиаканала [Дмитриев, 2018, с. 371]. Как и в случае с предыдущими механизмами, ключевыми рисками являются конфликты между государственным регулированием медиасреды, дискурсивными процессами и социальным запросом. Соответственно, потенциальными точками роста являются налаживание взаимосвязи между этими структурами внутри коммуникационной системы, а также развитие инструментов по выявлению ключевых аспектов социального запроса.

Что касается влияния медиасреды на цивилизационные процессы, то в данном случае классификация механизмов воздействия в зависимости от актора некорректна, поскольку в данной ситуации присутствует только один актор. Однако, тем не менее, представляется возможным выделить два ключевых механизма, посредством которых медиасреда может оказывать влияние на цивилизационные процессы: это содержание и форма транслируемого контента (к последней относится не только формат самих сообщений, но и способы их трансляции). Если говорить о содержании, то на первый взгляд, данный механизм частично совпадает с дискурсивным конструированием медиасреды, поскольку речь идет о специфике трансляции тех или иных идей. Однако, если в предыдущем случае речь шла о том, каким образом те или иные дискурсы, функционирующие в обществе, влияют на состояние медиасреды, то в данном случае воздействие обратное: контент, транслируемый в медиа, оказывает влияние на содержание дискурса [Кривошеев, 2024, с. 70]. В случае с данным механизмом риски касаются двух аспектов. Первый из них заключается в том, что транслируемый контент сам по себе может содержать деструктивную с точки зрения цивилизационных процессов информацию [Давыдова, Кравчук, 2024, с. 17]. Второй аспект заключается в том, что даже перспективные и актуальные идеи, если они противоречат ожиданиям и запросу целевой аудитории, могут снижать доверие как к конкретным медиаканалам, так и к медиасреде в целом, что значительно снижает эффективность данного механизма. Более

того, современные исследования демонстрируют наличие существенного дефицита доверия среди аудитории [Вырковский, Шамсутдинова, 2024, с. 193], что переводит данный вопрос из категории рисков в категорию актуальных проблем, требующих внимания.

Помимо непосредственного содержания контента, имеет значение также структурная специфика сообщений и способы организации трансляций. Это обусловлено, во-первых, тем фактом, что форматы сообщений являются структурными элементами, существенно влияющими на восприятие и «язык» конкретных сегментов медиа [Шевченко, 2014, с. 281]. Во-вторых, типичные форматы медиа являются одним из способов конструирования привычек восприятия конкретных типов сообщений, что формирует не только повседневные социальные практики, но и культурные паттерны в медиасреде [там же]. Структура трансляции сообщений опосредует наиболее типичные виды коммуникационных взаимодействий между людьми, что также опосредованно влияет на цивилизационные процессы [Дроздова, 2019, с. 174]. При этом важно учитывать, что прямой и жесткий контроль за развитием медиаформатов без учета социального запроса в некоторых случаях может оказать негативное влияние на уровень доверия со стороны аудитории [Пестов и др., 2019, с. 59], который, как уже было сказано, в современном российском обществе является сравнительно невысоким.

Таким образом, конструирование медиасреды со стороны цивилизационных процессов осуществляется за счет законодательного, дискурсивного и социального механизмов, а воздействие медиасреды на цивилизационные процессы – за счет специфики формы и содержания сообщений. Ключевые риски, касающиеся взаимодействия цивилизационных процессов и медиасреды связаны с конфликтами между указанными механизмами, что может снижать их эффективность и приводить к контрпродуктивным и кризисным ситуациям. Для минимизации подобных рисков рекомендуется проводить комплексные исследования, направленные на отслеживание текущих тенденций и трансформаций социального запроса, что обеспечит своевременное реагирование вышеописанных механизмов на выявленные изменения и впоследствии будет способствовать устойчивому и комплексному функционированию цивилизационных процессов.

Литература

Анненкова, И. В. (2010). Дихотомия культуры и цивилизации в медиадискурсе. *Мир русского слова*. № 2. С. 39–41.

Библер, В. С. (1991). *От наукоучения к логике культуры*. М.: Изд-во политической литературы.

Бурчик, А.В. (2016). Социокультурная детерминация как семиотический процесс: роль телетекста. *Наука. Искусство. Культура*. № 3 (11). С. 134–139.

Вырковский, А. В., Шамсутдинова, Ю. Ф. (2024). Категория доверия к массмедиа в условиях информационной турбулентности: время обновлять концепции?. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* № 6 (184). С. 182–203. doi: 10.14515/monitoring.2024.6.2529

Давыдова, М. А., Кравчук, И. Д. (2024). Дискурсы и технологии внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия в региональных сегментах социальных медиа. *Власть.* № 32 (1). С. 16–23. doi: 10.24412/2071-5358-2024-1-16-23

Дмитриев, И. А. (2018). Интернет-реклама: определение, виды, оценка эффективности. *Экономика и социум.* № 6 (49). С. 369–372.

Дроздова, А. В. (2019). Новая темпоральность повседневных практик в онлайн-коммуникации. *Ярославский педагогический вестник.* № 4. С. 173–177. doi: 10.24411/1813-145X-2019-10467

Евлоев, А. М. (2025). Цифровые массмедиа и государственное управление: правовое регулирование и вызовы дезинформации. *Общество: политика, экономика, право.* № 8. С. 71–78. doi: 10.24158/пер.2025.8.7

Кривошеев, А. А. (2024). Концептуальные основания изучения контрдискурса в социальных медиа. *Общество: политика, экономика, право.* № 7. С. 69–75. doi: 10.24158/пер.2024.7.8

Малахов, Д. И. (2018). Использование интернета и доверие к ТВ и онлайн медиа в России. *Прикладная эконометрика.* № 2 (50). С. 67–89.

Назаров, М. М., Иванов, В. Н., Кублицкая, Е. А. (2019). Медиа, институты и доверие российских граждан. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология.* № 19 (2). С. 277–288.

Панферова, В. В., Зверева, Ю. И. (2011). СМИ как инструмент коммуникационного менеджмента в условиях цивилизационного кризиса. *Социально-гуманитарные знания.* № 3. С. 59–72.

Пестов, Р. А., Новичкова, Е. Е., Копыл, Д. В. (2021). Историко-правовой анализ взаимодействия средств массовой информации с органами внутренних дел в странах содружества независимых государств и России. *Правопорядок: история, теория, практика.* № 2 (29). С. 52–62.

Петрова, С. И. (2024). О соотношении понятий «культура» и «цивилизация». *Клио.* № 8 (212). С. 196–202. doi: 10.24412/2070-9773-2024-8212-196-202

Пром, Н. А. (2022). Диалогизация дискурса и жанра в медиа. *Жанры речи.* № 2 (34). С. 146–155.

Сараф, М. Я., Сараф, С. М. (2019). Логика культуры как интегративная составляющая научно-технического прогресса. *Россия: тенденции и перспективы развития.* № 14–2. С. 124–127.

Фуко, М. (2018). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы.* М.: Ад Маргинем Пресс.

Шевченко, В. Д. (2014). Комбинирование типов мышления в медиа-дискурсе. *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. № 16. С. 279–283.

Johns, A. (2003). *The Nature of the Book: Print and Knowledge in the Making*. Chicago. University of Chicago Press

СОВРЕМЕННЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ АЛТАЙЦЕВ, ТУВИНЦЕВ, ХАКАСОВ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

И. Н. Трошкина

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории,
г. Абакан
i.troschkina2012@yandex.ru

Аннотация. Раскрываются компоненты семейных ценностей алтайцев, тувинцев, хакасов, их этнической специфики, рассматриваемых в фокусе триады супружество-родительство-родство. Эмпирической базой исследования являются результаты социологического опроса, проведенного в мае–июне 2022 г. среди рассматриваемых этносов в республиках Южной Сибири. Были выявлены доминирующие семейно-ценностные установки опрошенных алтайцев, тувинцев и хакасов, структура семейных ценностей; раскрыты этнозначимости, характерные для тувинцев из числа опрошенных – приверженность эгалитаризму, многодетность, поддержка родственников; для алтайцев – стремление к сохранению традиционной роли женщины в семье, свободное воспитание детей, низкий статус ценности родственников дальнего круга; для респондентов хакасской национальности – ценность приоритета семьи у женщин, значимость детей, забота о старшем поколении. Система культивируемых семейных значимостей представлена доминирующей ценностью супружества, ее значимого компонента – равенство полоролевых позиций супругов; признание ценностей родительства и родства, где в первом случае преобладающим компонентом является значимость своих и приемных детей, ориентация на большую семью, во втором – ценность старшего поколения. Ценностные ориентации по основным параметрам выделяются у опрошенных тувинского этноса, в т.ч. по стержневой ценности – родительство, что связано с этнокультурными традиционными представлениями.

Ключевые слова: семейные ценности, супружество, родительство, родство, родovitость, многопоколенность, многодетность, патриархальность, алтайцы, тувинцы, хакасы

Противоречие между семейной и внесемейной ценностными системами проявляется все сильнее, что усугубляет кризис ценностных основ общества, приводит изменению семейного поведения. Для республик Тува, Хакасия, Алтай характерен высокий уровень прокреации в условиях ощутимой внебрачной рождаемости, сочетающейся с пониженным уровнем стабильности брака. Данный феномен актуализирует необходимость изучения семейно-ценностных ориентаций населения указанных регионов.

Исследователями раскрываются вопросы функциональной основы, системы трансляции, этнокультурных основ семейных ценностей, ценностей родительства, в большей части материнства, семейно-брачных отношений, отношений к значимостям (семья, брак, дети); в меньшей степени изучены вопросы сущности и структуры, методологии исследования, родства, региональной специфики семейных ценностей. Отсутствие на современном этапе сравнительных исследований по последнему вопросу, в т. ч. на уровне регионов Южной Сибири, обуславливает научную новизну работы.

Семейные ценности занимают доминирующее место в общей структуре традиционных жизненных значимостей населения, имеют структуру: родство, родительство, супружество. В родстве приоритетной традиционной ценностью является родовитость, многопоколенность, в родительстве – многодетность, в супружестве – патриархальность. Динамика семейных ценностей связана с изменением приоритетов от общего к частному, от коллективного к индивидуальному, в связи с чем отмечается движение семейных значимостей от родовитости, патриархальности, многодетности к эгалитарности, малодетности, безродности (не имеющий кровных родственников).

Семейные ценности опрошенных алтайцев, тувинцев, хакасов представлены доминирующей ценностью супружества, ее значимого компонента — равенства полоролевых позиций супругов; на втором месте – ценность родительства (преобладающий компонентом являются значимость своих и приемных детей, ориентация на большую семью), на третьем – ценность родства (доминирует значимость старшего поколения). Высокая позиция супружества в иерархии значимостей обусловлена наименьшим уровнем ее воспроизводства через традиционную основу этносов.

Для тувинцев характерна приверженность эгалитаризму, многодетность, поддержка родственников; для алтайцев – стремление к сохранению традиционной роли женщины в семье, свободное воспитание детей, низкий статус ценности родственников дальнего круга; для респондентов хакасской национальности – ценность приоритета семьи у женщин, значимость детей, забота о старшем поколении.

Ценностные ориентации по основным параметрам выделяются у опрошенных тувинцев, в т. ч. по стержневой ценности – родительству, что связано с этнокультурными особенностями развития территории. Структура современных семейных ценностей титульных этносов Южной Сибири сформировалась под влиянием процесса индивидуализации, в то же время, традиционалистская основа, проявляющаяся в признании ценности родительства с ориентацией на большую семью, играет значимую роль.

Эксперты сходятся во мнении о необходимости популяризации семейных ценностей, их незначительной представленности на территории Саяно-Алтайского региона, воспроизводстве семейных значимостей посредством привлечения внимания к культово-родовым объектам и

памятникам археологии, возведении памятников, посвящённых семье, а также трансляции семейных значимостей через СМИ с использованием источников духовно-нравственных ценностей (различные виды народного творчества), изучение родного языка.

В целом можно констатировать, что преобладающей ценностью для рассматриваемых этносов является супружество, далее следует – родительство, родство. Эгалитарные ценностные позиции в отношении супружества и низкая значимость родственников дальнего круга в отношении родства сочетаются с представлениями о ценности детей как компоненты родительства. Система культивируемых в среде титульных этносов Южной Сибири совокупность представлений о семье оценивается как позитивная, в связи с выраженным стремлением в признании ценностных компонентов родительства.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ)

Д.Н. Филиппова

Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

г. Якутск

daryaefimova91@yandex.ru

Аннотация. В условиях современного общества, характеризующегося стремительными изменениями и вызовами, изучение ценностей молодёжи становится особенно актуальным. В рамках реализации НИР: «Социальное самочувствие и стратегии адаптации населения Республики Саха (Якутия) в условиях трансформации российского общества: индикаторы, факторы, динамика» (FWRS-2024-0063) проведено авторское исследование «Студенческая молодёжь Республики Саха (Якутия): ценностные ориентиры и социальный активизм» методом анкетного опроса среди 481 студента вузов Якутии. Определено, что ведущими ценностями для студенческой молодёжи Республики Саха (Якутия) являются семья, дети, родные; справедливость и самообразование, личностный рост, саморазвитие. Значимы для студенческой молодёжи забота об окружающей среде, иметь собственность, дружба, национальная безопасность, правопорядок, социальный порядок, самостоятельность в суждениях и взаимопомощь. Важно отметить, что ответы студентов разных учебных заведений значительно отличаются друг от друга.

Ключевые слова: ценностные ориентации, студенческая молодёжь, студенческая молодёжь Якутии, Республика (Саха) Якутия

Ценностные ориентации молодёжи активно исследуются и отечественными, и зарубежными социологами. Нарастание эмпирических исследований ценностей, жизненных ориентиров, взглядов и установок молодёжи обусловлено современной трансформацией общества, особенно в последние десятилетия. Общество «переосмысливает» ценности, переданные предыдущими поколениями. Молодёжь, как самая динамичная группа, находится в эпицентре данного «переосмысливания», об этом свидетельствуют исследования последних лет.

В условиях современного общества, характеризующегося стремительными изменениями и вызовами, изучение ценностей молодёжи становится особенно актуальным. Студенческая молодёжь является наиболее динамичной и восприимчивой к новым идеям и ценностям группой населения, и её предпочтения и ориентации оказывают значительное влияние на будущее страны.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью систематизации накопленного опыта и знаний о ценностях молодёжи для более глубокого понимания их роли в обществе и прогнозирования возможных изменений в будущем.

Каждое поколение обладает конкретными особенностями, которые отражаются в жизненных установках, ценностях и взглядах. «Ценностная ориентация личности – направленность личности на те или иные социальные ценности, т.е. предпочтительное отношение к определенной группе их, например, установка на труд, учебу, общественную работу, семью, заработок и т.д. ценностная ориентация оказывает влияние на определение места личности в обществе в целом и в социальной группе» [Рабочая книга социолога, с. 468].

Ценности находят свое выражение прежде всего в том выборе, который делают индивиды, определяет К. Манхейм. Манхейм утверждает, что пока структура общества проста и статична, установленные оценки действуют довольно долго; однако если общество находится в процессе изменения, сразу же меняются и оценки: «Изменение структуры общества обязательно влечет за собой переоценку и новое определение текущей ситуации. Новый социальный порядок не может существовать без такой переоценки, ибо только благодаря ей индивиды могут действовать по-новому и отвечать на новые вызовы» [Манхейм, с. 556].

Масштабное российское исследование гражданской культуры и политического поведения показало ориентацию студенческой молодёжи на ценности личного благополучия и безопасности. «Мы наблюдаем тенденцию к большему индивидуализму, когда приоритет отдается личным интересам. При этом наблюдается амбивалентность ценностей. Нельзя однозначно сказать о наличии какой-то одной ценностной доминанты или преобладании одной из групп ценностей. Наиболее востребованными являются ценности профессиональной самореализации, обретения независимости, самостоятельности и свободы» [Великая, Атласкиров, Будаева и др., с.591].

По результатам социологического исследования, проведенного Захаровой А.Е., в индивидуальную матрицу ценностей в качестве наиболее важных студенты Якутии включают материальный достаток (62,4%) и интересную работу (60,3%), устойчивость семьи, эмоциональную связь с членами семьи (58,5%), личный покой, отсутствие волнений и обязательств (57,5%), иметь свой круг общения, друзей, с которыми можно проводить свободное время (55,3%), а также наличие качественного образования, самостоятельности, независимости, индивидуализм (52,8%), а также жизнь в соответствии с совестью, своими принципами (51,1%) [Захарова, с.38].

В рамках реализации НИР: «Социальное самочувствие и стратегии адаптации населения Республики Саха (Якутия) в условиях трансформации российского общества: индикаторы, факторы, динамика» (FWRS-2024-0063) (Регистрационный номер: 124022500282-4) (рук., зав. отделом

этносоциологии, глав. науч. сотр., д-р социол.н. Е.Г. Маклашова) проведено авторское исследование «Студенческая молодежь Республики Саха (Якутия): ценностные ориентиры и социальный активизм» методом анкетного опроса среди 481 студента вузов Якутии: Северо-Восточного федерального университета, Арктического государственного агротехнологического университета, Арктического государственного института культуры и искусств, Чурапчинского государственного института спорта и физической культуры, Высшей школы музыки. Организованы качественные исследования в период с марта по май т.г. – 19 интервью со студентами, кураторами, представителями воспитательных отделов вузов.

Изучены опубликованные работы по изучению ценностных ориентаций и социального активизма студенческой молодежи Республики Саха (Якутия). Проанализированы планы воспитательных отделов вузов, направления работы со студентами по воспитательной части. Выявлено, что за последние годы в вузах Якутии усилена работа по патриотическому воспитанию молодежи, поддержке волонтерства, открываются центры поддержки студенческих инициатив, реализуются мероприятия по подготовке студенческих проектов для участия в грантовых конкурсах.

Определено, что ведущими ценностями для студенческой молодежи Республики Саха (Якутия) являются семья, дети, родные; справедливость и самообразование, личностный рост, саморазвитие (таблица 1.). Значимы для студенческой молодежи забота об окружающей среде, иметь собственность, дружба, национальная безопасность, правопорядок, социальный порядок, самостоятельность в суждениях и взаимопомощь. Важно отметить, что ответы студентов разных учебных заведений значительно отличаются друг от друга.

Литература

Великая, Н. М., Атласкиров, А. Р., Будаева, Д. Ц. [и др.]. Студенты России: гражданская культура и политическое поведение [монография] / под ред. Н. М. Великой; - ФНИСЦ РАН. М.: Мир науки, 2025. – 640 с. DOI: 10.15862/02LSNP25

Захарова А.Е. Взгляд в будущее:жизненные ценности и ориентации современной молодежи Якутии //Социодинамика. 2024. № 6. DOI: 10.25136/2409-7144.2024.6.71007 EDN:KQJDZGURL:

Манхейм К. Избранное: Диагноз нашего времени. М.: Изд-во «РАО Говорящая книга», 2010. — 744 с.

Рабочая книга социолога. Изд-во «Наука», 1983 г. – 480 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОСИБИРСКИХ РЕГИОНОВ

Е.В. Щекотин

Томский государственный университет, г. Томск
evgvik1978@mail.ru

В.В. Кашпур

Томский государственный университет, г. Томск
vtkashpur@mail.ru

Аббасова А.А.

Томский государственный университет, г. Томск
abbasovalina@gmail.com

Аннотация. В работе представлены результаты изучения актуальности для населения трех регионов Западной Сибири (Кемеровской, Новосибирской и Томской областей) различных типов социальных рисков. Выявлено, что наибольшую озабоченность населения вызывают такие проблемы как инфляция и резкий рост цен, экологические проблемы и бедность.

Ключевые слова: социальные риски, Западная Сибирь, экологические проблемы, бедность

В данной работе представлены результаты социологического исследования актуальности различных социальных рисков для населения трех западносибирских регионов – Кемеровской, Новосибирской и Томской областей. Проблематика социальных рисков стала активно развиваться в отечественной социологии с конца 1980-х годов. В то же время несмотря на довольно большое число публикаций, посвященных социальным рискам, в литературе не сложилось консолидированного понимания этого концепта. Можно выделить по крайней мере, два фактора, затрудняющие формирование концептуального единства в трактовке данного понятия. Во-первых, это мультидисциплинарность термина «социальный риск». Так, понятие социального риска используется не только в рамках социологии, но и в юриспруденции (право социального обеспечения), медицины (социальные риски заболеваний), педагогике и психологии (изучение различных «групп риска»), экономике (социально-экономические риски) и т.д. Во-вторых, в рамках самой социологии существует неопределенность, касающаяся использования этого термина: с одной стороны, за последние 20 лет сложилась отдельная отрасль социологического знания – социологии риска (В.И. Зубков, С.А. Кравченко, А.В. Мозговая, О. Н. Яницкий), в центре которой находится осмысление социальных последствий и влияния на общество широкого спектра различных по своей природе рисков. В контексте социологии любой риск является социальным в том смысле, что он имеет

последствия для общества. Данное обстоятельство позволяет говорить о «социальной рискологии» как некоем едином исследовательском поле. Такой широкий взгляд приводит к тому, что фактически нивелируется содержательное различие между собственно «риском» и «социальным риском». Такой подход к интерпретации социального риска можно охарактеризовать как теоретико-социологический. Он сформировался под влиянием концепции «общества риска» (У. Бек, Э. Гидденс, Н. Луман), сложившейся в 1980-90-е годы.

В то же время, в рамках структурно-системного подхода к анализу общества социальный риск рассматривается наряду с другими типами риска (природными, техногенными, экономическими, правовыми и т.п.). Особенность социальных рисков в этом понимании заключается в том, что они характерны для социальной сферы общества. Это риски безработицы, бездомности, бедности, девиантного поведения (алкоголизм, наркомания, суициды и т.п.), социально-демографические риски и т.д. Эту трактовку можно назвать конкретно-социологической или ограниченной так как область действия этих рисков ограничена социальной сферой. В рамках данной работы мы будем придерживаться следующего определения: социальный риск есть частный вид рисков, представляющий собой измеримую меру потенциальной опасности отклонений от социальных норм в системе социальных отношений, процессов и деятельности [Шопенко, 2009].

На основе изучения научной литературы, посвященной проблематике социального риска [Альгин, 2004; Горбаткова, 2011; Соколов, 2017; Шихов, 2007; Шопенко, 2009], были выделены следующие типы социальных рисков: инфляция и резкий рост цен; экологические проблемы; бедность; преступность; терроризм; заболевания и эпидемии; вооруженные конфликты; социальное неравенство; безработица; недоверие к власти; межэтнические конфликты; политическая нестабильность; природные катаклизмы; голод.

Общее количество респондентов составило 900 человек, их них по 32% в Новосибирской и Кемеровской областях, 36% – в Томской области. Распределение по полу и возрасту было задано принципами построения квотной выборки и отражает данные государственной статистики населения регионов. Среди опрошенных 57% женщин и 43% мужчин, 13% респондентов в возрасте от 18 до 25 лет, 30% – от 26 до 40 лет, 23% – от 41 до 54 лет, 34% – от 55 лет и старше. 47% опрошенных имеют высшее образование, среднее специальное – 37%, общее среднее – 9%, незаконченное высшее – 6%, неполное среднее или ниже – 1%. Опрос проводился в октябре 2024 года.

В ходе исследования респондентам было предложено выбрать от 1 до 5 наиболее значимых социальных проблем из списка. Обобщая данные по всем трех регионам Западной Сибири, можно отметить, что наиболее значимой проблемой опрошенные считают инфляцию и резкий рост цен – эту

проблему отметили 51% респондентов. На втором месте – экологические проблемы (45%), на третьем – бедность (37%). Эти проблемы являются наиболее острыми в представлениях населения. Далее идет группа проблем, которые также волнуют респондентов, но в меньшей степени. Назовем эти проблемы серьезными – это преступность, терроризм, заболевания и эпидемии, вооруженные конфликты, социальное неравенство (выделили 27-32% респондентов). Две последние по актуальности группы – вызывающие озабоченность (безработица и недоверие к власти) и малоактуальные проблемы (межэтнические конфликты, политическая нестабильность, природные катаклизмы, голод) (Таблица 1).

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос «Отметьте, пожалуйста, те социальные проблемы, с которыми, на ваш взгляд, нужно бороться прежде всего?» (обобщенно по трех регионам)

№	Типы социальных рисков	%
1	Инфляция и резкий рост цен	51
2	Экологические проблемы	45
3	Бедность	37
4	Преступность	32
5	Терроризм	29
6	Заболевания и эпидемии	29
7	Вооруженные конфликты	28
8	Социальное неравенство	27
9	Безработица	22
10	Недоверие к власти	22
11	Межэтнические конфликты	13
12	Политическая нестабильность	13
13	Природные катаклизмы	9
14	Голод	6

Несколько подробнее остановимся на двух составляющих социального риска – экологические проблемы и проблема бедности. Больше внимания на экологических проблемах акцентируют женщины (51%). Проблема бедности чаще отмечается как более острая респондентами с хорошим материальным положением (54%). Уровень образования и возраст не оказывают значимого влияния на значимость экологических проблем и проблемы бедности. Анализ рейтинга проблем в разрезе по регионам демонстрирует большую актуальность экологической проблематики в Кемеровской области (62%). Наиболее остро экологические проблемы в Кемеровской области воспринимаются возрастной группой от 26 до 40 лет (81%). В Новосибирской области экологические проблемы актуализированы для 43% респондентов. Томская область, с точки зрения актуализации экологической повестки,

выглядит более благополучным регионом: экологические проблемы как значимые обозначили 32% опрошенных Проблема бедности во всех трех регионах входит в тройку лидеров: в Кемеровской области эту проблему отмечают 40% опрошенных, в Новосибирской и Томской областях – 38% и 35% соответственно (Таблицы 2-4).

Таблица 2. Рейтинг типы социальных рисков в Кемеровской области

№	Типы социальных рисков	%
1	Экологические проблемы	62
2	Инфляция и резкий рост цен	44
3	Бедность	40
4	Заболевания и эпидемии	31
5	Преступность	29
6	Терроризм	27
7	Социальное неравенство	27
8	Вооруженные конфликты	25
9	Безработица	21
10	Недоверие к власти	21
11	Межэтнические конфликты	11
12	Политическая нестабильность	8
13	Природные катаклизмы	8
14	Голод	3

Таблица 3. Рейтинг типов социальных рисков в Новосибирской области

№	Типы социальных рисков	%
1	Инфляция и резкий рост цен	55
2	Экологические проблемы	43
3	Бедность	38
4	Преступность	36
5	Терроризм	32
6	Вооруженные конфликты	31
7	Заболевания и эпидемии	27
8	Социальное неравенство	27
9	Недоверие к власти	25
10	Межэтнические конфликты	18
11	Безработица	16
12	Политическая нестабильность	16
13	Природные катаклизмы	12
14	Голод	7

Таблица 4. Рейтинг типов социальных рисков в Томской области

№	Типы социальных рисков	%
1	Инфляция и резкий рост цен	53
2	Бедность	35
3	Экологические проблемы	32
4	Преступность	31
5	Безработица	29
6	Терроризм	28
7	Вооруженные конфликты	28
8	Заболевания и эпидемии	28
9	Социальное неравенство	27
10	Недоверие к власти	21
11	Политическая нестабильность	15
12	Межэтнические конфликты	12
13	Природные катаклизмы	8
14	Голод	7

Таким образом, подводя итоги исследования можно отметить, что для населения трех западносибирских регионов наиболее острыми являются такие типы социальных рисков как инфляция и резкий рост цен, экологические проблемы и бедность. Население западносибирских регионов воспринимает свою социальную уязвимость, прежде всего, сквозь призму экономических и экологических проблем. Меньше всего их страшат угрозы природных катаклизмов и голода.

Литература

- Альгин, А.П. (ред) (2004). *Рискология и синергетика в системе управления*. Петрозаводск
- Горбаткова, Е.Ю. (2011). *Опасности социального характера*. Уфа: Изд-во БГПУ
- Соколов, Ю.И. (2017). Социальные риски России. Проблемы анализа риска. Т. 14. № 5. С. 38-51.
- Шихов, А. (2007). Социальные риски в социальном страховании. *Кадровик. Кадровый менеджмент*. № 4-1. С. 33-38.
- Шопенко, А.Д. (2009). *Социальные риски макроэкономической динамики*. С.-П.: СПбГИЭУ.

Секция 5.

СИБИРЬ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ И МИРОСИСТЕМНОМ ИЗМЕРЕНИЯХ: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ, ВЗГЛЯД В БУДУЩЕЕ

СИБИРЬ КАК ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНЫЙ ГЕОЭКОНОМИЧЕСКИЙ КОРИДОР В КОНТЕКСТЕ МИРОСИСТЕМНОГО ПОДХОДА

К.К. Бегалинова¹, М.С. Ашилова², А.С. Бегалинов³

¹Казахский национальный университет имени аль-Фараби, г. Алматы;

²Казахский университет международных отношений и
мировых языков имени Абылай хана, г. Алматы;

³Международный университет
информационных технологий, г. Алматы
kalima910@mail.ru

Аннотация. Авторы исследуют роль и место Сибири в мировой экономической системе в рамках миросистемного подхода И. Валлерстайна. Раскрывают трансформацию геоэкономического статуса Сибири, которая, будучи ресурсной периферией Российской империи, Советского Союза, а затем России, смогла развиваться и перерасти в трансконтинентальный геоэкономический коридор, тем самым пополнив ряды полупериферийных регионов. В наше время Сибирь обладает выгодным стратегическим географическим положением, богатыми природными ресурсами и активной внешнеполитической позицией, что позитивно скажется на будущем Сибири не только как трансконтинентального геоэкономического коридора, но и индустриального, энергетического и научного узла.

Ключевые слова: миросистемный подход, Сибирь, геоэкономический коридор, полупериферия, ресурсы.

Современный этап развития постсоветских республик характеризуется сочетанием глобалистских моментов, преломляющихся через региональные, этнонациональные особенности, что свидетельствует о их глубокой связи и взаимосвязи. Глобальное проявляется в том, что эти республики, будучи составной частью мирового сообщества, органично включены в общий поток исторического процесса, подчинены общим закономерностям цивилизационного развития, отличающимся высокой степенью взаимозависимости и иерархичности. Эти закономерности нашли всестороннее отражение в миросистемной теории Иммануила Валлерстайна,

которая мировой порядок рассматривает как единую взаимодействующую систему. Согласно этой теории, мир разделен на ядро, полупериферию и периферию. Ядро выступает зоной высокой концентрации капитала, инноваций и власти, она представлена развитыми государствами. Полупериферия играет роль буфера и может перемещаться между двумя полюсами. К полупериферийным странам относятся такие, экономика которых встроена в мировую систему через экспорт природных ресурсов – нефти, газа, урана, металлов и др. К полупериферийным странам относятся такие постсоветские страны, как Казахстан, Азербайджан и др. К полупериферийным регионам стали относить и Сибирь. Периферия – источник сырья и дешёвой рабочей силы. К ним относятся большинство развивающихся стран. До недавнего времени Сибирь рассматривали как периферийная зона – ресурсный придаток мировой экономики. Однако изменения в глобальной логистике, энергетике, климате и политике создают новые условия, в которых Сибирь смогла перейти к статусу полупериферии, а в отдельных случаях – даже обрести элементы «ядровой» инфраструктурной значимости.

Какие факторы способствуют подобному изменению миросистемной роли Сибири? Прежде всего инфраструктурное развитие – Транссибирская магистраль, БАМ, порты Тихого океана, благодаря которым Сибирь стала выступать в роли своеобразного моста между Европой и Азией. Об этом красноречиво говорил в 1927 году Л.Д. Троцкий, выступая перед сибиряками: «Сибирь есть выход рабочего государства к Тихому океану. А Тихий океан и его побережья все более становятся ареной новейшей истории» [Троцкий, 1927].

Не менее важным фактором становится так называемая политика «поворота на Восток» современного российского руководства, в рамках которой переосмысливается роль и значение Сибири не только как периферии России, поставляющей ресурсы центру, но и участвующей в логистических, производственных и научных цепочках глобальной экономики. Как справедливо отмечают Крюков В.А., Рыжков В.А., «В числе ключевых направлений обновлённой стратегии развития Сибири должен присутствовать акцент на обеспечение внутренней взаимосвязи и взаимодействия регионов Востока России» [Крюков, Рыжков, 2022, с. 108-128].

Безусловно, Сибирь исторически выступает кладовой стратегических ресурсов: нефти, газа, угля, редкоземельных металлов, леса, пресной воды и др. Эти ресурсы играют ключевую роль в глобальных производственных цепочках. Особую ценность приобретают ресурсы Сибири на фоне нестабильности, турбулентности международных экономических отношений. И в этих условиях Сибирь может стать ареной интересов различных держав, прежде всего Китая и США, что требует от России выработки чёткой и

стратегически выверенной политики в отношении восточных территорий. Следует отметить, что от того, как будет развиваться Сибирь, во многом зависит будущее России и её позиционирование в мире. В условиях глобальной трансформации экономических и политических центров силы Сибирь может стать не только пространством выживания, но и точкой роста новой цивилизационной модели, сочетающей традиции, ресурсы и инновации. Не случайно еще в XVIII веке великий русский ученый М.В. Ломоносов предвидел, что Сибирь станет ключевой областью для роста и могущества России – «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном».

Сибирь занимает уникальное место в культурном и цивилизационном пространстве не только России, но и в мире. Географическое положение Сибири – между Востоком и Западом, между Россией и Китаем – делает ее важным звеном в транспортно-логистических цепочках. В рамках инициативы «Один пояс – один путь» Сибирь играет ключевую роль в формировании континентальных маршрутов между Китаем и Европой. Это усиливает значение сибирского региона как транзитного хаба и повышает её влияние в мировой экономике. Сибирь успешно развивается и как важный научный центр России. «В Сибири находятся научные и университетские центры мирового уровня (Томск и Новосибирск). Они призваны стать точками сбора, хранения и предоставления информации, экспертизы проектов, разработки новых технологий и управленческих решений и практик. Средоточием научной работы и координации усилий учёных и вузов может быть Сибирское отделение РАН, располагающее для этого необходимым опытом и потенциалом» [Там же].

Сибирь имеет потенциал стать полюсом роста в рамках полупериферийного «переоснащения» глобальной миросистемы. Её будущее будет зависеть от способности адаптироваться к глобальным вызовам, модернизироваться и интегрироваться в изменяющуюся структуру миросистемы. Миросистемный подход позволяет рассматривать Сибирь не как статичную зону «ресурсной дани», а как динамичное пространство, способное выстраивать новые маршруты, смыслы и роли в глобальной архитектуре.

Литература

Крюков, В.А., Рыжков, В.А. (2022). Сибирь как опора России: уроки прошлого и вызовы будущего. *Россия в глобальной политике*. Т. 20. № 1. С. 108-128.

Троцкий, Л.Д. (1927). О Сибири. Речь на вечере сибиряков 28 февраля 1927 года. *Киберленинка*. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sibiri/viewer> (Дата обращения: 9 сентября 2025 г.).

ОСТРОГИ КАК СЕТЕВАЯ СТРУКТУРА РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ЗАКРЕПЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В СИБИРИ В XVI-XVIII ВВ.

А.П. Бородовский

Институт археологии и этнографии СО РАН, г. Новосибирск
altaicenter2011@gmail.com

*Статья подготовлена при финансовой поддержке темы Госзадания
НИР ИАЭТ СО РАН «Формирование оригинальных черт российской
цивилизации и становление империи на материалах исследований
памятников Сибири XVI – XX веков (FWZG-2025-0013)»*

Аннотация. Работа посвящена обоснованию концепции наличия характеристик сетевой структуры у русских острогов в Сибири на протяжении XVI-XVIII столетий. За этот исторический период от Московского царства до ранней Российской империи на территории Сибири и Дальнего Востока возникло несколько сотен острогов, существовавших в различное время. В дальнейшем, многие из этих пограничных пунктов стали основой городской инфраструктуры юга Западной Сибири. Значение сибирских острогов как неотъемлемой части инфраструктуры Российского государства в Сибири в полной мере подтверждает широкий круг источников – от письменных документов до археологических материалов.

Ключевые слова: Сибирь, освоение, Российское государство, остроги, культура, сетевая структура

В дореволюционной [Гурьев, 1881, с. 61-62; Эллерт, 1990] и советской [Горюшкин, Миненко, 1984; Миненко, 1989; Резун, Васильевский, 1989] историографии в оценке характера и инициативы возведения русских острогов в Сибири как правило конкурировали два подхода. Один из них отстаивал роль и значение государства в этом процессе, тогда как другой подход акцентировал основное внимание на народной инициативе [Шунков, 1956; Емельянов, 1981], часто противопоставляя ее государству. В трудах советских историков такое соперничество, а порой даже конкуренция в освещении роли острожного строительства еще дополнительно утрировалось в рамках классового подхода. При всей исторической оправданности такой социальной интерпретации социальной реальности прошлого, классовая предвзятость в целом ряде случаев не позволяло адекватно объективно оценить масштабы и последствия острожного строительства в Сибири на протяжении достаточного длительного периода с конца XVI по первую четверть XVIII столетий. Показательно, что даже после начала модернизации фортификационного дела в России по европейскому образцу, предпринятого

Петром I, старая острожная фортификация не просто продолжала существовать в Сибири, но и в целом ряде случаев успешно сосуществовала с «вобановскими» принципами фортификации, заимствованными из Европы. Одним из ярких примеров такого культурного и инженерного феномена является Омская крепость, заложенная в 20-е годы XVIII в. На ее территории достаточно успешно «уживались» деревянные башни [Кочедамов. 1960, с. 5, рис. 2, 6, 7] острожного типа и земляные фортификационные сооружения (рвы, валы, бастионы) европейского образца. В дальнейшем такая практика сохранялась и на отдельных крепостях Кольвано-Воскресенской оборонительной линии (Змеиногорская крепость) – как части старой Сибирской границы [Сергеев, 1975 с. 29].

Не мало важным фактором было и то, что пространство, которое должна была освоить любая фортификация в Сибири было иным, чем за Уралом. Здесь уже было не возможно стоять непрерывные оборонительные линии, а вот вариант автономного оборонительного пограничного сооружения типа «острог» был наиболее оптимальным в необъятности сибирского пространства. Более того, на протяжении почти 200-летнего освоения Сибири русской цивилизацией последовательно менялись пространственные векторы размещения острогов (рис. 1, 2). Если в конце XVI и начале XVII столетий распространение острогов велось как правило с «севера на юг» в «полуденную сторону». То уже во второй половине XVII века и начале нового XVIII столетия движение уже пошло с «запада на восток». Причиной этого стало несколько экономических и военно-политических факторов. Во-первых, граница размещения острогов на рубеже XVII – XVIII вв. постепенно совпала с самым южным ареалом соболя – как основного ресурса «мягкой рухляди» Московского царства. Во-вторых, российское государство на своих южных рубежах в Сибири пришло в соприкосновение с хорошо организованными и порой агрессивными соседями – Джунгарией и Цинским Китаем под руководством маньчжуров. Все эти экологические, экономические и исторические особенности особенно ярко представлены в истории и культуре острогов в Новосибирском Приобье (Умревинском, Чаусском и Бердском). Частичное археологическое исследование этих оборонительных пунктов позволило выявить материальный комплекс в полной мере, отражающей оригинальной, своеобразии и традиционной единой русской культуры, которая через остроги транслировалась через всю Сибирь, вплоть до Тихого океана и Камчатки (Большереецкий острог). На этом этапе исторического развития отчетливо проявилась так называемая «шахматная» стратегия. Она состояла в том, что в относительно короткий промежуток времени на противоположных сторонах побережья одной магистральной реки последовательно возникало несколько острогов. Так на севере Верхней Оби последовательно с севера на юг возникли Ургамский (1684 г.), Умревинский (1703 г.), Чаусский (1713 г.) и

Бердский (1716 г.) остроги. Как на локальном уровне, так и в глобальном – обще сибирском контексте русские остроги являлись сетевой структурой со всеми присущими ей признаками и функциями. Среди них сочетание высокой степенью самостоятельности локальных структур относительно головного подразделения (Сибирского приказа Московского царства) и в то же время осуществление через остроги на месте наиболее эффективной координации военной, экономической, ресурсной («пришел к серебряной руде острог поставить») [Ткаченко, 1998, с. 53; Бородовский и др. 2005, с. 65-70] социальной и духовной деятельности.

Рис. 1. Маршруты освоения Сибири в 1601-1650 гг. и возникновение русских острогов

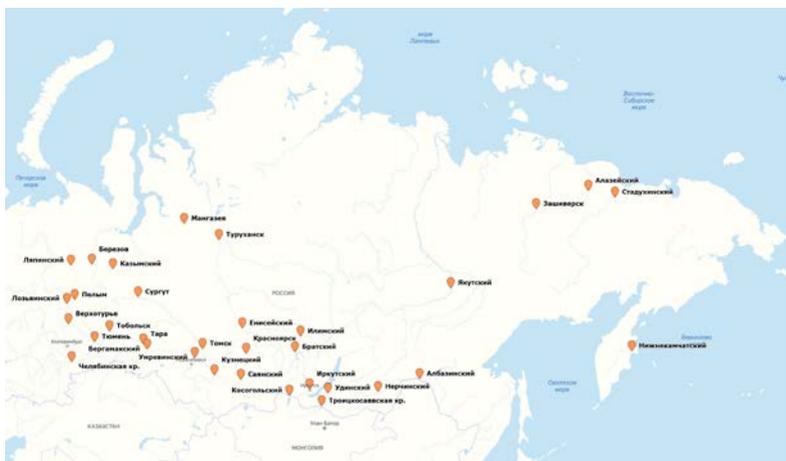

Рис. 2. Маршруты освоения Сибири в 18 столетии и возникновение русских острогов

На обширных сибирских территориях в «лице» острогов возникла система не только традиционной иерархии (где власть движется сверху вниз) «под рукой белого царя», но и горизонтальные связи между разрозненными оборонительными пунктами. Таким образом остроги могли транслировать различные государственное, экономические и культурные импульсы на обширные территории как отдельные подразделения одной структуры (Московского царства, а в последствии молодой Российской империи). При этом верховная власть заведомо делегировала значительную часть полномочий этим подразделениям. В свою очередь, такая децентрализация управления во многом в ряде случаев провоцировало местное самоуправство в острогах. Однако острожная автономность, как одна из важных характеристик сетевых структур позволяла на месте принимать наиболее оптимальные решения, исходя из реальных обстоятельств. Другие сетевые

характеристики сибирских острогов – представляли баланс гибкости, адаптивности, единых стандартов и фокуса на ключевых компетенциях, что в полной мере представлено как в письменных, так и археологических источниках по этим оборонительным пунктам. В качестве одного из примеров можно привести решение вопроса на месте, где разместить острог в непростых природных условиях.

В целом ряде случаев, даже не смотря на явные неблагоприятные природные условия и предписания сверху, решение принималось на месте исходя из принципа автономности и самодостаточности. Речь идет о неблагоприятном соседстве сибирского острога с рекой, особенно магистральной. Частые обильные паводки, а порой сезонные наводнения, не только подмывали и разрушали деревянные сооружения острогов, но и изолировали их от внешнего мира. В качестве такого примера можно привести Чаусский острог – временная изоляция которого весенним и июньским паводками Оби периодически в конце XVIII и начале XIX столетий изолировало его от Старого Московского тракта, пока при императоре Николае I один из основных старинных населенных пунктов Новосибирского Приобья был перенесен на новое место (Колывань НСО). С Кузнецким острогом, который в первой трети XVII в. из-за таких же гидрологических факторов переносился с одного места на другое несколько раз была аналогичная история. Однако, даже в этих условиях местные казаки заявляли своему начальству «а от рыбы де мы за реку не пойдем» [Миллер, 1941, с. 454], поскольку она нас кормит. Такая привязанность к определенному месту диктовалась не только экономической выгодой и опорой на самодостаточность местного хозяйствования, но также началом процессов укоренения русской культуры и образа жизни на сибирской земле.

Интенсивное развитие в последнее время археологии раннего Нового Времени в Сибири уже позволило сформировать солидный корпус археологических источников, среди которых остроги (рис. 3) занимают одно из ключевых мест. Именно в этих вновь выявленных объектах археологического наследия в формате предметного комплекса, фортификационных, жилых, административных, и культовых сооружений представлены оригинальные черты российской цивилизации, распространявшиеся на протяжении более чем два столетия через сетевую структуру острогов. В заключении следует отметить, что использование современных бизнес-дефиниций формата «сетевая структура» является не модернизацией исторического прошлого, а использованием понятных и более точных определений в рамках интерпретации особенностей освоения территории Сибири в прошлом.

Литература

Бородовский А.П. Оболенский А.А., Бабич В.В., Борисенко А.С., Морцев Н.К. (2005.) Древнее серебро Сибири. Новосибирск. 86 с.

Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. (1984) Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI – начало XVIII в.). Новосибирск: Наука. 315с.

Гурьев В.В. (1881) Историограф Миллер в Томске // Русский вестник. Москва, Т. 156. С. 61–72.

Емельянов Н.Ф. (1981) Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1981. 181с.

Кочадамов В.И. (1960) Омск: Как рос и строился город. Омск: Кн. изд-во. 122 с.

Миллер Г.Ф. (1941) История Сибири. М.: Издательство Академии Наук СССР. Т. 2. Приложение N 98. 629 с.

Миненко Н.А. (1989) Русские остроги и форпосты на территории Новосибирского Приобья и Барабы // Памятники Новосибирской области. Памятники археологии. Памятники истории. Памятники архитектуры. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство. С. 80–91.

Резун Д.Я. Васильевский Р. С. (1989) Летопись сибирских городов. Новосибирск: Новосиб. книж. изд-во. 304 с.

Сергеев А.Д. (1975) Тайны алтайских крепостей. Барнаул: Алт. кн. изд-во. 80 с.

Ткаченко Н.Е. (1998) Осень 1643 г. В походе В.Д. Пояркова // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке XVII-XIX вв. Владивосток. Т. 3. С. 45-55.

Шунков В. И. (1956) Очерки по истории земледелия Сибири. (XVII век) Москва : Изд-во Акад. наук СССР. 432 с.

Элерт А.Х. (1990) Экспедиционные материалы Г.Ф. Миллера как источник по истории Сибири. – Новосибирск: Наука. 247 с.

УРААНГХАЙ – ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ КОД ОБЩЕГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ ТЮРКО-МОНГОЛЬСКИХ НАРОДОВ

У.А. Винокурова

Арктический государственный институт культуры и искусств, г. Якутск
uottaah1707@gmail.com

Аннотация. Поиск социокультурных путей интеграции народов Сибири в евразийскую цивилизацию ведет к общим историческим корням, возрождающимся в различной интерпретации культурного кода ураангхайского единого корня, выражающего общий код Сибирской древней ойкумены. Интерес к этнокультурным истокам развивается как источник вдохновения в креативных индустриях – дизайнеров одежды, в спорте – реконструкция стрельбы из ураангхайского лука, на музыкальных фестивалях, где сочиняются и исполняются ураангхайские песни словно давно забытое высказывание. Опубликовано и переиздан ряд фундаментальных научных исследований и научно-просветительских сочинений, создаются общественные организации под брендом ураангхай. Формируются запрос на новое осмысление ураангхайского периода истории тюрко-монгольских народов, потребность в возрождении общего ураангхайского происхождения в современных целях сохранения общего историко-культурного наследия как механизма интеграции в евразийскую цивилизацию и в межцивилизационных взаимодействиях.

Ключевые слова: Ураангхай, тюрко-монгольские народы, Сибирь, Г.В. Ксенофонов, этнокультурый и исторический код.

Понятие «Ураангхай» (так пишется и произносится это понятие на языке саха. Его вариации на разных языках: Уранкай-Урянкай-Урянкат-Урянхай-Улянха-Урианхай) представляют собой сложный этнокультурный и исторический феномен, выступая своеобразным этнокультурным историческим кодом, связывающим происхождение различных тюрко-монгольских народов. Актуализируется потребность в фундаментальных междисциплинарных исследованиях данного феномена в контексте стратегий цивилизационных поворотов в судьбах народов Сибири. Поиски истоков культурных кодов народов Сибири, их цивилизационного единства могут быть более перспективными при обращении к современным проектам с использованием наследия ураангхайцев. Так же интересным представляется обращение к феномену «хунну» в поисках исторических основ стратегии интеграции современных российских народов в евразийское социокультурное пространство. Но это другая история.

В 2014 году в г.Кызыле издана 7-ми томная «Урянхай Тыва дептер» – антология научно-просветительской мысли о древней тувинской земле и ее

насельниках, об Урянхае-Танну-Туве, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (III тысячелетие до н.э. – первая половина XX в.). Ответственный редактор антологии – С.К. Шойгу. Возрождением урянхайской истории занимается общественная организация «Уву Урянхай». Совместный результат – тщательно продуманное издание собрало «под одним переплетом» наиболее важные и интересные научные труды, просветительские и публицистические работы российских и зарубежных ученых, писателей, журналистов, посвященные истории и археологии Тувы, этнографии (культура, быт, традиции) и этногенеза (этапы возникновения и развития) тувинского народа. Башкиры также издали свой том «Уран», в котором предлагается версия этнонима «урянхай» или «уранкай». С.М. Ахинжанов пишет: «При ближайшем рассмотрении видно, что этноним уранкай является композитным, состоящим из двух хорошо известных этнонимов уран и кай (уран + кай), каждый из составных частей предложенного гибридного названия которого переводится с позиции своего языка (тюркского и монгольского) как змея. Можно предположить, что полный перевод этого словосочетания будет иметь вид «змея + змея». Перед нами типичный пример образования этнонима при наложении двух однозначных терминов, относящихся к разным языкам» [История башкирских родов, 2012, с. 17].

Гавриил Васильевич Ксенофонтов (1888–1938) – выдающийся якутский учёный, этнограф, фольклорист и историк, выпускник Томского государственного института, ученик и последователь Г.Н. Потанина, в 1937 году опубликовал первый том фундаментального труда «Ураангхай сахалар. Очерки по древней истории якутов» (Иркутск, 1937, 483 с.). Второй том отправил издательству, но был репрессирован, а рукопись потерялась. В Якутии данная работа была переиздана в 1992 и 2023 годах. Г.В. Ксенофонтов изменил понимание истории и культуры народов Саяно-Алтая, в частности, ураангхайцев и якутов [Ксенофонтов, 1927]. Его исследования легли в основу современных представлений об ураангхайском культурном коде как связующем звене происхождения тюрко-монгольских народов. В данном тексте мы используем именно его транскрипцию в обозначении изучаемого феномена. Якутский ученый Г.В. Ксенофонтов первым опубликовал междисциплинарное исследование связи между урянхайцами и якутами. В работе «Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов» (1937) он показал, что самоназвание якутов «ураангхай-саха» отражает их происхождение от урянхайских групп Прибайкалья и Саяно-Алтая; выявил роль ураангхай как культурного моста между тюркскими и монгольскими народами; доказал историческую общность якутов, тувинцев, бурят и других народов Саяно-Алтая и заложил основы междисциплинарного подхода к изучению этногенеза.

«Ураангхай» не является исключительным названием одного конкретного этноса, а скорее служит общим обозначением для ряда родственных племенных групп, населявших обширные территории Саяно-Алтайского региона, Прибайкалья, Среднего Енисея и Великой Степи.

Ураангхайские группы населяли таёжные и горные районы по обе стороны Алтая, районы к северо-востоку от Байкала, Саянский хребет и Минусинскую котловину. Эта обширная территория являлась зоной активных этнокультурных контактов между тюркскими, монгольскими и другими народами. Вопрос о том, к какой языковой и этнической группе изначально принадлежали урянхайцы, остается одним из самых дискуссионных. Существуют ряд версий их этнического происхождения и языковой принадлежности.

Роль ураангхайских племён в истории великих степных империй, в особенности Монгольской, была значительной и многогранной. Они выполняли ключевые функции в военных и политических успехах Чингисхана, охраняли его ставку, поддерживали дипломатические отношения с разноэтническими группами и участвовали в их этногенезе.

В настоящее время «ураангхай-сахалар» в якутском самосознании хранится в исторической памяти, обретая художественные формы легенд, мифов, возрождаясь как культурный код происхождения и исторической связи с другими народами, и является предметом этнографических исторических исследований [Ушницкий, 2015]. У башкир «уран» – это самоназвание конкретного рода, представители которого исторически населяют большую часть Янаульского района Башкортостана. Для тувинцев их Урянхайский край, урянхайская земля – живая история, в которой пульсируют идеологии «монголофильства» [Отрощенко, 2020, с. 35-48], «монгольского», «урянхайского», «баргинского» вопросов [Кузьмин, Василенко, 2012, с. 34-48]. В Монголии в настоящее время практически во всех аймаках проживают представители урианхайских родов, из них локально сосредоточены алтайские урянхайцы [Лхагвасурэн, 2012] и хубсугульские урянхайцы.

Именно в области материальной и духовной культуры наиболее ярко проявляется роль Ураангхая как общего культурного кода в исторических взаимопереплетениях судеб народов, сохранившихся по сей день в цивилизационном пространстве Сибири. Возрождаются спортивные игры стрельбы из урянхайского лука, и значение лука как родовой тамги у тувинцев, танцы, одежда и музыка урянхайцев в Монголии. В Якутии была создана общественная организация «Ураангхай» в 90-е годы прошлого века, возрождается самоназвание саха как ураангхай-сахалар, освобождающееся от несколько негативной коннотации смысла слова ураангхай [Пекарский, 1927].

Наследие Ураангхай продолжает жить в современности, влияя в различной степени на этническую идентичность народов Саяно-Алтая. Обращение к понятию «ураангхай» в различных сферах у разных тюрко-монгольских народов представляет собой блестящий пример того, как общее историческое наследие и культурные коды могут объединять народы, принадлежащие к разным языковым семьям. Это не просто исторический этноним, а сложный социокультурный феномен, «культурный код», пронизывающий историю, материальную культуру и духовные представления многих народов Саяно-Алтая и Южной Сибири.

Таким образом, Ураангхай можно считать не столько конкретным этносом, сколько особой историко-культурной общностью, сформировавшейся на стыке тюркского и монгольского миров. Это своего рода «код», шифр, для понимания глубинных процессов этногенеза и культурного взаимодействия в Центральной Азии, который показывает, что единство народов часто основывается не только на языке, но и на общей истории, культурных практиках и символическом мире, востребованных современностью.

Литература

История башкирских родов. Уран. Том 7. (2015). С. И. Хамидуллин, Ю. М. Юсупов, Р. Р. Асылгужин, Р. Р. Шайхеев, И. Р. Сайтбатгалов, Ф. Ф. Гайсина, В. Г. Волков, А. А. Каримов, В. И. Фаррахов, Р. М. Рыскулов, А. Я. Гумерова, Г. Ю. Галеева, Г. Д. Султанова. – Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат, 2015. – 268 с.: илл.

Кузьмин Ю.В., Василенко В.А. (2021) «Монгольский», «урянхайский», «баргинский» вопросы в трудах российского востоковеда Евгения Александровича Белова // *Новые исследования Тувы.* 2021, № 3. С.34-48.

Ксенофонтов Г.В. (1937) *Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов.* Т.1. Иркутск: ОГИС: Восточно-Сибирское областное издательство, 1937. 483 с.

Лхавасурэн И. (2012) *Алтайские урянхайцы. Историко-этнографическое исследование. Конец XIX — начало XX века.* — Osaka: National Museum of Ethnology. — С. 124. — 251 с.

Отрощенко И.В. (2020) «Монголофильство» политической элиты Тувинской Народной Республики // *Новые исследования Тувы.* № 3. С. 35-48.

Урянхай Тыва дептер. Антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае-Танну-Тове, урянхайцах-тувинцах, о древностях Тувы (II тысячелетие до н.э. – первая половина XX в.) В 7 томах. (2014) Сост.: С.К.Шойгу. Ред.Колл.: К.Д.Аракчаа, К.С.Шойгу. Кызыл: ОАО «Тываполиграф».

Ушницкий В.В. ((2015) *Проблема происхождения и этническая история тюрко-монгольских народов.* Якутск. -160 с.

Пекарский Э.К. (1927) *Словарь якутского языка*. Т. III. Ленинград.
С. 3059-3062.

ИСТОРИКО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Д.Н. Гергилев

Лаборатория исторических и социально-экономических
исследований Сибири и Центральной Азии
КНЦ СО РАН, г. Красноярск

В.В. Никуленков

Лаборатория исторических и социально-экономических
исследований Сибири и Центральной Азии
КНЦ СО РАН, г. Красноярск

И.А. Пфаненштиль

Центр глобалистики Гуманитарного института СФУ,
г. Красноярск

Аннотация: Изучение миграции является важным аспектом современной науки и общественной жизни, поскольку позволяет выявлять влияние мигрантов на экономику принимающих стран и **социальные изменения**, такие, как демографическая структура населения, воздействие на культурные нормы, обычаи и социальную интеграцию. Эти знания необходимы для того, чтобы своевременно разрабатывать эффективные стратегии социальной адаптации и предотвращать конфликты. Вопросы миграции зачастую становятся предметом политических дискуссий и влияют на формирование внутренней и внешней политики государств. В многообразии подходов к изучению миграционных процессов особо выделяется историко-политический подход, который рассматривается в настоящей работе.

Ключевые слова: миграция, исследование миграционных процессов, подходы, историко-политический подход.

Современные миграционные процессы носят глобальный характер, затрагивая многие государства одновременно. Анализируя миграционные потоки, эксперты-аналитики разрабатывают оптимальные меры контроля границ, защиты прав граждан в принимающих сообществах и решения проблем нелегальной миграции, которая создает угрозы национальной безопасности и стабильности регионов. Изучение миграция рабочей силы потенциально предлагает сценарии восполнения нехватки квалифицированных кадров, что способствует росту экономики и инновациям. Однако мигранты также и создают нагрузку на социальные

системы, инфраструктуру и рынок труда, что требует внимательного анализа и планирования.

Очевидно, что миграция обусловлена комплексом политических и исторических факторов. Давайте рассмотрим подробнее каждый аспект. Политика играет ключевую роль в формировании миграционных потоков. **Вооружённые конфликты**, гражданские войны, международные вооружённые столкновения вынуждают население покидать свою страну ради спасения жизни и безопасности семьи. Исторический опыт также оказывает значительное влияние на современные миграционные процессы. Так, **колонияльное наследие** остается значительным фактором влияния, оформившись в современное явление неокOLONIALИЗМА. Бывшие колонии часто имеют тесные связи с метрополиями, что способствует переселению бывших жителей колоний в бывшие империи (Франция и Алжир, Великобритания и Индия). Национальные меньшинства стремятся вернуться на историческую родину или объединяться вокруг этнических общин, сформированных ранее. История развития стран показывает, что регионы, пережившие индустриализацию раньше других, становятся центрами притяжения рабочей силы из менее развитых районов. Например, Российская Федерация, будучи многонациональной страной, долгое время притягивала трудовых мигрантов из республик Средней Азии и Кавказа. Таким образом, политическая ситуация в стране происхождения и исторический опыт формируют устойчивые миграционные потоки, влияющие на демографическую структуру общества и экономическое развитие принимающих стран. В связи с этим, изучение современных миграционных проблем и построение моделей на будущее не может быть автономным процессом без учета историко-политических предпосылок [Никуленков, Уметбаев, 2024, с. 17].

Историко-политический подход представляет собой комплексный метод анализа миграции, акцентирующий внимание на взаимосвязях между историческими процессами, политическими факторами и изменениями в перемещении населения. Тем не менее назовем основные научные подходы к изучению миграции.

Обзор научных подходов к изучению миграции

Подходы	Идеологически и научные основания / сущность подхода	Содержание
экономический	марксизм, теория человеческого капитала, теория мирового рынка труда, теория мировых систем	марксизм как наиболее универсальный подход. Рассматривает миграцию как один из важнейших регуляторов численности трудоспособного населения, который стимулирует здоровую конкуренцию на рынке рабочей силы. Большинство видов миграций обусловлены экономической необходимостью и в той или иной мере связаны с рынком труда.
социологический	концепции «притяжения-выталкивания» (pullpush), ассимиляционную теорию	Популярен последние 30-50 лет. Фокусируется на социальных аспектах перемещения населения, исследуя причины, последствия и влияние миграционных процессов на общество.
демографический	общая теория народонаселения; теория демографического перехода; концепция «второго демографического перехода»; концепция «нулевого сальдо международной миграции».	Изучает миграцию как демографический процесс прямо воздействующий на воспроизводство населения; - показывает, как последовательно изменяется миграция при переходе от доиндустриальной к постиндустриальной экономике; - изучает миграцию как важнейший демографический процесс в развитии современных

		<p>стран Западной Европы; - исследует миграцию в контексте теории стабильного населения.</p>
исторический	<p>исследования истории миграционных движений того или иного региона с применением историко-демографических исследований</p>	<p>описывает миграцию в контексте исторической эволюции демографических процессов.</p>
географический	<p>рассматривает пространственно-территориальные особенности перемещения населения.</p>	<p>его главная цель заключается в анализе миграционных потоков, выявлении закономерностей и факторов, влияющих на выбор направлений передвижения мигрантов, определении демографической нагрузки на территории приема мигрантов и отправляющие регионы.</p>
типологический	<p>предполагает классификацию миграционных явлений по определенным признакам и выделение основных типов миграции.</p>	<p>цель данного подхода состоит в систематическом описании и сравнении различных моделей миграционного поведения, выделяя общие черты и характеристики, присущие каждому типу.</p>
экологический	<p>исходит из предположения, что население перераспределяется в пространстве в зависимости от доступности природных ресурсов, климатических условий, экологической обстановки и</p>	<p>рассматривает этот процесс сквозь призму взаимодействия человека и окружающей природной среды.</p>

	устойчивости ландшафта.	
этнографический	фокусируется на изучении культурных особенностей, традиций, верований и образа жизни представителей конкретных этнических групп, участвующих в процессах переселения.	этнографы собирают полевые материалы непосредственно в местах компактного проживания мигрантов либо в регионах исхода, фиксируя устные рассказы, повседневные практики, ритуалы и материальную культуру.
психологический	Миграция как способ удовлетворения ряда социальных потребностей в самоутверждении.	сосредоточен на внутренних переживаниях, мотивах, эмоциях и адапционном поведении мигрантов. Этот подход помогает лучше понять индивидуальные реакции на смену места жительства, социальные взаимодействия и интеграционные процессы в новых условиях проживания.
биологический	основан на исследовании физиологических, генетических и эволюционных механизмов, лежащих в основе процесса переселения живых организмов, включая человека.	стремится объяснить миграционное поведение через призму биологии, рассматривая движение популяций как естественный процесс приспособления видов к окружающей среде.
генетический	направлен на исследование изменений в составе генофонда человечества в результате переселения.	основной задачей генетики в данном аспекте является выявление генетических признаков, характерных для определенных этносов, и реконструкция путей миграции древних народов путем изучения современных ДНК-профилей.
философский	ставит перед собой цели	основные аспекты

	осмысления сущности человеческого бытия, свободы выбора, природы индивидуальности и коллективности, вопросов смысла жизни и ценностей, стоящих за процессом переселения народов.	философского анализа миграции: свобода и воля; самосознание и идентификация; антропология и экзистенция; нравственные и этические аспекты; диалог культур. Философский подход углубляет понимание человеческой природы, способствует формированию осознанного взгляда на исторические события и современные глобализационные процессы. Он даёт инструменты для критического осмысления социального устройства и ценностных ориентиров современного мира.
юридический	направлен на разработку правовых норм и законодательных актов, регулирование основных прав мигрантов.	определяет правовой статус разных категорий мигрантов.

На протяжении долгих лет изучение миграции преимущественно находилось в ведении экономистов, социологов и демографов, тогда как политический аспект миграционных процессов и их влияние на внутреннюю структуру и государственную политику оставались недостаточно исследованными. Между тем миграция населения играет ключевую роль в формировании всё более сложных внутривнутриполитических и международно-правовых отношений государств.

В условиях нарастающего глобального соперничества и растущего масштаба транснациональных экономических и политических процессов миграция существенно воздействует на динамику и содержание политических процессов, а также на устройство политической системы любого современного государства. Именно поэтому начиная с конца 80-х годов XX века политико-государственные аспекты миграции стали объектом

пристального внимания политологов и юристов. Сегодня в рамках современной политической теории миграция рассматривается двояко: с позиций общего воздействия на государство и в контексте конкретного политического контекста ситуации.

В первом случае мы говорим о воздействии миграционных движений на социальное и политическое устройство государства, национальную самоидентификацию его граждан, систему внутренних государственных взаимоотношений, политическую культуру, а также человеческий капитал, который определяет положение и значимость страны на международной арене. Центральным вопросом здесь становится регулирование миграционных потоков, установление норм въезда, выезда и нахождения иностранцев на территории суверенных государств, иными словами — государственная миграционная политика. Во втором измерении — ситуационно-политическом — основное внимание политологов направлено на проблему национальной безопасности и угроз, возникающих вследствие неконтролируемых и нелегальных миграционных волн. Эта задача приобрела особую остроту после террористических атак 11 сентября 2001 года, когда большинство промышленно-развитых стран сосредоточились на трех приоритетных направлениях: предотвращение угроз («preventing»), привлечение виновных к ответственности («prosecuting») и обеспечение защиты («protecting»). Кроме того, второе измерение подразумевает рассмотрение мигрантов и созданных ими сообществ как активных участников политической жизни государств. Мигранты могут оказывать прямое влияние на политическую ситуацию как в странах выхода, так и в принимающих государствах, становясь объектами давления различных политических сил. Адаптация и включение мигрантов в социальную и политическую структуры национального государства, их влияние на гражданство, избирательное поведение и разработку внутренней политики представляют особый интерес для политологов. Транснациональные диаспоры и сетевые объединения мигрантов активно участвуют в общественной жизни как страны прибытия, так и страны исхода, играя значимую роль в политической сфере обоих государств [Зайончковская, 2007, с. 80].

Исследования исторического характера подтверждают высокую вовлеченность диаспорных сообществ в политическую деятельность уже более столетия назад. Способы включения диаспор в политическую сферу могут быть самыми разными, а направление активности варьируется от интересов принимающей стороны до страны происхождения. Наиболее распространены следующие формы политической активности диаспор: участие в выборах и других политических мероприятиях; лоббирование интересов страны исхода в принимающем государстве; поддержка руководства или оппозиционных сил страны исхода посредством финансовой

и иной помощи; финансирование политических партий, общественных организаций и движений родного государства; помощь в урегулировании или усугублении конфликтов в стране исхода. Существуют примеры прямого участия диаспор в политической жизни, когда представители общин получают представительство в парламентах и правительстве страны происхождения. Ярким примером служит случай Хорватии, где в 1990 году диаспора внесла значительный вклад в предвыборную кампанию Франьо Туджмана, получив взамен значительное число мест в парламенте. Помимо политики, диаспоры активно вовлекаются и в экономику стран исхода благодаря своим трансграничным возможностям. Современные ассоциации мигрантов способствуют привлечению значительных финансовых средств, направленных на реализацию различных проектов на родине. Например, эмигранты из Каса (Мали), живущие во Франции, профинансировали проекты на сумму около 3 млн евро, значительная часть которых поступила от самих мигрантов. Рост и развитие диаспор неизбежно ведет к увеличению объемов денежных переводов, положительно сказываясь на экономике стран исхода. Несмотря на проживание за пределами родины, члены диаспор продолжают считать себя частью её народа, поддерживая существующие там социально-политические нормы и убеждения [Гергилев 2024, с. 30].

Такое состояние вещей может приносить пользу обеим сторонам – принимающим странам и государствам исхода, однако оно способно вызывать и негативные эффекты. Специалисты подчёркивают невозможность полного отрешения мигрантов от своих корней в современном мире, следовательно, государственные политики обязаны учитывать реальность присутствия диаспор и формировать соответствующие подходы [Никуленков, 2024, с. 34]. Одним из ключевых элементов историко-политического подхода выступает исторический анализ, позволяющий рассматривать миграции в ретроспективе, выявляя глубинные истоки текущих миграционных тенденций. Сюда входят исследования колониальной эпохи, войн, политических перемен и экономических преобразований прошлых эпох, оказавших влияние на современную миграционную картину.

Историко-политический подход уделяет особое внимание влиянию политики государства на процессы миграции. Сюда входят законы, регулирующие въезд и пребывание мигрантов, внешняя политика страны происхождения и принимающей стороны, международные соглашения и межгосударственное сотрудничество. Геополитическая динамика важный аспект в контексте глобализации и геополитической конкуренции государств. Например, миграция может использоваться как инструмент мягкой силы или оказывать влияние на безопасность региона. Данный подход учитывает культурные различия и адаптацию мигрантов в новых обществах. Важность культурного наследия и традиций влияет на интеграционные процессы и социальную политику принимающих стран. Экономические условия, такие

как уровень безработицы, заработная плата и доступ к социальным услугам, также рассматриваются как ключевые факторы, определяющие направление и интенсивность миграционных потоков.

Историко-политический подход позволяет глубже понимать причины и последствия миграции, учитывая долгосрочные тенденции и взаимодействие различных факторов. Примером может служить исследование миграционного кризиса в Европе начала XXI века, вызванного конфликтами на Ближнем Востоке и Северной Африке, которое невозможно полноценно проанализировать без учета исторического контекста и влияния политической ситуации в регионе. Таким образом, историко-политический подход подчеркивает важность комплексного взгляда на миграционные процессы, подчеркивая роль истории, политики и экономики в формировании современной миграционной картины мира.

Литература

Гергилев Д.Н., Никуленков В.В., Излученко Т.В., Павлюкевич Р.В.

Оценка уровня обеспокоенности общества в государствах СНГ вопросом трудовой миграции в Россию на примере трендов поисковых запросов в 2024 \ Цифровое моделирование экономики. 2024. № 4. С. 171-180.

Методология и методы изучения миграционных процессов. Междисциплинарное учебное пособие. Под ред. Жанны Зайончковской, Ирины Молодиковой, Владимира Мукомеля - Центр миграционных исследований - М., 2007, 370 с.

Никуленков В.В. Компьютерное моделирование миграционных потоков. потенциал и перспективы инструментария на примере направления "Центральная Азия - Сибирь" \ Цифровое моделирование экономики. 2024. № 3. С. 124-130.

Никуленков В.В., Уметбаев Т.Ш. Проблемы миграционной безопасности России и ресурс цифровизации в её обеспечении (на примере миграции из стран Центральной Азии) Цифровое моделирование экономики. 2024. № 4. С. 205-216.

МЕЖПОЛУШАРНЫЙ МЕГАПРОЕКТ (о железнодорожном соединении Сибири с Америкой и Индийским океаном)

Ю.Н. Голубчиков

Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва
golubchikov@list.ru

Аннотация. Актуализируются идеи XIX-начала XX века о создании межполушарного железнодорожного пути через Берингов пролив. Предлагается расширить китайскую систему «Пояса и Пути» созданием диагонального хода, соединяющего Южную Африку с Арктическим морским путем и Аляской и далее Огненной Земли через сеть существующих и строящихся путей и тех путей, что могут быть сооружены. Межполушарный мегапуть объединит воедино все железнодорожные системы мира. Создание высокоскоростной железной дороги (ВСЖД) от Транссиба на Аляску и от Транссиба к Индийскому океану повысит качество жизни населения арктических и восточных территорий РФ и воспрепятствует их депопуляции. Рассмотрена история проекта.

Ключевые слова: Сибирь, железнодорожный путь через Берингов пролив, депопуляция, высокоскоростные железные дороги, Арктика, туризм.

Планы планетарных железных дорог, которые бы соединили Европу с Индией и с Америкой, столь же стары, как история самого железнодорожного строительства. Идея строительства железной дороги из Европы в Индию была впервые высказана в брошюре, написанной Перейрой в 1830 году [Павлович, 1993]. Степан Барановский [1874] предложил план Индо-Волжской железной дороги от Саратова до Индии (прил. 1). Первым делом Российской империи в Средней Азии стало строительство железной дороги до Ашхабада в 1884 году, до Самарканда в 1888 году и до Ташкента и Андижана в 1899 году. Англичанами была построена железная дорога от Индийского океана до Пешавара в 1895 году. Оставалось соединить железнодорожным путем города Скобелев (ныне Фергана) и Пешавар, как железнодорожный путь от Атлантики до Индийского океана был бы открыт (прил. 2-3).

Первые предложения по железной дороге, что свяжет все великие столицы через Берингов пролив выдвинул в 1861 году губернатор Колорадо Уильям Гилпин в беседе с президентом США Линкольном. Гилпин опубликовал книгу «Космополитическая железная дорога: уплотнение и слияние всех континентов мира» [Gilpin, 1890] (прил. 4). Выдвинутый в 1902 году проект французского исследователя Лоика де Лобеля предлагал

соединить железнодорожным путем Нью-Йорк, Москву и Париж. Начавшись на Аляске, железная дорога должна была пройти туннелем под Беринговым проливом (длиной около 80 км), направиться на Якутск и далее на Канск на соединение с Транссибирской магистралью [Головачевъ, 1906] (прил.5-6). США бралось за воплощение проекта, за что просила права на 90-летнюю аренду пространство в 12 км по обеим сторонам дороги. Земли предполагалось разделить в шахматном порядке между Россией и американскими компаниями. Если бы проект состоялся, то США, вероятно, не допустило бы в России никаких революций, свержений, конфронтаций. Но в марте 1907 года, Российское правительство приостановило выполнение работ из-за опасений американской экспансии [Головачевъ, 1906; Головачевъ, 1914].

Идея сооружения железнодорожного пути через Берингов пролив вновь всплывала в 1942 году [Freeman, 2019] и в конце войны. Сталин начал строить дорогу от Норильска до Анадыря. От нее осталась «мертвая дорога» между Салехардом и Туруханском. Частью ее являлась также разобранная теперь на металлолом железная дорога Дудинка—Норильск. Министерство путей сообщения СССР и Министерство транспортного строительства СССР работали над проектом Азиатско-Североамериканской магистрали через тоннель под Беринговым проливом, наряду с проектами железнодорожной магистрали в Японию через пролив Лаперуза, остров Сахалин и пролив Невельского и Трансполярной сибирской магистрали [Бельдей, 2016]. С приходом к власти Хрущева эти проекты были свернуты.

Так что, уже более 150 лет технические возможности позволяют задумываться над проектами железных дорог планетарного значения. Им не дали состояться холодная война а, главное, резко возросшие возможности морских перевозок. Поэтому около 98% грузов между Азией и Европой пошли через Индийский океан и только 1,5-2% грузов следуют по Транссибирской магистрали, а также авиаперевозками [Vinokurov, et. al.,2018] (прил. 7).

Мы предлагаем расширить систему “Пояса и Пути” созданием диагонального хода, призванного соединить Южную Африку с Арктическим морским путем и Аляской и далее Огненной Земли через сеть существующих и строящихся путей и тех путей, что могут быть сооружены (прил. 8). Межполушарный путь, таким образом, протянется от Мыса Доброй Надежды через Сибирь до Сантьяго и Ушуайи и объединит воедино все железнодорожные системы мира (прил. 9).

Сообщается о намерении Китая протянуть высокоскоростные железнодорожные (ВСЖД) сети в США через восточную часть России, Берингов пролив, Аляску, Канаду [Liu, 2019]. Сверхскоростные поезда могут работать на маршруте со скоростью 350 км в час, что позволит пассажирам путешествовать из Северо-Восточного Китая в США менее чем

за два дня. Поезда будут движимы электрическими приводами с практически нулевым уровнем выбросов.

С реализацией проекта высокоскоростной железной дороги (ВСЖД) из Синьцзяна к пакистанскому порту Гвадар у России открывается великолепный выход к Индийскому океану и к самой высокогорной области мира. Железная дорога пройдет параллельно Каракорумскому шоссе, открытому в 1978 году. Оно пересекает три могучих горных массива — Гималаи, Каракорум и Памир и проходит неподалеку от второй по высоте вершины мира Чогори, или К-2 (Каракорум). Сеть китайских железных дорог постепенно обретает выход к Гималаям и далее в Непал, Индию, Бангладеш и Мьянму Синьцзян-Уйгурский Автономный район (СУАР) обретают железнодорожные выходы к портам Индийского, Атлантического, Тихого (через Китай) и Северного Ледовитого (через Россию) океанов [Tao Song, Liu Weidong, Zhigao Liu, Yeerken Wuzhati, 2019].

С созданием Трансконтинентальной магистрали житель отдаленного Северо-Востока России или Аляски способен без опасений многодневного ожидания летной погоды безопасно попасть в Канаду и США и в то же время ему открывается путь в Китай, Тибет и Гималаи. Ехать туда лучше по железной дороге, позволяющей адаптироваться организму к высокогорью.

В США также обсуждается проект железной дороги через Берингов пролив в виде Трансконтинентальной магистрали. Проект потребует строительства под Беринговым проливом самого длинного на сегодняшний день подводного туннеля длиной около 100 километров и глубиной более 50 метров. Дорогу через Берингов пролив предполагается также соединить железнодорожными переходами с Сахалином и о. Хоккайдо (Япония), возможно с Камчаткой. В любом варианте дорога служит мостом между Азией и Америкой [InterContinental..., 2018].

Для будущего экономического роста Аляски железная дорога с Чукоткой и с Канадой очень важна, поскольку 85% продуктов питания, коммерческих товаров, оборудования и других товаров для жителей Аляски проходят через единственный порт Анкоридж (прил. 10). Среднего запаса продовольствия на полках и складах Аляски хватает всего на три дня. Если порт будет серьезно поврежден, то жители Аляски рискуют остаться без снабжения. В то же время создание железнодорожного пути через Берингов пролив выдвигает Аляску в географический центр мировой торговли.

Реализация идеи железнодорожного пути от Индийского океана к Берингову проливу способна объединить усилия США, Китая и России. Такой мегапроект способен заменить собой нынешние триллионы долларов, растрачиваемые на войны и гонку вооружений на всеобщее сотрудничество в мирном созидании лучшего будущего для всех. Будущее человечества будут определять успехи экономической интеграции ведущих стран мира на высокотехнологической основе. Как один из инструментов его создания мы

рассматриваем ВСЖД от Индийского океана до Берингова пролива. Межполушарный мегапроект соединит экономики Западного и Восточного полушарий и усилит связность пространства между континентами Северного и Южного полушарий.

Литература

Барановский, Ст. (1874). Индоволжская железная дорога. *Нива*, №34. С. 536-539.

Бельдей, В.А. (2015) Система евразийских транспортных коридоров — образ будущего современной России для Евразии и Мира. Воробьев А.В., Рахимов К.К., Собынин А.Д. (сост.). *СТЕК: Система транспортных евразийских коридоров*. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2015. — С. 571-574.

Головачевъ, П.М. (1906). По поводу проекта Сибирско-Американской железной дороги. *Сибирские вопросы*. Санкт-Петербург, № 2. С. 157-166.

Головачевъ, П. М. (1914). *Экономическая география Сибири*. М. Изд-во Сытина, 1914, 184 с.

Павлович (Вельтман), М.Л. (1993). История Прикаспия. Куркчи А.И. (ред.). *Каспийский транзит*. Том I. М. ДИ-ДИК. С 473-566. («Мир Льва Гумилева»).

Freeman, R., (2007). The 19th Century Origins of The Bering Strait Project. *21st CENTURY Science & Technology*. Spring/Summer 2007, pp. 45-46.

Gilpin, W. (1890). *The Cosmopolitan Railway: Compacting and Fusing Together All the World's Continents*. San Francisco; The History Company. 370 p.

InterContinental Railway. (2018). *Project Summary*. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.static1.squarespace.com/static/58b72801e3df2821397e13cb/t/5b62c10003ce64ad355d9967/1533198598103/ICR+Project+Summary+July+2018.pdf/>

(дата обращения: 31.08.2025)

Tao Song & Weidong Liu & Zhigao Liu & Yeerken Wuzhati. (2019). Policy Mobilities and the China Model Pairing Aid Policy in Xinjiang. *Sustainability*. Vol. 11(13). Pp. 1-17.

Liu Weidong. (2019). *The Belt and Road Initiative: A Pathway towards Inclusive Globalization*. Routledge. 174 p.

Vinokurov, E., Lobyrev, V., Tikhomirov, A., Tsukarev, N. (2018). *Silk Road Transport Corridors: Assessment of Trans-EAEU Freight Traffic Growth Potential*. Saint Petersburg: Eurasian Development Bank (EDB). Centre for Integration Studies. 70 p.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РОССИИ: ВЛИЯНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЭКЗАМЕНА ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ ДЛЯ ДЕТЕЙ МИГРАНТОВ

Е.А. Гордейчик

Новосибирский государственный педагогический университет
ekaterina_nsk@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проблемы образовательного неравенства в России в условиях введения государственного экзамена по русскому языку для детей мигрантов, как обязательного условия при приеме в школу. Автор рассматривает проблему доступности образования в условиях интеграции семей мигрантов в экономическое и культурное пространство страны как один из факторов, определяющий успех этого процесса.

Ключевые слова: образование, неравенство, образовательное неравенство, миграция.

В условиях усиления миграционных потоков Россия, как государство, привлекающее большое количество трудовых ресурсов из-за рубежа, сталкивается с новыми вызовами, влияющими на внутрисоциальные процессы. Переформатирование рынка труда на постсоветском пространстве с начала XXI века привело к масштабным проявлениям сначала трудовой миграции, а затем и полноценной иммиграции граждан республик Центральной Азии в Российскую Федерацию.

Люди переезжают семьями, привозят детей, встраивая их в социальную систему страны. Теперь не только мужчины, но и женщины, традиционно занятые домашним трудом, активно вовлекаются в наемную и/или предпринимательскую трудовую деятельность, дети из семей мигрантов попадают в российские детские сады и школы.

Согласно исследованию Центра экономики непрерывного образования ИПЭИ РАНХиГС, численность детей мигрантов (лиц, имеющих иностранное гражданство или без гражданства) в российских школах в 2023 году составила около 181 500 человек. Сюда входит 178 900 человек (98,6 %) с иностранным гражданством и 2600 (1,4 %) – без гражданства [Известия, 2024].

Казалось бы, менее двухсот тысяч человек для такой огромной и многонациональной страны как Россия – совсем небольшое число. Такой объем детей мигрантов не сможет оказать хоть сколько-нибудь серьезного влияния на систему образования и качество демонстрируемых им результатов. Однако, это не так. Из-за неравномерности распределения потоков трудовой миграции семьи детей-мигрантов сосредотачиваются в

крупных городах европейской части России, Западной и Восточной Сибири, формируя национальные анклавные сообщества с попытками следовать привычным правилам поведения без сколько-нибудь серьезной оглядки на российские законы и традиции. Данный факт ведет к росту общественной напряженности, проявлениям нетерпимости на национальной, религиозной и культурной почве.

Дети трудовых мигрантов, прибывающие в Россию вместе с родителями, согласно российскому законодательству получают право на образование в рамках российской системы дошкольных образовательных учреждений и школ. Будучи зачисленными в образовательную организацию, дети сталкиваются с зачастую самостоятельно неразрешимой проблемой - проблемой владения государственным языком. Большая часть детей, прибывших из государств Центральной Азии, русским языком владеет на низком или не владеет совсем. В семьях общение чаще всего происходит на родном языке, так как сами родители языка не знают или не видят необходимости дома говорить по-русски. Обучение, в данном случае, значительно теряет свое качество. При этом, страдают как дети-мигранты, так и учащиеся, для которых русский язык является родным.

Данная проблема активно отражена в общественном дискурсе и серьезно анализируется на всех уровнях власти. Результатом этих дискуссий стало Поручение президента РФ В.В. Путина о внесении изменений в законодательство и введении обязательного экзамена по русскому языку при приеме ребенка с иностранным гражданством в российскую школу. Согласно этому поручению были внесены поправки в ФЗ «Об образовании», которые вступили в силу 1 апреля 2025 года. Согласно внесенным изменениям каждый ребенок, не имеющий российского гражданства, для получения места в российской школе должен сдать экзамен для подтверждения уровня владения русским языком. Если уровень не будет соответствовать заявленным требованиям экзамена, то ребенку будет отказано в приеме до момента успешной сдачи этого экзамена.

Поправки вызвали широкий общественный резонанс и требуют осмысления как с научной точки зрения.

Обучаясь на русском языке, дети мигрантов фактически встраиваются в экономическое пространство страны, потребляя ее ресурсы в варианте образовательных услуг. При этом такие дети, будучи носителями иных культурных традиций и моделей поведения, оказываются в заведомо слабой позиции, сталкиваясь одновременно с несколькими видами неравенства. Во-первых, это неравенство доступа к образовательным ресурсам из-за недостаточного знания языка преподавания. Во-вторых, это, используя термин И. Валлерстайна, «социальный расизм», выраженный в виде открытой и скрытой ксенофобии, вызванной страхом местного населения перед инородцами [Валлерстайн, 2004, с. 43].

И. Валлерстайн, говоря о процессе этнизации рабочей силы, утверждает, что это одна из граней скрытого расизма, который «... порождает и постоянно воссоздает социальные сообщества, которые на деле приучают своих детей к выбору социально от них востребованных ролей (хотя, конечно, они их также социализируют и в формы сопротивления). И наконец, он обеспечивает немеритократический базис для оправдания неравенства». [Валлерстайн, 2004, с. 46] Опираясь на утверждение И. Валлерстайна, мы получаем интересную ситуацию: дети мигрантов, прибывшие в Россию с родителями и обучающиеся в российской системе образования, с разной степенью вовлеченности адаптирующиеся к российским ценностям, оказываются просто по факту своего происхождения в неравном положении со своими сверстниками, родившимися в России. И даже факт наличия у них гражданства, полученного в результате полной иммиграции, на это не влияет. Это приводит к феномену «белых негров», когда собственные граждане государства, не принадлежащие к языковому большинству, оказываются на более низких экономических и социальных позициях. [Валлерстайн, 2004, с. 45].

Детей мигрантов формально неверно приравнять к иммигрантам, поскольку они являются вторым поколением. Однако государство стремится к максимальной степени адаптации этих детей в рамках перечня традиционных ценностей, закрепленных Указом президента № 809 от 9.11.2022. И введенный обязательный экзамен – значительный шаг на этом пути. Дети, попадающие после прохождения этого испытания, с точки зрения авторов законопроекта, будут более мотивированы к изучению российской культуры и истории, легче адаптируются к жизни в стране и будут более эффективны для ее экономики. Однако, это не изменит их неравного положения по отношению к коренному населению из-за сложившихся социальных стереотипов. И, вероятно, понадобится не одно десятилетие, чтобы эти стереотипы преодолеть.

Источники

Российские учителя оценили уровень владения русским языком у детей мигрантов // Известия. — 2024. — 14 авг. URL: <https://iz.ru/1742546/2024-08-14/rossiiskie-uchitelia-otcenili-uroven-vladieniia-russkim-iazykom-u-detei-migrantov> (дата обращения: 27.06.2025).

Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 67 и 78 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 28.12.2024 N 544-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_494829/ (дата обращения: 27.06.2025).

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Кремля // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 12.06.2025).

Литература

Валлерстайн, И. (2004). Универсализм против расизма и сексизма: идеологические противоречия капитализма Балибар, Э., Валлерстайн, И. *Раса, нация, класс*. М.: Логос. 288 с.

СИБИРИЗАЦИЯ РОССИИ: НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ИЛИ ...

А.Н. Демьяненко

независимый исследователь, г. Хабаровск,
ad716008@Gmail.com

И.Ф. Ярулин

независимый исследователь, г. Хабаровск,
iarulin@mail.ru

Аннотация. С недавних пор второе дыхание получил Поворот на Восток, который обозначают как Поворот на Восток 2.0 или «сибиризация России». Авторы попытались понять, что есть «сибиризация России», определить источники этой геополитической концепции и возможные последствия ее реализации.

Ключевые слова: Поворот на Восток, «сибиризация» России, Сибирь, Дальний Восток.

Введение. Очередной Поворот на Восток, который все чаще обозначают как «сибиризация России» стал признанием того факта, что Поворот на Восток, объявленный в начале 2010-х годов завершился, скажем так: неудачей или «недоповоротом». Этот факт признают как идеологи Поворота, так и представители академического и экспертного сообществ. Дело за малым: что такое «сибиризация России» или Поворот на Восток 2.0, каково происхождение этой концепции и самое главное почему она лучше Поворота на Восток 1.0.

Материалы и методы. Анализ основан преимущественно на первоисточниках, состоящих из книг и статей, опубликованных наиболее последовательными приверженцами концепции «сибиризация России» [Караганов, 2025, с. 18]; использовали мы и работы других исследователей (в том числе и свои [Демьяненко, Ярулин 2025; Демьяненко, Ярулин, Бурик, Клиценко 2022]), имеющие отношение к заявленной теме.

Результаты и их обсуждение. Предыстория вопроса: конец 1990-х – начало 2000-х – запрос на «новую концепцию внешней политики» (это время, когда пришло осознание, что РФ – это не СССР, то есть не сверхдержава) и попытка переосмысления отечественной геополитической мысли – евразийский ренессанс: вспомнили, но не до конца поняли (или не захотели понимать) труды евразийцев, включая последнего евразийца Л.Н. Гумилева. Вместо этого уже после смерти Л.Н. Гумилева появилась на свет неоевразийская концепция (Дугин, Панарин и др.), которая мало имела общего с идеями евразийцев, но, несомненно, послужила одним из источников

«сибиризации России». Но идеи нео-евразийцев в тот момент оказались невостребованными. Впрочем, невостребованными оказались и идеи В.Л. Цымбурского [Цымбурский 2007], который предлагал сконцентрировать усилия освоение Сибири и ДВ, то есть тех регионов, от которых, по мнению идеологов Поворота на Восток 2.0, зависит успех этого проекта.

Одновременно в среде академических ученых в рамках СВОП был осуществлен проект, адресованный новому президенту РФ [Новое освоение Сибири и Дальнего Востока, 2001]. Суть этого проекта – надо развивать Сибирь и ДВ. Это была своего рода реинкарнация еще досоветского, а затем и советского проекта – Сдвиг экономики на Восток. Показательно, что на рубеже веков академическое и экспертное сообщества Россия представлялась азиатско-европейской страной, а реализация стратегии нового освоения Сибири и ДВ не предполагало Поворота на Восток, но – сбалансированную геополитическую стратегию.

О Повороте на Восток как о новой геополитической доктрине было объявлено на саммите АТЭС в 2012 г. и первоначально в эту доктрину были зашиты две цели: сбалансировать европейский и азиатский вектора российской внешней политики и создание потенциала сотрудничества ДВ с ведущими странами Восточной Азии.

Однако, достаточно быстро выяснилось, что Поворот на Восток оказался делом не простым и его реализация наталкивается на самые разнохарактерные проблемы, в том числе и геополитического свойства, роль которых начиная с 2014 г. и особенно после февраля 2022 г. только возрастает.

Неуспех Поворота на Восток стал причиной появления «Сибиризации России» или Поворота на восток 2.0, при этом авторы этой концепции неоднократно указывали на то, что Поворот 2.0 – это нечто качественно иное, чем первый Поворот. Итак, от чего отказываются и что предлагают авторы «сибиризации»?

Итак, отказываются «сибиризаторы» от самой локации Поворота как такового: если первоначально Дальневосточный макрорегион рассматривался как своего рода ворота в АТР и таковые должны быть соответствующим образом обустроены, и это сейчас рассматривается как ошибка, то в рамках Поворота 2.0 речь идет уже об Азиатской России, включая и Урал [Караганов, 2025в]. Мы же считаем, что ошибки тут нет [Демьяненко, Ярулин 2025; Демьяненко, Ярулин, Бурик, Клиценко, 2022].

Но не это главное, главное заключается в том, что для России настало время для «возвращения домой» (интересно, а где же мы все были?), то есть время осознать себя даже не просто цивилизацией, а цивилизацией цивилизации (ни больше, ни меньше). А почему так? А потому, что «Мы – народ-богоносец» [Караганов, 2025а, с. 6].

Но далее выясняется, что есть еще и «сибиряк», который предстает как «русский пассионарий», человек действия, в котором сочетаются три важные

черты: дух первопроходчества, соборность и взаимопомощь, ориентация на будущее [Поворот на Восток 2.0, с. 8]. Однако, выясняется, что «Для реализации такого Поворота необходимы люди – переселенцы из центральных регионов России, в первую очередь из вновь воссоединенных территорий, а также некоторых дружественных стран Азии» [Там же, с. 9]. Но авторы не уточняют, кто именно, что вызывает неоднозначные вопросы... А эти последние тоже обладают упомянутыми качествами «сибиряка»?

Впрочем, это не единственный вопрос, на который у авторов концепции «сибиризации» нет ответа. И вновь обратимся к уже упоминавшийся работе «Поворот на Восток 2.0», в которой есть такой замечательный пассаж: «... Поворот на Восток 2.0 – не просто стратегический шаг, а абсолютная необходимость, логично вытекающая из глобальных перемен. Нужно восстанавливать и выращивать в себе нашу идентичность как великой державы, основные внешние корни которой – на Юге и Востоке, а значит, в Сибири» [Там же, с. 10].

Да, действительно, изменения в геополитической картине мира имеют в последнее десятилетие радикальный характер, и с этим мы согласны с С.А. Карагановым и его последователями, как и с тем, что Россия стоит перед вызовом, на который необходимо найти ответ.

Ответ (который нас не устраивает, но об этом ниже) С.А. Караганов видит в «сибиризации», которая, по его мнению, «это не только острая экономическая и геополитическая необходимость, но и мощная мировоззренческая идея “Поворота на Восток 2.0”». Она отражает глубокую духовную суть русского мира, где свобода и соборность не противопоставляются, а дополняют друг друга. И именно “сибиряк-пассионарий” может стать символом и двигателем этого нового этапа развития России. А сибиризация будет распространять этот дух на всех россиян, вести их вперед» [Там же, с. 13]. Более того, по мнению «сибиризаторов» Сибирь должна стать «“вторым сердцем” России – научным, культурным и индустриальным гигантом со своими приоритетами и особой ролью в экономике, науке, культуре всей Большой Евразии [Там же, с. 35].

Итак, «сибиризация» России – или иначе Поворот на Восток 2.0 – «комплексная стратегия обновления страны через сдвиг центра духовного, человеческого и экономического развития на Восток. Конечная цель сибиризации заключается в том, что она откроет новые горизонты, расширив российскую созидательную роль в стремительно меняющемся мире» [Караганов, Козылов, с. 222].

Заключение. Анализ геополитической концепции «Сибиризации России», свидетельствует по мнению авторов о том, что Россия стоит перед выбором: или снова и снова поворачиваться к Востоку (что сопряжено, помимо всего прочего, с ростом конфликтного потенциала с «коллективным

Западом»), или же выбрать путь многовекторной политики и предполагает выстраивание отношений, как минимум, по нескольким направлениям.

«Сибиризация России» – звучный лозунг и он может даже греть душу сибиряков, но, как и Поворот на Восток, он скорее всего отражает желания, присущие части российского политикума и академического сообщества найти место для России в той картине мира, которая складывается на наших глазах. Исходный посыл: «Запад нас не любит, а мы народ-богоносец, поэтому пойдём на Восток». Но возможен и другой посыл: не надо нам любви ни Запада, ни Востока, нам следует продвигать и защищать свои собственные интересы и эти интересы следует продвигать и не по одному вектору, а сразу по нескольким. При этом, всякий раз ставя *во* главу угла не силовое решение возникающих при этом конфликтов (а они неизбежны), а поиск совместных решений.

Литература

Демьяненко, А.Н., Ярулин, И.Ф. (2025). Геополитические факторы устойчивого развития Дальневосточного макрорегиона. *Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, социальные и хозяйственные системы*. Владивосток. С. 13-20.

Демьяненко, А.Н., Ярулин, И.Ф., Бурик, М.В., Клиценко, М.В. (2022). *Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение. Препринт*. М.: ИКИС РАН. 70 с.

Караганов, С.А. (2022). Сибирь – исток и будущее нашего величия как державы Преодоление «континентального проклятия»: будущее Сибири. *Вопросы географии Сб. 154*. М.: Медиа-ПРЕСС. С. 17-27.

Караганов, С.А. (2025а). *Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке*. М.: 2025. 45 с.

Караганов, С.А. (2025б). Европа: недоброе расставание. *Россия в глобальной политике*. Т. 23. № 5. С. 94–109.

Караганов, С. (2025в). Восточный Поворот 2.0. *Россия и АТР. 18 июня*.

Караганов, С.А., Вукович, Н.А., Козылов, И.С., Коломина, А.М., Любичкая, В.А., Олейников, И.В., Пыжев, А.И., Свистула, И.А., Фартышев, А. Н. *Поворот на Восток 2.0, или Сибиризация России*. М. 52 с.

Караганов, С.А., Козылов, И.С. (2025). Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России. *Россия в глобальной политике*. Т. 23. № 1. С. 221–229.

Караганов, С.А., Макаров, И.А. (2025). Поворот на Восток: итоги и задачи. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement*. № 8. С. 6-10.

Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Часть 1. (2001). М. 73 с.

Цымбурский, В.Л. (2007). *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993-2006*. М.: «Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН)». 190 с.

МЕСТО И РОЛЬ СИБИРИ В ФИЛОСОФИИ ФРАНЦУЗСКИХ «НОВЫХ ПРАВЫХ»

М.Я. Мацевич

Белорусский национальный технический университет, г. Минск
lentsevich@mail.ru

Аннотация. В тезисах, на примере компаративного анализа различных социально-политических моделей эксплицируется «Сибирь» как новая парадигма исследований, политические и философские постулаты которой должны быть заново обоснованы в контексте «неоевразийства». «Сибирь» как новая эпистемологическая система отсчета, олицетворяет цивилизацию в своем собственном праве, должную освободить мир от романо-германского, а затем атлантического влияния, и для этого мобилизовать форму имперского национализма.

Ключевые слова: империя, колониализм, революция, евразийство, Евросибирь.

Джордж Сантаяна, испано-американский философ, в «Жизни разума» рассуждал, что человеческие идеи имеют чисто символическое значение, они – «внутренние ноты, звучащие под воздействием человеческих страстей и искусств» [Santayana, 1998, p. 249]. Эти идеи рациональны только в силу той жизненной гармонии, которую разум вводит в иррационализм окружающей действительности. Задача человеческой жизни отсюда сводится к приспособлению наших фантазий относительно фактов и возможностей этого мира. Человек должен прогрессивно организовать свои иррациональные импульсы, эксплицируя рациональную мысль.

В развитии общества Дж. Сантаяна видел постоянную консолидацию иррациональных импульсов. Общество проходит в своем развитии три стадии. 1) «Естественная» – адаптация человека к реальности, удовлетворение потребностей. 2) «Свободное общество» – человек пытается реализовать себя как личность, осваивая различные социальные роли. 3) «Идеальное общество» – общество индивидов, управляющих по законам красоты, истины, религии. Картина «идеального общества» – суть общество элитарного типа. Дж. Сантаяна не приемлет демократии, так как она уничтожает «лучших», разрушает аристократизм духа и санкционирует примитивизм «среднего человека» [Там же, p. 125].

В книге «Господство и власть» [Santayana, 1951] он рассматривал историю как смену трех порядков власти: «порождающего», «воинственного» и «рационального». Осуждая милитаризм, Дж. Сантаяна связывал его с демократией, с коммунизмом, с диктатурой пролетариата. Американская и русская демократии для него были определенными

способами рационализации власти, отупления, омассовления человека, превращения индивида в положительное, законопослушное однообразное единство. В выше представленной книге автором также подчеркивалось, что различие господства (*dominations*) и власти (*power*) есть различие не физическое, а моральное. Власть – это, прежде всего, власть духа, власть силы харизмы, власть Бога или мира. Господство – чья-то точка зрения, легальная рационализованная позиция общего согласия, универсализированная юрисдикция [Там же, р. 434]. В чем же духовная власть Сибири, которой так интересуются французские «новые правые»?

«Новые правые» – одна из самых интересных школ мысли в политическом ландшафте французских праворадикальных движений, зародившаяся осенью 1967 года. Благодаря своему долголетию они претерпели несколько доктринальных обновлений. Состоящая из нескольких порой антагонистических течений, их основной структурой остаётся GRECE (группа исследований европейской цивилизации), отвергающая западные ценности. Однако её неконформизм создаёт проблему их классификации в области политической науки. Немецкие, итальянские и бельгийские «Новые правые» возникли в 1970-х годах вслед за французскими «новыми правыми» [Taguieff, 1994, p. 33].

Ален де Бенуа, видный представитель «новых правых», в своей работе «Европа, третий мир, единая борьба» [Alain de Benoist, 1968] предлагает глубокий анализ экономики колонизации. Автор рассматривает спектр идеологий, как способствовавших её развитию, так и борющихся с ней, охватывая период от зарождения колониализма в XIX веке до левых течений 1970-х годов, когда концепция «третьего мира» стала отражением этих последствий. Анализирует это, по сути, через призму национализма, он напоминает, с одной стороны, о том, что в то время в Западной Европе существовали две формы национализма: одна – «рваншистского», сосредоточенного на континенте, и другая – «имперского», ориентированного на экспансию. Но смысл книги не ограничивается простым прочтением истории. Бенуа использует изложенное для того, чтобы показать, что, изобретя, а, затем раскритиковав колониализм, Европа, в свою очередь, усвоила колониальный менталитет. В середине 1980-х годов, на пике Холодной войны, будущее Европы было зажато между двумя полюсами, навязанными новой формой колониального отчуждения. Советский строй ограничивал индивидуальные свободы, в то время как западный либерализм подрывал органические общества, обезличивая народы. В этом свете идея возможного объединения Европы и «третьего мира» в борьбе за автономию не подразумевает их тождества. Скорее, она указывает на то, что оба региона лишились законного суверенитета. Таким образом, объединение Европы и «третьего мира» в «единой борьбе» обусловлено их фундаментальными различиями в организации и

мировосприятии. Эти различия делают их невосприимчивыми к ассимиляции, подчеркивая важность сохранения самобытности [Там же, р. 255].

Ален де Бенуа симпатизирует идее «четвёртой политической теории» [Alain de Benoist, 2022]. Он объясняет ее, последовательно обращаясь к теории А.Г. Дугина [Дугин, 2009]. Современность постепенно породила три основные конкурирующие политические доктрины: либерализм в XVIII веке, социализм в XIX веке и фашизм в XX веке. В книге, посвящённой этой теме, Дугин, во многом отталкиваясь от идей Е. Головина, развивает идею о необходимости создания «четвёртой политической теории», подытоживающей предыдущие, не отождествляясь ни с одной из них.

В глазах Дугина XXI век станет веком четвёртого Номоса Земли (общего порядка властных отношений в международном масштабе). Первый Номос, век народов, живущих относительно обособленно, завершился открытием Нового Света. Второй Номос, представленный европоцентричным порядком современных государств (Вестфальским порядком), – Первой мировой войной. Третий Номос царил с 1945 года, с Ялтинской системой и американско-советским кондоминиумом. Каким же будет четвёртый Номос? По мнению Дугина, он примет форму либо однополярного, американоцентричного мира, либо, напротив, многополярного, где «цивилизационные государства» и обширные континентальные пространства, являющиеся одновременно автономными державами и очагами развития цивилизации, будут играть регулирующую роль в глобализации, сохраняя тем самым многообразие образов жизни и культур.

Сибирь, несомненно, была пространством, всегда делающим Россию империей. Обширный субконтинент, контуры которого постоянно требуют ментального освоения или инкорпорирования. Сложное «становление Сибири», соответствующие изменения ее когнитивных карт всегда интересовали не только русскую элиту. Эти усилия нашли своё отражение в исследованиях и французских «новых правых». Сибирь всегда представляла среду на стыке науки и политики, формирующую и поддерживающую имперскую мысль.

Мари ле Пен, например, заявляла, что «нам крайне необходимо договориться с Россией, чтобы спасти Северную Европу и белый мир. Северная Европа объединяет славян, а также Сибирь» [Marine Le Pen, 2012, р. 225]. Эти слова явно соответствуют линии французского философа Гийома Фая, члена «новых правых», провозгласившего себя апостолом «Евросибири», которая должна была привести к созданию «Севера», скандинавской белой расовой империи.

В продолжение этой идеи на Международной конференции «Будущее белого мира», проходившей в Москве 8–10 июня 2006 года, он предложил создать альянс между «Евросибирью» и всеми белыми народами

европейского происхождения. Это он именовал «идеей Севера» [Головин, 2018]. По его словам, речь идёт о создании «этносфер», то есть «групп территорий, где господствуют этнически родственные народы» [Faye, 2001, p. 119]. Представленная концепция основана на идее существования «биологического корня народа и цивилизации, на котором покоится её этническая основа» [Там же, p. 128].

Фай называл идею континентального союза всех народов европейского происхождения, от Франции до России, от Атлантики до Тихого океана, «Евросибирью», правильное говорить о «Евро-России», поскольку Сибирь – это, по сути, географический термин, а Россия – этнический и исторический [Фай, 2005].

Этот «евросибирский» проект основан на переосмыслении ценностей: прекратить ставить англосаксонский, американоморфный и западный мир в центр этнического, политического и экономического будущего белых народов европейского происхождения, а заменить его Евро-сибирским блоком, который должен быть построен от оконечности Бретани до Берингова пролива, «от болот до степей и от фьордов до маквисов». Именно вокруг «Евросибири», вокруг матричной территории, должны объединиться все братские народы, включая народы с американского континента и из других регионов. «Новые правые» считают, что у нас была общая и славная история, в которой мы достойно сражались. И теперь мы должны снова объединиться, заново обрести наши корни, потому что у нас общие враги, и мы, по сути, принадлежим к одной цивилизации, и мы «братья» на одной культурно-цивилизационной земле.

Литература

- Головин, Е.В. (2018). *Приближение к Снежной королеве*. Москва. Касталья.
- Дугин, А.Г. (2009). *Четвертая политическая теория*. СПб. Амфора.
- Фай, Г. (2005). *Всемирный переворот. Эссе о новом американском империализме* / пер. с фр. А.М. Иванова. М. Слава.
- Alain de Benoist. (1986). *Europe, Tiers monde, même combat*. Paris. Robert Laffont, Franc-Parler.
- Alain de Benoist. (2022). *Contre l'esprit du temps – explications*. Paris. Nouvelle Librairie.
- Faye, G. (2001). *Pourquoi nous combattons*. L'Encre.
- Marine Le Pen. (2012). *Pour que vive la France*. Paris. Grancher.
- Santayana, G. (1951). *Dominations and Powers: Reflections on Liberty, Society and Government*. NY. Charles Scribner's Sons.
- Santayana, G. (1998). *The Life of Reason*. NY. Prometheus Books.
- Taguieff, P.-A. (1994). *Sur la Nouvelle droite*. Paris. Descartes et Cie.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПОВОРОТА РОССИИ НА ВОСТОК

Л.Л. Молодых

В СССР Сибирь с XX в. была регионом глубокого тыла в случае войны на европейском направлении и ресурсной базы для экспорта в страны Европы в случае мирных отношений с ними. Но экспорт был второстепенным, а большая часть ресурсов Сибири потреблялась быстро растущей промышленностью СССР. У СССР был экономический потенциал для высокой степени автаркичности и была идеология, предлагавшая странам Востока и всего Глобального Юга некапиталистический путь развития, в эпоху Холодной войны значительно повлиявший на многие из них. Но постсоветская Россия не только не может предложить Востоку привлекательных идей и образцов развития, но и не может воспринять положительный опыт, накопленный за время после распада СССР на Востоке, как видно из статистических данных, приведённых ниже:

Общее потребление конечной стальной продукции во всех отраслях экономики в 1988 г. составлявшее в СССР 130,311 млн. тонн (данных по отдельным союзным республикам по 1991 г. включительно нет) [Steel Statistical Yearbook 1992, p. 51], к 2021 г. упало на постсоветском пространстве до 60,429 млн. тонн, из них 43,924 млн. тонн пришлось на Россию [Steel Statistical Yearbook 2022 p. 81]. Для России это примерно вдвое меньше объёма конца 1980-х гг., а для всего постсоветского пространства – более чем в 2,1 раза меньше объёма конца 1980-х гг. Но интересен не только общий объём потребления, но и его отраслевое распределение. В 1985 г. в РСФСР потребление стального проката в машиностроении было около 50 млн. тонн, в 1995 г. упало до 15,3 млн. тонн [Российский статистический ежегодник¹⁹⁹⁶, с. 521], а в 2022 г. в машиностроении России потреблено 8 млн. тонн стального проката [Кузнецова Е., Васюков Д., Умрихин А., Бахматов, консультант, Ларьков, Семенова Е.]. Это показывает катастрофический развал машиностроения в России. Напротив, производство стальных труб в России за это время даже немного выросло, что соответствует переориентации России с внутреннего потребления энергоресурсов на их экспорт.

С 1988 г. к 2021 г. Китай без учёта провинции Тайвань, Гонконга и Макао увеличил потребление конечной стальной продукции с 56,147 млн. тонн до 952,042 млн. тонн (более половины мирового потребления в 2021 г.); Индия увеличила потребление с 15,670 млн. тонн до 106,226 млн. тонн; Южная Корея увеличила потребление с 16,946 млн. тонн до 56,041 млн. тонн; Вьетнам увеличил потребление с малого объёма (нет точных данных) до 22,054 млн. тонн; провинция Тайвань увеличила потребление с 11,750 млн.

тонн до 21,142 млн. тонн; Таиланд увеличил потребление с 3,047 млн. тонн до 18,550 млн. тонн; Иран увеличил потребление с 4,548 млн. тонн до 18,238 млн. тонн; Саудовская Аравия увеличила потребление с 2,6 млн. тонн до 11,4 млн. тонн; Турция увеличила потребление с 6,364 млн. тонн до 33,377 млн. тонн [Steel Statistical Yearbook 1992 p. 49-51; Steel Statistical Yearbook 2022 p. 81-84].

Постсоветская Россия и всё постсоветское пространство стали единственным регионом мира, где потребление энергоносителей в сравнении с концом 1980-х гг. резко упало в 1990-е гг., а в XXI в. стабилизировалось на уровне намного ниже уровня 1980-х гг. В 1990 г. потребление энергоносителей в СССР было 1980 млн. тонн условного топлива [Народное хозяйство СССР в 1990 году] или 1386 млн. тонн нефтяного эквивалента. В 2021 г. на постсоветском пространстве первичное потребление энергоносителей было 44.29 экзаджоулей [BP Statistical Review of World Energy 2022, p. 8] или около 1058 млн. тонн нефтяного эквивалента.

В 1990 г. в РСФСР в границах того времени (без Крыма, Севастополя, ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей) первичное потребление энергоносителей всех видов было 1229,1 млн. тонн условного топлива [Страны – члены СНГ, с. 198] или 860,1 млн. тонн нефтяного эквивалента. По другим данным, в 1989 г. в РСФСР первичное потребление энергоресурсов было 875 млн. тонн нефтяного эквивалента [BP. Statistical Review of World Energy. Data]. В 2021 г. в России в границах того времени (с Крымом и Севастополем, но без ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей) первичное потребление энергоносителей всех видов было 31,3 экзаджоуля [BP Statistical Review of World Energy 2022, p. 8] или 747,6 млн. тонн нефтяного эквивалента.

В 1990 г. в Китае первичное потребление энергоресурсов было 683,9 млн. тонн нефтяного эквивалента, в Индии 195,8 млн. тонн нефтяного эквивалента [BP. Statistical Review of World Energy. Data]. В 2021 г. Китай потребил энергоносителей 157.65 экзаджоулей или 3765 млн. тонн нефтяного эквивалента, Индия 35.43 экзаджоулей или 846 млн. тонн нефтяного эквивалента [BP Statistical Review of World Energy 2022, p. 8]. Саудовская Аравия за этот период увеличила первичное потребление энергоресурсов с 79,8 млн. тонн до 258,4 млн. тонн нефтяного эквивалента. Иран увеличил первичное потребление энергоресурсов с 73,2 млн. тонн до 291,2 млн. тонн нефтяного эквивалента. Турция увеличила первичное потребление энергоресурсов с 47,7 млн. тонн в 1990 г. до 163,1 млн. тонн нефтяного эквивалента.

В РСФСР в 1990 г. было произведено 83 млн. тонн цемента без учёта других союзных республик, и РСФСР занимала второе место в мире после Китая (210 млн. тонн) по этому показателю Россия и страны мира [Россия и страны мира, 2002, с. 196]. В 2021 г. Китай сохранял первое место по

производству цемента (2400 млн. тонн), а Россия (61 млн. тонн) занимала 9-е место в мире, пропустив вперёд среди стран зарубежной Азии (по убыванию) Индию, Вьетнам, Турцию, Индонезию и Иран [Mineral Commodity Summaries, January 2023, p. 57]. Это значит, что великие инвестиционные проекты, которые гипотетически (так как есть много политических рисков и препятствий) могут связать Евразию будет контролировать не Россия, а страны с большими строительными возможностями, особенно Китай, в намного меньшей степени – Индия. Турция и Иран не могут охватить всю Евразию, но могут осуществить региональные проекты, отгеснив Россию.

В этих условиях Россия может предложить странам зарубежной Азии, прежде всего, сырьё со скидкой, высвободившееся в 1990-е гг. из-за деиндустриализации в России и других постсоветских странах, но ставшее не востребованным на Западе с 2022 г. из-за санкций. За всё время нахождения Сибири в составе России, геополитический выбор у России в 2014 г. между Востоком и Западом возник впервые. На рубеже 1980-х – 1990-х гг. в России были идеи о желательности избавиться от поддержки ориентирующихся на СССР стран третьего мира, от сферы влияния СССР в Восточной Европе, а потом – от бывших союзных республик для того, чтобы экспортировать сырьё, прежде всего, ресурсы Сибири на Запад, как тогда казалось «по мировым ценам». А в реальности Россия 2020-х гг. вывозит ресурсы Сибири в страны зарубежной Азии с учётом установленного Западом потолка цен.

Ведущей экономикой мира в XXI в. стал Китай, нуждающийся в источниках сырья и рынках сбыта готовой продукции больше, чем все страны Запада вместе взятые. Китай выиграл от того, что, например, газ из России вместо взорванного «Северного потока-1» и недостроенного из-за санкций «Северного потока-2» пойдёт в «Силу Сибири-1» и «Силу Сибири-2». Отрезавшая себя от ресурсов России из-за санкций Европа проиграла Китаю борьбу за Сибирь как источник сырья. Заключение соглашения с Китаем по «Северному потоку-2» прибавило России политической уверенности, что видно из намного более резких высказываний Путина по вопросу Украины на Восточном экономическом форуме 2025 г. вскоре после возвращения Путина из Китая в сравнении со встречей Путина с Трампом в Анкоридже перед этим.

Но тактические успехи России по поводу газопроводов из Сибири в Китай не означают отказа от миросистемной роли постсоветской России как поставщика сырья. Отсюда следует, что причиной для возобновления конфронтации России с Западом с 2014 г. и особенно с 2022 г. было не оспаривание постсоветской Россией зависимого положения в мировом капиталистическом хозяйстве как такового, а слишком грубое давление коллективного Запада на Россию, согласную до того быть полупериферией Запада с претензиями на свою сферу влияния, но не готовую на полное

подчинение. Но Китай, в отличие от стран Запада, готов терпеть автономию стран своей периферии в их внутренних делах и делать вид, что считает Россию великой державой, так как Китаю нужны страны, поддерживающие его в борьбе с США за мировое господство. Поэтому Китай как потребитель сырья России и поставщик в Россию готовой продукции стал привлекательнее стран Запада.

Китай и иные страны зарубежной Азии не отвергают инициативы России о международном сотрудничестве, многополярном миропорядке и коллективной безопасности по содержанию. Но, вероятно, страны Азии не воспринимают инициативы России всерьёз, так как их выдвигает деиндустриальная страна, от которой задолго до СВО отвернулась даже её ближайшая периферия. Если европейские постсоветские страны, кроме Белоруссии и нескольких бывших территорий Украины, сделали однозначный выбор в пользу Запада, то азиатские постсоветские страны лавируют между Западом и зарубежным Востоком, также отдаляясь от России. На испытанном влиянии зелёной идеологии Западе деиндустриализация может казаться привлекательной как якобы забота об экологии, но на прагматичном индустриализирующемся Востоке за это уважать не будут. Поэтому страны зарубежной Азии считают Россию страной – экономическим инвалидом, пытающимся спешно заменить западный костыль на восточный. Отсюда у Китая и других стран зарубежной Азии могут быть опасения, что в случае достижения Россией возможных договорённостей с Западом по Украине и международной безопасности в целом, Россия из сырьевого придатка Востока, вновь станет сырьевым придатком Запада.

Для Сибири поворот России на Восток означает изменение маршрута сырьевых поставок. Ещё недавно поставки ресурсов Сибири в европейскую часть России, европейские постсоветские страны и страны зарубежной Европы были географически увязаны между собой. Поэтому центр и юг европейской части России были намного более охвачены газификацией, чем север европейской части, где зима более длительная и холодная. Ещё длиннее и холоднее зима в Восточной Сибири, но из-за ориентации до недавнего времени газопроводов из Западной Сибири в западном направлении, Восточная Сибирь была ещё менее газифицирована.

Из-за поворота России на Восток поставки ресурсов Сибири в европейскую часть России и страны дальнего зарубежья стали географически разделяться. Положительным результатом этого в среднесрочной перспективе может быть возможное прохождение магистрального газопровода рядом с Красноярском, который сейчас отапливается бурым углём. Но в долгосрочной перспективе это может вызвать угрозу распада России, так как при вывозе ресурсов в Китай и массовом ввозе отсюда готовой продукции возникнет вопрос о том, для чего Сибири будет нужна европейская часть. Поэтому

сохранение единства России может зависеть от того, насколько велик будет в Сибири страх попасть под прямое управление Китая. Другим фактором, способствующим сохранению единства России может быть массовое переселение населения из европейской части в азиатскую. Значительная часть европейской России на обозримые десятилетия может стать малопригодной для жизни как прифронтовая зона, так как даже в случае полного разгрома Украины у Запада есть много иных стран-камикадзе, готовых взять на себя нынешнюю роль Украины, чтобы вести вечную войну против России.

ИСТОЧНИКИ:

ГКС СССР. Народное хозяйство СССР в 1990 году. М., 1991.

Кузнецова Е., Васюков Д., Умрихин А., Бахматов, консультант, Ларьков, Семенова Е. Будущее угольной индустрии: рынок России до 2050 г. К 2050 г. Россия может нарастить потребление энергии, определяющее спрос на энергетический уголь, на 15%, при этом само потребление угля останется примерно на уровне 2022 г. Исследование. Апрель 2023 URL: <https://yakovpartners.ru/publications/coal-industry-overview-russia/>

Росстат. Российский статистический ежегодник. М., 1996.

Росстат. Россия и страны мира. М., 2002.

Статкомитет СНГ. Страны – члены СНГ. М., 1993.

BP. Statistical Review of World Energy. Data. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>;

<https://web.archive.org/web/20181231034131/https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy.html>

BP. BP Statistical Review of World Energy 2022. URL: <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2022-full-report.pdf>

U.S. Department of the Interior. U.S. Geological Survey. Mineral Commodity Summaries, January 2023, p. 57. URL: <https://pubs.usgs.gov/periodicals/mcs2023/mcs2023.pdf>

World Steel Association (former International Iron and Steel Institute). Steel Statistical Yearbook 1992. Brussels, 1992.

World Steel Association (former International Iron and Steel Institute). Steel Statistical Yearbook 2022. Brussels, 2022.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СИБИРИ, НА ПРИМЕРЕ КУПИНСКОЙ ВОЛОСТИ, КАИНСКОГО УЕЗДА, ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

А.А. Овчинников

МБОУ СОШ № 148 Купинского района
kraeved.ru@mail.ru

Аннотация. Статья освещает проблемы адаптации переселенцев в Сибири и меры по их преодолению.

Ключевые слова: переселенцы, опытное поле, землеустроительные работы.

Переселение крестьян из европейской части России в Сибирь во второй половине XIX века усиливается, вследствие отмены крепостного права и политики царского правительства, направленной на поощрение заселения слабо освоенных окраин. В 1889 году был издан закон о крестьянах-переселенцах. Закон предусматривал выдачу путевых пособий и ссуд на заведение хозяйства, а также предоставление льгот по отбыванию повинностей на новом месте лицам, получившим разрешение на переселение.

6 июля 1904 г. вышел новый закон «О добровольном переселении сельских обывателей и мещан – земледельцев» и отменивший как основной переселенческий закон 13 июля 1889 г., т.к. позднейшие законы 15 марта и 27 декабря 1896 г. Меры правительственной помощи, зафиксированные в аграрных законодательных актах от 1899 и 1904 года удачно дополняли активность, трудолюбие и предприимчивость переселенцев и повышали эффективность переселенческой политики.

Успешная адаптация переселенцев, прибывших в Сибирь, зависело от целого ряда факторов: качество полученной в пользование земли, этнографического и конфессионального состава населения и урожайности первого посева. Для успешного развития, какого-либо населенного пункта было необходимо, что бы крестьяне получили плодородные земли, оказались в родственной им этнической и культурной среде, а так же в первые годы они должны были получить хорошие урожаи. Успешное освоение переселенцами земель в Сибири зависело от многих условий: от плодородия почвы, от обеспеченности деревни водоснабжением и даже от взаимоотношений между ее жителями. Во многом ситуация с обоснованием переселенцев на новом месте зависела от того, какие урожаи будут в первые 2 -3 года. Хорошие урожаи давали им возможность обзавестись продовольствием и денежными средствами на покупку необходимого инвентаря и скота, а в случае неурожая они разорялись.

Сложный процесс адаптации переселенцев в Сибири, отражают делопроизводственные документы, сохранившиеся в местных архивах: крестьянские индивидуальные ходатайства, приговоры сельских сходов, протоколы заседания переселенческих комиссий и т. д. Они позволяют восстановить подробности осуществления землеотводных и землеустроительных работ и содержат ценные сведения о социально – экономическом развитии Кулундинской зоны.

В 1910 – 1916 годах в Купинской волости действует поземельно-устроительная партия. Ее цель не только решить противоречия в общине по поводу земли, но создать оброчные статьи на казенных землях. О проведении поземельно-устроительных работ ходатайствовали сами крестьяне. Крестьяне села Купино в прошении к главному производителю работ Каинского поземельно-устроительного центра партии И.Г. Лихачеву указывали следующую причину внутринадельного межевания: «С каждым годом население все увеличивается и увеличивается, а земельный надел наш остается в одних и тех же границах, то естественно в настоящее время душевая норма значительно понизилась» [Отдел архивной службы администрации Купинского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 4.]

Ходатайства о прирезке земли и проведении землеотводных работ отражают ряд проблем крестьян, связанных с землепользованием. В поселке Михайловском Купинской волости возник конфликт между переселенцами и старожилами. «В настоящее время в участке есть засельщики живущие 15-18 лет и есть вновь прибывшие. Старые засельщики выходцы из центральных губерний Курской, Орловской, новые малороссы. Неодновременное заселение участка, пестрый состав засельщиков создали крайне неблагоприятные условия для производства разверстывания. Эти неблагоприятные условия отразились и на землеустроительном достоинстве подготовочного приговора. Последний в значительной степени представляется постановлением компромиссным, на котором помирилось большинство – старые засельщики и меньшинство новые малороссы. Новоселы требовали выделения причитающей им части земель в самостоятельный отруб, с переносом на него усадеб и с последующим подворным разделом» [Отдел архивной службы администрации Купинского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.]

Делопроизводственные документы отражают такой аспект адаптации на новом месте, как противоречия между старожилами и переселенцами. Большинство старожилов, соглашаясь в принципе выпустить новоселов, категорически отказалось дать землю в том месте, где указывают новоселы, а новоселы не желают садиться там, где указывало общество.

В 1916 году производитель поземельно-устроительных работ Бражников докладывал главному производителю Каинской поземельно-устроительной партии Лихачеву, «что внутринадельное землеустройство в

селе Купино не завершено, по произведенным большинство оказалось довольно» [Отдел архивной службы администрации Купинского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16. Л. 34.].

Эффективное решение проблемы внутринадельного размежевания способствовало развитию сельского хозяйства в Сибири. «Об успехах культуры Кулундинской степи говорят все (от Челябинска), тяготящие к Кулунде и ее окрестностям переселенцы со всех уголков России – факт совершенно бесспорный. Чуть не все самовольцы направляются именно туда, жители даже соседних губерний Тобольской и Оренбургской имеющие право вновь переселяться лишь на Дальний Восток, выправляют свидетельства и документы, слезают с вагонов в Татарске, чтобы идти на авось в Кулунду» [Вошинин В. П. На сибирском просторе, Спб, 1912, с. 28].

Массовый приток переселенцев Кулундинскую степь привел к тому, что местным властям пришлось решать проблемы, связанные с землеотводными работами, оказанием врачебной и агрономической помощи. Одной из важнейших проблем, стоявших перед администрацией и переселенцами, было отсутствие медицинской помощи в районах движений переселенцев; помимо высокой детской смертности в Юдинской и Купинской волостях возникла большая вероятность распространения в больших размерах инфекционных заболеваний.

Угроза массовых эпидемий, связанная с миграцией большого числа людей, вынуждало руководство Кулундинского подрайона открыть в селе Моховое (Купино) временный фельдшерский пункт. «Временная ко-миссия Кулундинского подрайона признала делом первостепенной важности открытие в подрайоне неспальных медицинских пунктов, причем исходя из того положения, что каждый пункт может, обслуживать район радиусом около 50 верст постановила, просить Заведующего переселенческим районом возбудить ходатайство перед Каинским переселенческим управлением об открытии с будущего года медицинских пунктов: 1) в селе Купино – врачебного; 2) в деревне Чулаковой - фельдшерского; 3) в районе деревни Романовой – фельдшерского и в тоже время, имея в виду большое водворение в нынешнем году, на вновь образованных участках, немедленно открыть фельдшерский пункт в селе Купинском» [ГАТО Ф.239. Оп. 4. Д. 107. Л. 58.].

В 1909 году в село приехал первый переселенческий врач Владимир Николаевич Россов, в следующем году по его инициативе началось строительство переселенческой больницы. В 1911 году она была построена, причем настолько основательно, что ее здание сохранилось до сих пор, сейчас в ней находится пищеблок центральной районной больницы.

По мере успешного развития сельского хозяйства в старожильческих селах и переселенческих поселках усиливалась правительственная помощь переселенцам. В 1908 году при селе Купино было открыто опытное селекционное поле департамента земледелия и землеустройства. Своим

возникновением Купинское опытное поле было обязано инициативным чиновникам Томского переселенческого управления. При этом управлении действовал особый агрономический отряд, который занимался оказанием практической помощи переселенцам.

В период Столыпинской аграрной реформы в целях содействия обустройству переселенцев на новом месте правительство предоставляла следующие льготы: «...переселенцам смотря по местности водворения и способу устройства (на переселенческих участках, в старожильческих селениях) предоставляются следующие льготы: они или освобождаются от казенных платежей и земских денежных сборов в течение 5 лет, считая с полугодия следующего за водворение, а в последующие за тем 5-летний срок облагаются упомянутыми сборами в половинном размере» [Государственный архив Томской области Ф. 3 Оп. 44. Д.3765. Л.2.] .

Одним из важных условий успешного освоения новых земель стали такие качества переселенцев, как инициативность, предприимчивость и стремление преодолеть трудности. Свободные целинные земли юго-запада Сибири стали местом формирования нового типа крестьянина, более свободного и предприимчивого. По свидетельству современников у переселенцев постепенно формируется настоящий сибирский характер и особенности в образе жизни. «Для меня все здесь ново, и все интересно. И несообразное, с точки зрения европейского обывателя, ширина главных улиц, двухэтажные избы с «чистой половиной», убранной так, как у сельского батюшки с граммофоном, картинами и сами люди мощные умные, свободные. Здесь еще их деды осели и теперешнее поколение усвоило себе чисто сибирскую самостоятельность и широкие замашки» [В. П. Вошинин. На Сибирском просторе. СПб; 1912. С. 27.]. Активная деятельность переселенцев направленная на обустройство на новом месте, их заряженность на успех и вера в собственные силы стали важнейшим условием успешного социально – экономического развития переселенческих поселков.

Источники

- Государственный архив Томской области Ф. 239, Оп. 4, Д. 107.
Государственный архив Томской области Ф. 3 Оп. 44. Д.3765.
Отдел архивной службы администрации Купинского района. Ф. 1. Оп. 1. Д. 16 -19.

Литература

- Вошинин В. П. На Сибирском просторе. СПб; 1912.
Кауфман А.А. Переселение и колонизация. СПб, 1905
Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л; 1962.

Ядринцев Н. М. Сибирь как колония. Её нужду и потребности. Её прошлое и будущее. СПб, 1882.

1492: ГОД РОЖДЕНИЯ ЕВРАЗИИ

И.Р. Соколовский

Институт истории СО РАН

sokolowski@yandex.ru

Выполнено в рамках проекта FWZM-2024-0007 «Сибирский социум как фактор территориального роста и единства России (конец XVI – начало XX в.)»

Аннотация: Принято считать, что плавание Колумба было ключевым моментом, повернувшем не только европейскую, но и всю мировую историю в новое русло. В работе рассматриваются некоторые факты европейской и русской истории, которые показывают, что тектонический сдвиг, приведший к экспедиции Колумба был куда значительнее и охватывал даже те области, где мы не можем говорить о прямом влиянии европейских культурных, политических и экономических процессов.

Ключевые слова: Колумб, Италия, Франция, Ивангород, конец света, Испания, папа римский, открытие, ногаи.

События истории 1492 г. сплетаются в плотную ткань, из которой вырастает образ современности. Прежде всего — рождение «Евразии». Конечно, в небольшом докладе мы не сможем охватить всех аспектов этого процесса, но отметим только самые яркие моменты этого года в истории.

Два главных «события» определяют предысторию 1492 года и оба они приходятся на 1453 г.: падение Константинополя и (примерное) начало открытия Гутенберга. Навсегда была перевернута страница, открытая крестовыми походами. С другой стороны, по причине нового способа распространения информации, не только элита утратила монополию на письменное знание, но и ее структура изменилась до неузнаваемости. Именно в 1492 г. Антонио де Небриха создает первую грамматику испанского языка и словари [История Европы Т.2 (1992)]. А в Нюрнберге начинают изготавливать первый из сохранившихся до наших дней глобусов — глобус Бехайма [Магидович 1983]

Как известно, именно в 1492 году закончилась Реконкиста. Гранадский эмират закончил своё существование 2 января 1492 года. Эмир бежал в Марокко. Больше двухсот лет длилось мирное сосуществование Гранады и Кастилии, у которой было достаточно военной мощи, чтобы завоевать последний маврский оплот на континенте, но она долго предпочитало вместо этого получать дань. Торговля через Гранаду составляла главный путь африканского золота в средневековую Европу [История средних веков т. 2

1954; Магидович 1983; История Европы Т.2 (1992); История Европы Т.3 (1993); Ворд Г. (2009)].

Отвоевав Иберийский полуостров у мусульман, Испания празднует триумф. Примечательно, что в этом же году с разницей ровно в десять месяцев и десять дней испанская экспедиция Колумба открывает Америку. Еще 1485 году Колумб перебрался в Кастилию и представил свой проект королям Изабелле и Фердинанду. Семь лет спустя они заключили соглашение, известное как «Капитуляции Санта-Фе», предполагавшее, что Колумб откроет для королей новые земли и станет их вице-королём, и получит десятую часть добычи и восьмую часть доходов от торговли [Магидович 1983].

Первое плавание Колумба началось 3 августа 1492, а окончилось 15 марта 1493 г. После почти двух с половиной месячного плавания 12 октября мореплаватели увидели землю. В этот момент, согласно квантовому принципу, Европа превратилась в «Старый свет».[Разин 1999; История средних веков т. 2 1954; Магидович 1983]. Последствия же были многообразны и непредсказуемы [Romaniello. (2009)] В этом же году, тот человек, именем которого назовут целый континент, Америго перебрался в Испанию, Севилью [Магидович 1983], а Европа вступила в эпоху «Великих географических открытий» [История Европы Т.1 (1988)]. Именно в этом году Хотя просто географические открытия начались несколько раньше. В 1431 г. португальцы добрались до Азорских островов, что сделало возможным плавание Колумба шестьдесят лет позднее [История Европы Т.2 (1992)]

Почему именно Испания открыла дверь на новый континент? Есть разные точки зрения. Официальная советская точка зрения винит «укрепление королевской власти» [Магидович 1983], короли даже прекратили созывать кортесы Но надо отметить, что Англия (где с 1489 г. правили Тюдоры) и Франция (в 1491 г. присоединившая Бретань) были сильно заняты европейскими делами [История Европы Т.2 (1992)]. В октябре 1492 г. Генрих VII высадился в Кале и осадил Булонь, но через месяц заключил мир, удовлетворившись контрибуциями. А имперские войска вторглись в Франш-Конте в конце этого года [История Европы Т.3 (1993)].

Во Фландрии по Кадзандскому миру Гент отказался от своего ополчения («Белые капюшоны»), юрисдикции за пределами своей территории и права ремесленных гильдий назначать своих старшин [История Европы Т.3 (1993)].

В это время в Италии расцветал гуманизм. При дворе Медичи, внуке Козимо, Лоренцо Великолпенного (1469-1492), был кружок поэтов и пышные праздники. На папский престол сел «ренессансный папа» Александр IV Борджиа (1492-1503). Франция, Милан, папа и Венеция враждовали с Неаполем с мая 1492 г. В этом году родился в Ареццо Пьетро Арентино (1492-1556)[История средних веков т. 2 (1954); История Европы Т.2 (1992);

История Европы Т.3 (1993)]. Именно благодаря римскому папе в 1494 г. Тордесильясский договор заменил Алкасовашский договор 1479 года, окончательно поделив мир между Испанией и Португалией [История Европы Т.2 (1992)]

В русской истории 1492 году придается мало значения. Например, в Кембридской истории России — его нет даже в хронологическом списке [Peggie Maureen (2006)]. Новость об открытии Америки через Максима Грека дошла до тогдашнего русского читателя с большим опозданием, так что в 7000 г. от сотворения мира он скорее ждал конца света, чем географических новостей [Покровский 2005], развивал собственное летописание [Тихомиров (1962)] и торговлю [Шаскольский (1964); Kotilaine (2005)], построил Ивангородскую крепость [Duffy (1979); Nossov (2006); Lohr, Leiden (2002)], познакомился с концепцией «Москва — третий Рим» [Crummey (2013); Perrie (2006)], великий князь которого сурово отвечал окрестным владельцам [Зуев (2017)]. Основной внешнеполитической проблемой Московского царства Ивана III было не завоевание заморских земель, а удержание контроля над своими землями [Гациский (1875); Гурлянд (1900); Пое (2000)] отношения с вполне континентальными ногами [Зайцев (2006); Трепавлов (2002); Khodarkovsky (2002); Маслюженко Д.Н. (2018)].

Как видим, тектонический сдвиг был куда серьезнее и глубже, чем просто героический поход трех утлых лодчонок на встречу будущему. Скорее этот поход был эпифеноменом пучка очень разных, но влиятельных процессов.

Литература

Гациский, А.С. (1875). *Нижегородка: Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и по Нижегородской ярмарке*. Нижний Новгород.

Гурлянд, И.Я. (1900). *Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века*. Ярославль

Разин, Е.А. (1999). *История военного искусства XVI–XVII вв.* СПб.:ООО «Издательство Полигон».

Сказкин, С.Д. (1954). *История средних веков. Том II*. М. Государственное издательство политической литературы.

Тихомиров М.Н. (1962) *Источниковедение истории СССР. Вып.1. С древнейшего времени до конца XVIII века*. М.

Шаскольский И.П. (1964) *Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством*. М.; Л. Наука.

Тихомиров С. Н. (1973) *Российское государство XV-XVII веков* издательство М. Наука.

Duffy, Christopher J. (1979) *Siege Warfare: The Fortress in the Early Modern World, 1494–1660*. London: .

Магидович И. П., Магидович В. И. (1983) Очерки по истории географических открытий. В 5-ти т. Т. 2. Великие географические открытия (конец XV — середина XVII в.) М. Просвещение.

Crummey R.O. (2013) *The Formation of Muscovy, 1304-1613* - L., N.Y.: Routledge,

История Европы Том первый (1988) Древняя Европа. М. Наука.

История Европы Том второй. (1992) Средневековая Европа. М. Наука.

История Европы Том третий. (1993) От средневековья к новому времени (конец XV-пфвая половина XVIIв.) М. Наука.

Nossov Konstantin (2006) *Russian Fortresses 1480–1682, (Fortress 39)*

Рое М. Т. (2000) «A People Born to Slavery»: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476—1748. — Ithaca, N. Y. — London: Cornell University Press,

Lohr E., Leiden M.T. (2002). *Military and Society in Russia, 1450–1917*. Leiden: Brill,

Khodarkovsky Michael (2002). *Russia's Steppe Frontier. The Making of a Colonial Empire. 1500–1800*. Bloomington, IN.

Трепавлов В.В. (2002) История Ногайской Орды. М.

Вард, Г. (2009) История США М. АСТ: Астрель.

Kotilaine, Jarmo T. (2005) *Russia's Foreign Trade and Economic Expansion in the Seventeenth Century: Windows on the World*. Leiden; Boston: Brill,.

Покровский Н. Н. (2005) Путешествие за редкими книгами — 3-е изд, доп. Новосибирск. ИД «Сова»

Зайцев И.В. (2006) Астраханское ханство. М. Вост. лит.

Perrie Maureen (2006) *The Cambridge history of Russia. Volume I From Early Rus' to 1689*. University of Birmingham Cambridge]

Romaniello Matthew P. (2009) *Tobacco in Russian History and Culture: from the Seventeenth Century to the Present*. New York, Routledge.

Зуев, А. С. (2017) Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI — начале XVIII в. / А. С. Зуев, П. С. Игнаткин, В. А. Слугина. Новосибирск. ИПЦ НГУ

Маслюженко Д.Н. (2018) Тюменское и Сибирское ханства / под ред. А.Г. Ситдикова, Р.Р. Хайрутдинова. Казань: Изд-во Казан. Ун-та.

УСЛОВИЯ ЛОЯЛЬНОСТИ СИБИРСКОЙ ВОЕННО-ГРАЖДАНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

С.И. Филиппов

Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск
filippov.nsu@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена исследованию условий лояльности сибирской военно-гражданской администрации по отношению к центральной власти. Исследование проводится на материале сопоставления контрастных случаев – казачества Дона и Запорожья (относительно низкая лояльность), а также сибирских казаков (относительно высокая лояльность) в XVII в. Выявлено, что в Сибири сложились условия относительно высокой лояльности местной военно-гражданской администрации по отношению к центральной власти: наличие источников благосостояния помимо государственного жалования, связанных с государственной службой (добыча пушнины и сбор ясака); относительно высокая социальная, культурная, этнолингвистическая дистанция по отношению к коренному населению; ограниченные возможности продажи накопленных ресурсов на внутреннем и внешних рынках и конвертации полученных средств в политико-административное влияние.

Ключевые слова: лояльность, военно-гражданская администрация Сибири, военно-бюрократические институты, базовые социальные заботы.

В общественном сознании сибиряки издавна воспринимались как вольнолюбивые люди, привыкшие самостоятельно справляться с трудностями, не возлагая надежд на доброго «барина» или «начальника». Это не удивительно, учитывая социальный состав пришлого населения Сибири, начиная с XVII в., которое в значительной мере формировалось из ссыльных (в т.ч. и уголовных преступников), пленных, «гулящих» и др. [Шунков, 1946, с. 19–21]. Необычно, что люди с подобным жизненным опытом и соответствующими установками сознания и поведения (габитусом) сохраняли высокую степень лояльности по отношению государственной власти. «Бунташный» XVII в. не распространился в широких масштабах на сибирские просторы, исключая восстания коренного населения. Значительную долю в составе пришлого населения Сибири XVII в. составляли казаки. Почему весьма схожие в социально-культурном отношении донские и запорожские казаки поднимают мощные восстания, сотрясающие основы государства, а перебравшись в Сибирь сохраняют верность государственной власти?

Исходное предположение состоит в том, что лояльность подчиненных (субъектов лояльности) по отношению к начальству (объектам лояльности) тем выше, чем более первые видят в лице вторых обеспечивающее сообщество, которое удовлетворяет их базовые социальные заботы – предоставляет им социальный статус с соответствующими гарантиями безопасности, символическим престижем и благосостоянием. Относительно высокий уровень лояльности по отношению к государственной власти (правителю или правительству) обеспечивается социализацией в рамках военно-бюрократических институтов государственной службы [Розов, Филиппов, 2024, с. 196–198].

Привлекательность военно-бюрократических институтов как обеспечивающих сообществ относительно высока, если: сохраняется приемлемый уровень благосостояния/социального престижа, безопасности после выхода в отставку и/или помимо службы; срок пребывания на престижных позициях относительно непродолжителен, что способствует вертикальной мобильности; относительно высока культурная, социальная, лингвистическая дистанция между субъектами лояльности и социальным окружением, что препятствует созданию коалиций и союзов; уровень влияния, власти, богатства отдельных субъектов лояльности существенно ниже, чем объектов лояльности, что препятствует появлению влиятельных акторов, обладающих значительной автономией и способных бросить вызов местной, а подчас и центральной власти [Филиппов, 2025, с. 19–20].

Каким образом данные факторы проявились в интересующих нас контрастных случаях – взаимоотношении с государственной властью донских и запорожских казаков (относительно низкий уровень лояльности) – одной стороны и сибирской военно-гражданской администрации, состоящей в значительной мере из тех же казаков (относительно высокий уровень лояльности) – с другой?

Уровень благосостояния помимо службы. Доходы донских казаков были трех основных видов: «хождение за зипунами» (грабеж купеческих караванов, набеги на соседние территории, захват и продажа или возвращение за выкуп полона); соляные промыслы и рыболовство, государево жалование. По мере распространения и укрепления государственного контроля на территории, которые являлись целью казачьих набегов, жалование становилось едва ли не единственным источником дохода казаков. При этом предложение часто превышает спрос: администрация государств региона не нуждалась в таком количестве служилых людей и не была готова регулярно оплачивать их содержание. Казачьи бунты и восстания выступают формой торга с властью за жалование, навязыванием государству охранных услуг [Филиппов, 2019, с. 114–115]. Сходная ситуация складывается и в отношениях между запорожцами и Польской короной. Одной из важнейших причин конфликтов

между ними была численность реестра – казаков, принимаемых на государственную службу и получающих за это жалование и статус безгербовой шляхты [Бережная, Будницкий, 2007, с. 33–63].

Для сибирских служилых казаков нерегулярно выплачиваемое жалование не было основным и даже существенным источником благополучия. Доходы их состояли из «мягкой рухляди», «моржового зуба» и других ценных ресурсов, которые добывали либо сами казаки во время своих походов, либо принуждали к добыче местное население в качестве дани – ясака [Зуев, 2002]. Следует отметить, что право на сбор ясака казаки получали от государственной инстанции – воевод (как правило, за взятки), поэтому, государственная служба оставалась для них обеспечивающим сообществом.

Культурная, социальная, лингвистическая дистанция между субъектами лояльности и социальным окружением. Социальное окружение как донских, так и запорожских казаков – крестьянское и городское население – было единоверным казакам, близким в этническом и языковом отношении, а показачивание – принятие в казацкое сообщество крестьян и горожан, распространение на территориях, подвластных казакам традиций их самоуправления (ликвидация крепостной зависимости, установление власти казачьего круга) еще больше сокращало социальную и культурную дистанцию.

Условий для подобной солидарности не было в Сибири XVII в., поскольку русское крестьянское население было весьма малочисленно, а автохтонное население подвергалось со стороны казаков жестокой эксплуатации. В фольклоре сибирских народов образ казака совершенно лишен каких-либо позитивных черт, является воплощением крайней жестокости и коварства [Кузьминых, 1994]. Эта жестокость была вызвана не какими-то особыми садистскими наклонностями первопроходцев, а социальными формами, в которых происходило освоение Сибири. Казаки и промышленники отправлялись в длительные походы небольшими группами. У них не было возможности взять значительное количество товаров для обмена на продовольствие, обеспечить пропитание своими силами они также были не в состоянии. Кроме того, промысловики зачастую не обладали необходимыми охотничьими навыками для добычи пушнины. Все это обусловило широкое применение насилия и принуждения по отношению к автохтонному населению и, соответственно, отчуждение между казаками и коренным населением.

Влиятельные акторы и продолжительность пребывания на престижных позициях. Природные ресурсы Сибири, прежде всего, пушнина, мех и кости морского зверя пользовались спросом на международных рынках (как в Европе, так и в Китае), принося большие доходы как казне, так и частным лицам. Почему же эти доходы не были

инвестированы в политико-административное влияние, как это произошло, например, в Польско-литовском государстве, где разбогатевшие на международной торговле зерном магнаты могли содержать частные армии и обширную клиентелу, а их власть и влияние превосходили королевские? В Сибири влиятельные акторы не появились по следующим причинам. Во-первых, высшие должностные лица сибирской администрации – воеводы, создававшие на взятках, участии в торговле пушниной и т.д. громадные состояния – занимали свой пост относительно непродолжительное время (два года). Они не успевали обрести клиентелой, после возвращения в европейскую Россию против них зачастую возбуждались коррупционные дела. Во-вторых, сибирские богатства на месте реализовать было просто невозможно¹. Торговля с Китаем носила меновой характер и, например, чай продать в Сибири было не просто: в некоторых сибирских регионах брикеты чая с вытесненных на них двуглавым орлом заменяли монеты и ассигнации вплоть до начала XX в. Что касается добытчиков сибирских ресурсов, то для организации экспедиций «на встречу солнцу» требовались существенные средства, промысловики снаряжались в свои долгие и опасные экспедиции в долг, и существенная часть добычи шла на его уплату. Наконец, особенности организации казацкого социума как эгалитарного военизированного сообщества препятствовали концентрации власти, влияния и богатства в руках отдельных индивидов. В Сибири удачливые казаки вели себя как подлинные представители «праздного класса»: они не занимались производительным трудом, принуждая к нему местное население, проводили время за азартными играми и пирами, в процессе которых теряли накопленные богатства. Таким образом, в Сибири XVII в. – на пике добычи «мягкой рухлядь» и высокого спроса на нее на международных рынках – не сложилось условий, которые способствовали бы концентрации власти и богатства в руках отдельных индивидов – частных предпринимателей или государственных служащих, прежде всего, местных воевод – и появлению влиятельных акторов.

Итак, в Сибири в период ее постепенного вхождения в состав России и укрепления государственной власти сложились условия, которые способствовали относительно высокому уровню лояльности местной военно-гражданской администрации по отношению к центральной власти: наличие источников благосостояния помимо государственного жалования, связанных с государственной службой (добыча пушнины и сбор ясака); относительно высокая социальная, культурная, лингвоэтническая дистанция по отношению

¹ С. Дежнев в 1656 г. вывез в Якутск столько моржовой кости, что у местных властей не нашлось даже необходимой суммы денег, чтобы рассчитаться с ним, и удачливого казака отправили для расчета в Москву [Зуев, 2002].

к коренному населению; ограниченные возможности продажи накопленных ресурсов (пушнина, кость и шкуры морских животных и др.) на внутреннем и внешних рынках и конвертации полученных средств в политико-административное влияние.

Литература

Бережная, Л.А., Будницкий, О.В. и др. (2007). *Западные окраины Российской империи*. М.: Новое литературное обозрение.

Зуев, А.С. (2002). Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. *Сибирская заимка* [Электронный ресурс]. URL:<https://zaimka.ru/zuev-aborigines-app1/?usclid=methh26p3b841634029> (дата обращения 27.08.2025 г.)

Кузьминых, В.И. (1994). Образ русского казака в фольклоре народов Северо-Восточной Сибири. *Урало-Сибирское казачество в панораме веков*. Томск: Томский государственный университет. С. 32–39.

Розов, Н.С., Филиппов, С.И. (2024). Лояльность местных элит центральной власти: общие закономерности и институциональные контексты. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. № 77. С. 193–203. DOI 10.17223/1998863X/77/16

Филиппов, С.И. (2019). Условия ответственности военно-гражданской администрации России (XVII – начало XX в.). *Вестник Омского университета*. Т. 24, № 1, с. 111–117.

Филиппов, С.И. (2025). Капитан Копейкин на распутье: условия (не)лояльности элит государственной власти в России. *ДИСКУРС*. Т. 11. № 2 С. 5–20. DOI: 10.32603/2412-8562-2025-11-2-5-20.

Шунков, В.И. (1946). *Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII веков*. М.; Л.: Изд-во АН СССР.

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУР ЗНАНИЯ МИРОСИСТЕМЫ НА ПОЛОЖЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ПЕРИФЕРИИ: ИДЕИ ОБ ИСТОРИИ СИБИРИ

С.А.Хлыновская

СИУ РАНХиГС, Новосибирск

s.khlynovskaia@alumni.nsu.ru

Аннотация. В статье применяется модель структур знания миросистемы Р. Ли и И. Валлерстайна к истории Сибири как внутренней периферии России.

Ключевые слова: миросистема, структуры знания, внутренняя периферия, Сибирь.

Миросистемный подход в отечественной науке известен, в первую очередь, в контексте изучения макроэкономических и глобальных политических процессов. Однако «твердое ядро» миросистемного подхода (в терминах И. Лакатоса) за более чем полувековую историю его существования расширялось и достраивалось как основоположниками, так и многочисленными последователями. Часто критикуемый за игнорирование вопросов культуры, на самом деле, И. Валлерстайн посвятил ей ряд ключевых работ [см. Wallerstein, 1991; Wallerstein, 1992]. Долгий путь кристаллизации проблемы и концептуализации ее внутри уже очерченной структуры привел к появлению «третьей арены» миросистемы – арены структур знания, равных по значимости экономическим и политическим структурам миросистемы [см. Lee, 2003; Lee, 2017]. Неизвестные русскоязычному читателю, работы о структурах знания в миросистемном подходе имеют высокий потенциал для перспективных исследований Сибири и положения в общегосударственной структуре России в историческом и современном срезе.

Статья посвящена применению модели структур знания миросистемы к истории развития Сибири как внутренней периферии Российского государства. Методологическим основанием выступает миросистемный подход И. Валлерстайна, в рамках которого была разработана модель структур знания миросистемы как третьей арены [Lee, Wallerstein, 2000]. Историческая система капитализма, установила экономическую экспансию и политический контроль через межгосударственные системы с применением силы принуждения. Структуры знания же действуют через влияние на ограничивающие отношения познания и интенциональности [Lee, 2003, p. 121]. Они – ментальные рамки, в терминах Ф. Броделя, определяющие наш взгляд на мир, ценности, паттерны поведения, имеющие решающее значение для принятия решения историческим субъектом. Эти структуры «воплощают

и воспроизводят внутренне противоречивые и всегда оспариваемые основы консенсуса о том, что можно думать и, следовательно, делать» – пишет Р. Ли, описывая процесс определения ядром «что можно и нужно делать» всей миросистеме через среднесрочные колебания, которые он назвал *логистиками* [Там же, р. 124]. Логистики представляют собой способ адаптации существующей системы неравного обмена к нарастанию социальных противоречий для ее сохранения в масштабе миросистемы. Возможность выделять подобные для отношений для отношений ядра-периферии внутри каждой зоны миросистемы [Chase-Dann, 1998]. Рассматривая Россию как единицу анализа, центральная власть и Сибирь будут находиться в таком типе отношений. Так, логистики колебаний структуры знания в политике внутреннего «ядра» для Сибири будут отвечать на давление со стороны населения региона, которое, в свою очередь, является результатом ответа на осуществляемую в отношении региона политику.

Исследовательская проблема о положении Сибири как источника ресурсов изучается со множества сторон [см. Донских, Золоторенко, 2013]. Положение уникальных сибирских культур, их трансформация под давлением глобализации и урбанизации исследуется в рамках широкого вопроса этничности [см. Анжиганова, Топоева, 2017]. Методологическим преимуществом использования миросистемного подхода является способность с его помощью объединить результаты множества работ. Так, с позиций миросистемного подхода, признаваемая исследователями экономико-политическая эксплуатация Сибири сопровождалась эпистемологической эксплуатацией. Инструментом контроля становилось насаждение культуры центра, встречающее сопротивление со стороны населяющих ее народностей. Культурное подчинение через конструирование особенной смысловой рамки для определения инкорпорируемой территории и кодирование социального поведения сопровождало экономический интерес центра. Схожие механизмы отмечали исследователи региона вне миросистемной методологии [см. Родигина, 2006, с. 2; Ерохина, 2012, с. 63].

Отношения «ядро-периферия» внутри зоны миросистемы (например, в отдельном государстве), по идее К. Чейс-данна, повторяют механику глобальных отношений. Согласно модели Р. Э. Ли, логистики структур знания являются с одной стороны, способом инкорпорации территории для обеспечения удовлетворения потребностей ядра, с другой, выступают в качестве инструмента снятия противоречия между интересами ядра и периферии. В период от начала освоения и весь период империи, Сибирь представлялась в духе колонизаторского дискурса с его делением на «цивилизации» и «дикарства». Исследователи отмечают, что в имперском проекте создания «большой русской нации» социокультурная адаптация коренного населения путем интеграции в жизнь мирных крестьян-

переселенцев была равнозначна по силе возлагаемых на нее надежд экономическим и военно-стратегическим. В противостоянии «московскому мануфактурному игу» в экономике и насаждению «русского православного элемента» в культуре формируется сибирская региональная идентичность [см. Ремнев, 2003]. При этом способы, эпистемологические рамки описания Сибири как части российского государства не были едиными – множественные интеллектуальные проекты боролись за эту возможность [см. Родигина, 2006]. Масштабное исследование Н. Н. Родигиной об образе Сибири во второй половине XIX в. в русской журнальной прессе детально рассматривает конструирование эпистемологического давления на Сибирь со стороны ее «ядерного» центра Российского государства, взаимное столкновение двух эпистемологических систем, формирующихся во внутренней прессе (сибиряки о сибиряках) и в центральных общественно-политических изданиях. Автор отмечает изменение позиционирования Сибири в прессе с 1904 г., когда ввиду угрозы войны сменилось место региона в геополитической стратегии империи [Там же, с. 11].

Несмотря на изменение формы государственности с наступлением революции 1917 г., новая власть переняла изменившийся дискурс в отношении Сибири. Логистика флуктуаций структуры знания сменилась до образования СССР и была воспринята новым центром в рамках функционирования новой структуры знания. Продолжая поздний имперский дискурс о роли Сибири в обороне страны на Востоке и ее возможном вкладе в будущее богатство страны, в советское время создается образ новой земли, у которой та же важная роль – но уже не в контексте узкого восточного вопроса, а в контексте борьбы за победу социализма в целом мире. Логистика советского периода – идеологический инструмент, конструирующий образ Сибири как новый центр знания и мира. Строительство Академгородка, развитие космической программы, массовая агитация «строек социализма» типа БАМа были иллюстрацией проведения универсалистской идеологии нового центра [см. Докучаев, Дулов, 1969].

Смена логистики среднесрочного колебания структур знания центра на протяжении советского периода истории нашей страны или позднее – актуальный вопрос для исследований. Однако необходимость «переизобретения образа» Сибири уже озвучена в ученом сообществе [Ерохина, 2012, с. 56]. Прогосударственная активность в среде гранты, исследовательские программы для институтов и конференции указывают на, как минимум, попытки определить логистику, или являются частью осуществления логистики того типа, который еще только предстоит описать.

Литература

Анжиганова, Л. В., Топоева, М. В. (2017). Хакасы в условиях глобализации: ментальные деформации. *Новые исследования Тувы*. № 3. С. 100–110.

Докучаев, Г. А., Дулов, В. И. (1969). *История Сибири. Т. 5: Сибирь в период завершения строительства социализма и перехода к коммунизму* / Г. А. Докучаев (отв. ред.), В. И. Дулов, А. И. Крушанов, Ф. А. Кудрявцев и др.

Донских, О. А., Золотаренко и др. (2013). Экономическое пространство Сибири: изнутри и извне. *Идеи и идеалы*. Т. 1. № 3 (17). С. 5–30.

Ерохина, Е. А. (2012). Модернизация «Другой России»: образы Сибири и стратегии ее развития. *Идеи и идеалы*. Т. 1. № 3. С. 55–64.

Конев, А. Ю. (2019). Феномен «иноземчества», ясак и дарообмен: народы Поволжья, Урала и Сибири в России конца XVI – начала XVIII веков. *Золотоордынское обозрение*. Т. 7. № 4. С. 760–783. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-4.760-783.

Ремнев, А. В. (2003). *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков*. Омск. Изд-во Омского государственного университета.

Родигина, Н. Н. (2006). *Другая Россия: образ Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX века*. Новосибирск. Изд-во НГПУ.

Chase-Dunn, C. (1998). *Global Formation: Structures of the World Economy. Updated Edition*. Lanham, Maryland. Rowman & Littlefield Publishers.

Lee, R. E. (2003). The "Third" Arena: Trends and Logistics in the Geoculture of the Modern World-System. In Dunaway, W. A. (ed.). *Emerging Issues in the 21st Century World-System. Vol. 1. Crises and Resistance in the 21st Century World-System*. Lanham, Maryland. Rowman & Littlefield Publishers. Pp. 120–127.

Lee, R. E. (2017). *Knowledge matters: the structures of knowledge and the crisis of the modern world-system*. New York. Routledge.

Lee, R. E., Wallerstein, I. (2001). Structures of Knowledge. In Blau, J. R. (ed.). *The Blackwell Companion to Sociology*. Oxford. Blackwell Publishing. Pp. 227–236.

Wallerstein, I. (1991). The National and the Universal: Can There Be Such a Thing as World Culture? In King, A. D. (ed.). *Culture, Globalization and the World-System: Contemporary Conditions for the Representation of Identity*. London. Macmillan. Pp. 92–106.

Wallerstein, I. (1992). *Geopolitics and Geoculture: Essays on the Changing World-System*. Cambridge. Cambridge University Press.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ФАКТОР ГЕОПОЛИТИКИ

С.И. Черных

Новосибирский государственный аграрный университет
serg2560380@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются аспекты трансформации образования, связанные с возникающими в условиях кризиса глобализации факторами геополитики. Констатируется, что формирование нового экономического и политического мирового порядка, связанных со становлением национальных суверенитетов, формируют новую архитектуру образовательного пространства. Геополитические интересы в образовательной политике России в этом векторе приобретают специфическую направленность, которая выражается в концепте «российский образовательный суверенитет». Особое значение в этом концепте отводится актуализации образовательного пространства регионов и, в первую очередь, Сибири.

Ключевые слова: Система образования, кризис глобализации, геополитика, Россия, Сибирь.

В современных условиях глобальной неустойчивости и геополитической турбулентности роль образования как инструмента защиты национальных интересов приобретает стратегическое значение. Система образования из социального института трансформируется в ключевой элемент обеспечения национального суверенитета, а собственно образовательный суверенитет концептуализируется как одно из его оснований. Актуальность исследования образования, как фактора геополитики, обусловлена целым рядом трансформаций в общем процессе изменений в мире и России в период с 2000 по 2025 годы. Во-первых, в эпоху цифровизации и технологий ИИ именно человеческий капитал, качество образования, уровень научных компетенций, а также интеграция интересов образования-науки-бизнеса-власти определяют конкурентоспособность государства. Образовательные достижения напрямую влияют на экономическое развитие, инновационный потенциал и технологическую независимость страны. Во-вторых, современная геополитическая ситуация характеризуется усилением борьбы за интеллектуальные ресурсы. Страны, обладающие развитой системой образования и науки, получают существенные преимущества в формировании глобальных трендов, определении стандартов развития и распределения мировых ресурсов. Образовательная политика все явственнее становится «мягкой силой», позволяющей укреплять международное влияние через активное привлечение иностранных студентов, развитие научных и образовательных

коллабораций разного уровня (в том числе и сетевых), экспорт образовательных услуг.

Особую значимость в условиях складывания «совсем новой экономики» (термин И. Целищева) приобретает роль образования. В укреплении геополитических позиций России в условиях санкционного давления и попыток изоляции развитие собственной (читай самостоятельной) образовательной системы критически важно для:

- восстановления научного (в т.ч. кадрового) потенциала;
- восстановления системы подготовки квалифицированных специалистов;
- формирования национально-патриотического сознания соответствующего требованиям времени уровня;
- укрепления культурно-гуманитарного пространства, в том числе в векторе развития международного сотрудничества на новых принципах.

Учитывая географическое положение Сибири ее стратегический потенциал проявляется в трех основных аспектах. Во-первых, Сибирь – это естественный природный мост между Европой и Азией, между восточными и западными регионами внутри самой России. Во-вторых – это экономический ресурс страны и региона, который используется не всегда эффективно. В-третьих – это научно-образовательный потенциал, который формировался десятилетиями и сегодня представляет серьезную базу для развития геополитического фона российского образования. Сегодня в Сибирском федеральном округе 118 высших учебных заведений. «Три сибирских университета входят в десятку российских вузов с самым высоким уровнем научно-исследовательской деятельности, а 14 сибирских вузов участвуют в федеральной программе «Приоритет-2030»...В «Рейтинге лучших вузов России» (RAEX-100, 2024 год) по уровню научно-исследовательской деятельности Национальный исследовательский Томский госуниверситет занимает третье место, Национальный исследовательский Томский политехнический университет – седьмое и Новосибирский национальный исследовательский государственный университет – девятое... По данным портала мониторинга деятельности образовательных организаций, удельный вес доходов от НИОКР в общих доходах образовательной организации у Томского госуниверситета составил в прошлом году около 20%, у НОУ-29,7%, у Томского политеха – более 34%» - сообщает «Коммерсант» [Степанов, Лавренков, 2024.]. Однако уже через год рейтинг вузов России-2025 «Сто вузов России-2025 от того же агентства RAEX по четырем ключевым показателям находит ухудшение положения сибирских вузов [Воронцова, 2025].

В 2012 году Жорес Алферов опубликовал книгу-эссе «Власть без мозгов. Отделение науки от государства» (другое название «Власть без мозгов. Кому мешают академики»), а несколько ранее английский журналист

Пол Хлебников опубликовал свое исследование «Крестный отец Кремля Борис Березовский или история разграбления России» [Алферов, 2012; Хлебников, 2001]. И если П. Хлебников анализировал причины и процесс краха советского государства, то Ж. Алферов проделал то же самое в отношении науки. Обе эти книги объединяет мысль о том, что государства как цельного и мощного единства на сегодняшнем геополитическом пространстве без мощных и автономных науки и образования быть не может. Только англичанин говорил о том, что российское правительство этого не понимает и удивился этому, а Ж. Алферов, констатируя это непонимание (часто интерпретируя его как диверсию) ужасался последствиям и необратимости будущего. «Совсем новая экономика», «проведя» свою «шоковую терапию», заставила власть заняться реанимацией фундаментальной науки, трансформацией образования, изменением всего ландшафта взаимодействия власти-науки-образования и бизнеса. «Исцеление от лежачего капитализма» (термин П. Хлебникова) – процесс, который затянулся надолго. К 2020-м годам, как следовало из Отчета «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых», констатация была следующей: «Несмотря на существенные вложения в российскую науку со стороны государства, (согласно Отчету общие затраты на российскую науку выросли с 2000г. по 2018г. в действующих ценах с 76,7 млрд.руб. до 1082,2 млрд. руб, в постоянных ценах 2000г с 76,7 млрд. руб до 153,1 млрд. руб, в % от ВВП снизилась с 1,05% до 1,00%), данная сфера остается недостаточно продуктивной, не формирует собственную научно-технологическую основу для создания и «реализации приоритетов, реагирования на большие вызовы», стоящие перед обществом и государством, не выступает драйвером для социально-экономического развития» [Изотова, 2020].

Если этот вывод перенести на образование, то мы получим идентичную формулу, о чем свидетельствуют многочисленные исследования [Донских, Клисторин, Логунова, 2022; Хан, 2025]. Сегодня образовательная политика как никогда зависит от экономики, а если быть более честным, то от финансирования. Несмотря на увеличение денежных сумм, направляемых в сферу образования (в том числе и высшего) рефреном звучат призывы «зарабатывать самим», «увеличивать интеллектуальные разработки и их коммерциализацию». Потенциально подтверждают растущую зависимость рост внеинституциональных форм обучения, развитие корпоративных университетов и множество других процессов, слабо учитываемых в официальных образовательных регулятивных актах (как в России, так и в других развитых странах). Потрясения, сопровождающие мировую и российскую экономику уже не опосредованно, а «прямо» отражаются на общественном сознании и его основных структурах. Иван Целищев,

характеризуя деглобализацию как причину кризиса современной культурно-геополитической архитектуры пишет: «Мировая экономика и без того потерявшая спортивную форму во второй половине 2010-х, получила два мощных удара ниже пояса: в 2020 году от пандемии, в 2022-от геополитического шока. Затем последовала череда жесточайших засух, разрушительных наводнений и ужасающих землетрясений в разных концах планеты. Кажется, сама природа протестует против того, как человечество хозяйствует и управляет... «Вот она, совсем новая мировая экономика сегодняшнего дня – нелепая экономика, экономика перебоев, экономика, в которой экономический здравый смысл растоптала геополитика, больно ударив по качеству жизни огромного большинства жителей планеты... Теперь, в «совсем новую эпоху», эта экономика (глобальная, высокоинтегрированная-авт.) оказалась разрушенной, и большинство людей планеты обречено на то, чтобы вести нелегкую борьбу хотя бы за сохранение своих жизненных стандартов» [Целищев, 2025].

Геополитика, «подмявшая» под себя экономику, обусловила концепт сначала технологического, а потом образовательного суверенитета России. Вместе с этим происходит резкая переориентация всего мировоззренческого фона общественного и индивидуального сознания. Научная картина мира, в значительной мере формирующаяся под влиянием медиа, квантифицирует сложные экономические и политические феномены. В результате такой квантификации до индивидуального сознания «доводится» то, что позволяет составить далеко не полный «пазл реального состояния бытия». Образование, соответствующее такому развитию духовности, теряет свою человекообразность и в качестве основного достоинства приобретает профессионализм как новый универсум своего бытия. Это относится (как странно это не звучит) не только к людям – субъектам образовательных отношений, но ко всем субъектам образовательных отношений – и к людям, и к институциям. Но, как справедливо замечает в этом контексте А. Асмолов «Новейшие технологии, лишённые культурных смыслов, оборачиваются торными дорогами в средневековье» [Асмолов, 2025]. Об этом очень хорошо свидетельствует разделение вузов «по рангам». «Топ-100» и «неселективные вузы» (из общего количества 1200 таковых очевидно 1100? – авт.) – это «два разных образовательных пространства». Эта же картина характерна для Сибири с ее 118 вузами. Только НГУ и ТГУ представляют сибирский регион в Топ-1000 мировых рейтингов. Тем не менее можно (в качестве позитивного момента) можно констатировать сохранение азиатского вектора сотрудничества и расширение цифровых форматов взаимодействия.

Усиление влияния экономических и геополитических факторов на формирование образовательной стратегии регионов будет становиться все ощутимее в ближайшей перспективе. Само образование в таком дискурсе должно рассматриваться не только как социальный институт (социальный

лифт), но как активный фактор (условие) конкурентоспособности и обеспечения коллаборации в интересах самостоятельного развития России.

Литература

Степанов, И., Лавренков, И. (2024). Не думай об ученых свысока. Как и чем сибирские научные центры вкладываются в экономику. *Коммерсант-Сибирь/Приложения* [Электронный ресурс]. URL: www.kommersant.ru/

Воронцова, Ю. (2025). Рейтинг вузов России-2025 от агентства RAEX. Сибирские вузы среди 100 лучших вузов России. *Сибирский семейный сайт Sibmama* [Электронный ресурс]. URL: www.sibmama.ru/ (дата обращения 30.06.2025)

Алферов, Ж.И. (2012). *Власть без мозгов. Отделение науки от государства*. М., Алгоритм.

Хлебников, П. (2001). *Крестный отец Кремля Борис Березовский, или история разграбления России*. М., Детектив-Пресс.

Изотова, Г.С. (2020). Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Определение основных причин, сдерживающих научное развитие в Российской Федерации: оценка научной инфраструктуры, достаточность мотивационных мер, обеспечение привлекательности работы ведущих ученых». *Audit.gov.ru*. [Электронный ресурс]. URL: <https://audit.gov.ru/upload/iblock/94c/94cb719b9702e15f8092d998273c68a0.pdf> (дата обращения 07.02.2020)

Современное российское образование: вызовы и ответы: монография. О.А. Донских, В.И. Клисторин, Л.Ю. Логунова [и др.]; под. общ. ред. О.А. Донских (2022). Новосибирск: НГУЭУ.

Новые миры образования: Трансформация обучения в эпоху искусственного интеллекта. М., Альпина ПРО.

Любарский, Г.Ю. (2020). *Образование будущего. Университетский миф и структура мнений об образовании XXI века*. М.: Товарищество научных изданий КМК.

Целищев, И.С. (2025). *Совсем новая экономика: как умирает глобализация и что происходит ей на смену*. М.: Эксмо.

Асмолов, А. (2025) *Психология достоинства: Искусство быть человеком*. М.: Альпина Паблишер.